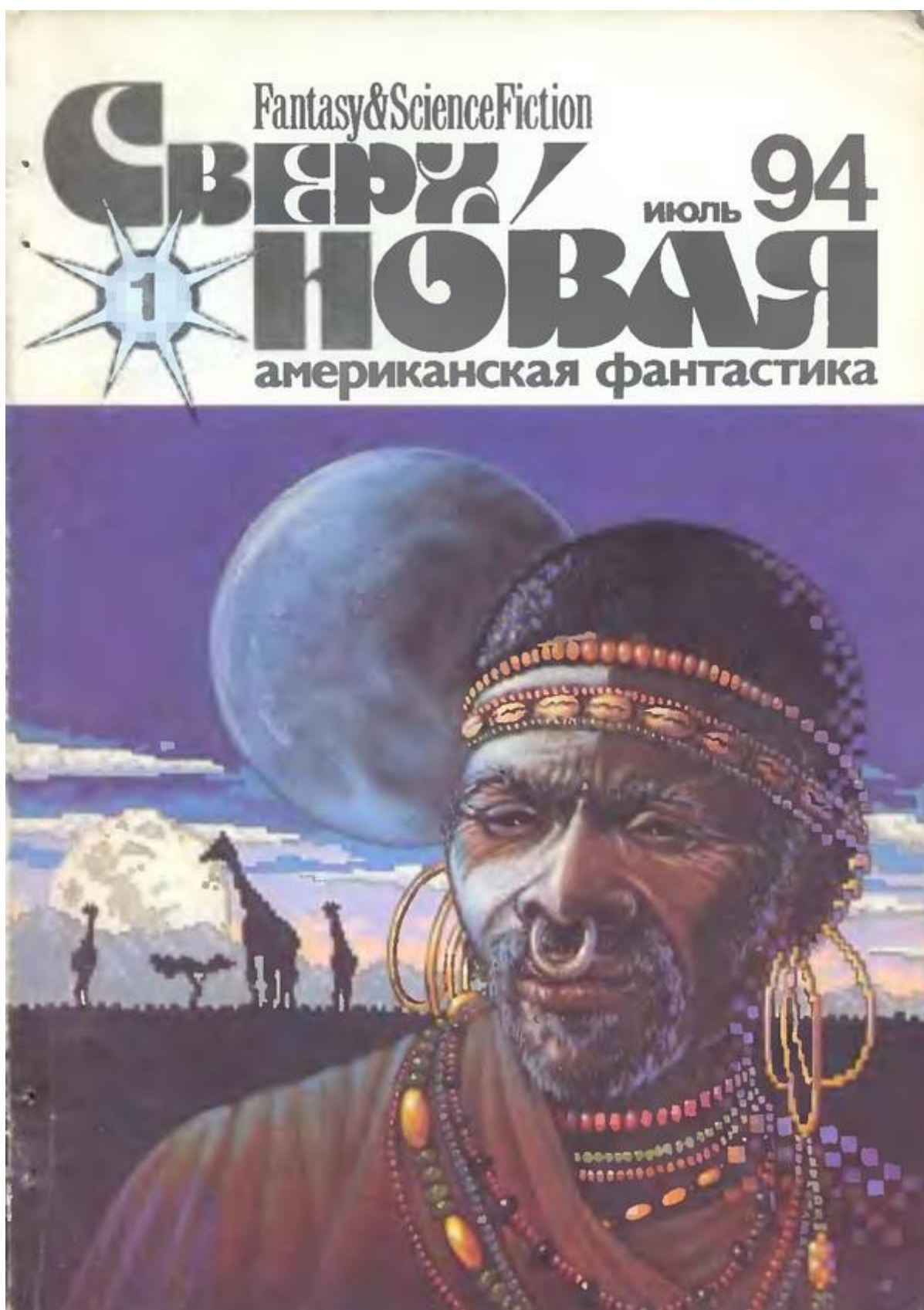

**Лариса Михайлова Родриго Гарсия-и-Робертсон
Кристин Кэтрин Раш Майк Резник Чарльз де Линт
Теодор Гамильтон Старджон Йен Уотсон Ольга
Спицына Татьяна Добрусина А. А. Семёнов
Алексей Скворцов Ольга Скворцова**

Сверхновая американская фантастика, 1994 № 01

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 001

FineReader 12 <http://lib.rus.ec/b/437190>

Колонка редактора

Надежда

Здравствуйте, наши первые читатели!

Вместе с нами, редакцией «Сверхновой», вас приветствует и американская редакция журнала «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», почти полвека лидирующего на журнальном нф-рынке США, — Эдвард Ферман, Кристин Кэтрин Раш и Одри Ферман.

«Сверхновая американская фантастика» — русская версия «F&SF». Но могут спросить, на что мы надеемся, затеявая новый журнал в наше, столь неблагосклонное ко всем начинаниям время? Именно на то, что это не просто новая, а *сверх* новая фантастика. Никому, кроме относительно немногих читающих по-английски любителей, у нас неведомая. Из-под пера тех звезд мира фантастики, что засияли всего пять-шесть лет назад. Рассказы, повести, романы 90-х годов.

«Сверхновая» донесет до вас и свет тех звезд, что вспыхнули десять-пятнадцать, а то и двадцать лет назад, но для русского читателя оставались до сих пор невидимыми: издатели публиковали лишь тех авторов, которые писали до 1973 года (когда СССР присоединился к Международной конвенции об авторском праве) и «не нуждались» в оплате. Сложилась парадоксальная ситуация — прилавки переполнены, но все это, за редчайшим исключением, вещи, написанные, когда еще отцы и матери нынешних читателей были молодыми. Пользуясь предоставленным американской стороной правом, редакция «Сверхновой» обеспечит своим читателям уникальную возможность познакомиться с развитием американской фантастики за последние 20 лет. Литературно-критические статьи высветят наиболее интересные тенденции.

Порой изменения могут показаться столь большими, что произведения внешне вовсе нефантастичны, как, например, написанные в жанре альтернативной истории. Это своего рода документализм в фантастике, когда состоявшееся событие как бы возвращается к узловому моменту и пускается по другой колее — «если бы не произошло то, что произошло». Новыми красками играют непроявившиеся черты характера — как у драматурга Лилиан Хеллман, ставшей в рассказе Кристин Раш «Святые грешники» сенатором. Авторские изменения в американской истории не каждому будут очевидны, поэтому переводчица снабдила рассказ некоторыми необходимыми примечаниями.

В целом мы сохраним структуру американского издания. Две трети будет занимать проза, постоянными рубриками станут рецензии на переводные новинки, обзоры кино и видеофантастики. Вас ждет информация о свежайших новостях в мире НФ: хроника публикаций, встреч, событий, интервью с американскими писателями и критиками.

В рубрике «Наукософия» блеснет эрудицией и доброй иронией Айзек Азимов, автор 399 эссе для «F & SF» обо всем на свете, от космических далей до глубин психологии.

Будут, конечно, и другие известные имена — старейшина американских фантастов Джек Уильямсон, Фредерик Пол, англичане Джон Браннер и Джеймс Баллард, Кейт Вильхельм, Джеймс Типтри-мл., Бен Бова, Роберт Силверберг...

Но основную свою задачу редакция видит в том, чтобы знакомить с новыми авторами. Короткие вступительные замечания к рассказам и повестям представят некоторые факты биографии, более полное знакомство впереди. Некоторые из них буквально до вчерашнего дня неведомы были и американцам. Нам, как и бессменному на протяжении

последних двадцати лет редактору «F&SF» Эдварду Ферману, полюбился неоромантический Ньюфорд Чарлза де Линта («Бумажный Дед»), В этом году вы прочтете еще его «Мосты», проникнутые ностальгией по несвершившемуся и подспудной американской верой во всепобеждающую силу характера героини. Расположила к себе мятежная душа Линды Нагаты, автора повести «Освободительница» о рыцаре «со страхом и упреком». Общее — тревога, причем нешуточная, за жизнь и душевное здоровье наших современников, — все же «оторочена» у сверхновых фантастов Америки «silver lining» — тонкой серебристой полоской, обещающей свет после самого мрачного вихря.

Второй номер «Сверхновой» посвящен преимущественно компьютерной тематике и одному из её новейших ответвлений — путешествиям в виртуальной реальности. Третий — женщинам-фантастам США и феминизму в фантастике. Четвертый — альтернативным мирам, пятый — юбилейный и, наконец, последний в этом году — шестой — полностью будет отдан фэнтези.

Первый же условно можно обозначить как психологический, так как именно здесь кроются коренные новации. Несколько слов о том, как менялось изображение душевного состояния героя вообще. Сразу отбросим упрощенческое противопоставление Верна и Уэллса по этому параметру, — мол Верн писал лишь о технике будущего, а Уэллс о человеке. Обоих патриархов фантастики равно заботили последствия для людей проникновения научных и технических достижений в повседневность. Упомянем весьма злободневные по сей день «Пятьсот миллионов бегумы» и «Кораблекрушение „Джонатана“ Ж. Верна, где он постадийно описывал угрожающее развитие военно-промышленного комплекса и изображал конфликт анархистских идеалов свободного развития личности с потребностями нескольких сотен колонистов на острове. Чем не модель множества замкнутых социумов космических кораблей, далеких планет у современных фантастов? Уэллсовские принципы построения характера, который должен быть дан сначала «в его соотнесенности со Вселенной, историей, а затем лишь во взаимоотношениях с другими людьми», действуют и по сей день. Суть же перемен в том, что сформулированный Э. По, Ж. Верном и Г. Уэллсом новый подход к изображению человека в фантастике стал ведущим, обогатился множеством технических приемов. Если давать определение специфике психологического подхода — это расширенный психологизм.

Сознание героя непременно подключается к мировосприятию других людей или живых существ и, слившись с ними на время, преобразуется. Намного изобретательнее стали ракурсы изображения — «свежий марсианский взгляд на мир» дополняется повествованием с точки зрения дерева («Направление дороги» Урсулы Ле Гуин) и прочей «природы», иного времени, альтернативной реальности.

Подключение к ноосфере, подъем на уровень коллективного разума на пути к достижению стадии космического сознания (по терминологии английского фантаста Олафа Стейплдона) составляет подоплеку изображения душевного состояния героев как фэнтези, так и научной фантастики сегодня. Преодоление порогов в осознании себя личностью, практикуемое, скажем, при «ребефинге» («втором рождении»), описывается фантастами так называемого мистического направления, для которых «особые состояния» человека становятся воротами в непознанную связь человека и Вселенной. Вариант взгляда на возможные

пути самопознания, в том числе применительно к фантастике — статья «Вулкан страстей» А. и О. Скворцовых в этом номере.

И здесь кроется живое зерно надежды: так сложилось, что фантастам адекватнее всего удастся теперь изобразить многоуровневые взаимоотношения человека и мира и наметить выходы из лежащих впереди лабиринтов. Иногда в привычной нашему читателю приключенческо-динамичной форме, но зачастую в варианте внешне аморфных рассуждений, проникнутых самоиронией (Й. Уотсон «В аквариуме плавает моя душа»), в виде документально-реалистического варианта несбывшегося (К. Раш «Святые грешники»), мучительных раздумий о будущности традиций в современном мире (М. Резник «Ибо я коснулась неба»), размышлений о сути веры и безверия (Р. Гарсия-и-Робертсон «Старая вера»).

Сверхновые формы старой доброй фантастики ждут вас на страницах нашего журнала.

А от вас, дорогие читатели, будет зависеть, как сложится его дальнейшая судьба. Пишите, что вам хотелось бы увидеть на его страницах, а мы постараемся раздобыть самые редкостные диковины на ваш вкус. Ведь все мы любим фантастику.

В добрый путь.

Лариса Михайлова

Проза

Род Гарсия — историк, преподаватель Калифорнийского университета, дебютировал как нф-автор в 1989 году.

Чикано по рождению, он пишет под псевдонимом Гарсия-и-Робертсон. В своих произведениях неизменно затрагивает проблему взаимодействия культур — в прошлом, настоящем и будущем.

За пять лет на страницах F&SF опубликовано пять его разноплановых и разностилевых повестей, будто вышедших из-под пера разных писателей: фантастические чудеса мимикрии в инопланетном океане, космическая опера «Сиреньи отмели», повесть о столкновении психологической силы Запада и Востока в Сан-Франциско тридцатых годов и, наконец, историческая диалогия-фэнтэзи, которую мы и предлагаем вашему вниманию.

Род Гарсия-и-Робертсон Старая Вера¹

Лиддесдейлцы начали охоту.
Лучше б дома им тогда остаться;
Их добычей Джок из Сайда стал.

Из баллады о Джоке Армстронге Сайдском

1 © Rod Garcia-y-Robertson. The Auld Religion. F&SF May 1993.

Близость шотландской границы чувствовалась во всем. Только здесь можно было увидеть волка, пасущего овец. Провожая взглядом животных, графиня Анна Нортумберлендская подивилась столь необычному зрелищу. Она ожидала увидеть вооруженных до зубов разбойников, лиддесдейлских всадников в темных доспехах, околачивающихся возле границы, а вместо этого наткнулась на насмешливый оскал желтоглазого хищника. Волк носился взад-вперед по стаду, грозным рыком собирая зазевавшихся, слегка покусывая за ноги отбившихся овец, словно он был рожден не волком, а пастушьей собакой.

Кобыла графини попятилась, испуганно фыркая и поводя ушами. Анна нежно потрепала ее по загривку, успокаивая измученное долгим переходом животное:

— Сегодня тебе не придется спать на холодной, жесткой земле. Сегодня вечером я дам тебе вдоволь овса, а спать ты будешь на мягком душистом сене.

Совсем недавно слава о графине Анне шла по всей Англии. Ее любили и почитали не за огромное состояние, не за несметные богатства, а за доброту, справедливость, гостеприимство. Когда устраивались приемы, то на них порой собиралось по двести человек за раз, благо всем хватало места. Анне принадлежала дюжина домов, и в каждом было несколько спален — с мягкими кроватями, пуховыми перинами, тончайшим белоснежным бельем. Еще месяц назад Анна жила спокойно и счастливо, но все хорошее, как известно, быстро кончается. Теперь графине пришлось оседлать лошадь и вместе с многотысячной толпой устремиться к югу. Исход из Англии проходил в едином порыве, не было никаких сословных различий — лорды, благородные дамы, рыцари, ремесленники, откупщики, крестьяне, священники — все были равны перед лицом общей беды. Под знаменем трех Марий ~ той, которая жила, той, которая умерла, и той, что была Матерью Бога, — все поднялись на защиту Старой Веры. А сейчас графиня возвращалась на север, устав от лишений и невзгод. Давно смолкли ликующие возгласы. От тысяч сторонников осталась лишь горстка самых преданных воинов в помятых доспехах — человек сорок, не больше. Сейчас они скакали чуть позади Анны и ее мужа Тома. От усталости Анна еле держалась в седле. Раньше она понятия не имела, как тяжело и мучительно дается отступление. Конца их походу не было видно, дорога становилась все трудней, люди устали. Позади остался Хай-Роуд в Ньюкасле, где старый Джон Марч опустил решетку своих ворот прямо у них перед носом. Они пробирались обледенелыми тропами Тайна, проходили мимо Стены Адриана. Дорога кончилась. Перед Анной расстилалась голая степь, занесенная колючим снегом, из-под которого пробивались вересковые кустики. Отряду то и дело приходилось объезжать глубокие овраги... На севере путь преграждали Шевиотовы холмы, вынуждая беженцев искать спасения в Шотландии.

Овцы остановились у ручья, жалобно бляя и с явной неохотой глядя на студеную воду, куда загонял их необычный пастух. Они осторожно ступали по тонкому льду, который тут же проваливался под их копытами. Наконец, отфыркиваясь, они выкарабкались на другой берег и начали яростно отряхиваться. За переправой наблюдали два всадника. Один, одетый во все черное, обликом своим напоминал дьявола. Он явно любовался собой, гарцуя на тонконогом жеребце в лучах заходящего

солнца. Волк погнал стадо прямо к этой парочке. Овцы покорно сгруппировались вокруг всадников. Судя по всему, за старшего был густобородый сумрачный шотландец. За спиной у него висела пика, к седлу была приторочена аркебуза, из-за сапожных голенищ грозно глядели тяжелые пистолы, на поясе — зловещего вида кинжал. Похоже, у этого человека врагов было больше, чем друзей. Узкая рапира на перевязи явно казалась излишеством и скорее всего служила лишь символом принадлежности к дворянству. С некоторых пор Анне пришлось постичь науку распознавать людей с первого взгляда. Шотландец сразу не понравился ей. Том и Чарлз Невилл Вестморлендский направились к всадникам, а Анна подъехала ближе к обледенелой излучине, откуда она могла слышать разговор, не переходя ручей. Быстрая отрывистая речь шотландцев была непривычной для восприятия, и Анне приходилось напрягать слух, чтобы понять, о чем идет разговор.

— Земли Вормистоуна принадлежат мне. Приехал приветствовать ваши светлости в наших краях.

— Ты разве знаешь нас? — Том тянул время, чтобы осмыслить сказанное.

— Сюда редко кто забредает. Я прослышал, что английские лорды из Нортумберленда и Вестморленда следуют в этом направлении. Так кто же вы?

— А что вам нужно от этих лордов? — Анна начала терять терпение. Ее муж, Том Перси, седьмой граф Нортумберлендский, все еще был вынужден скрывать свое имя.

— Надо же принять людей честь по чести. Мы не бог весть какие богачи, но крышей над головой и какой-то едой поделиться можем.

— Ты любишь английских лордов? — подозрительно спросил Невилл, известный своей недоверчивостью.

— Я уважаю преступивших закон.

— Ты, похоже, и сам такой. В чем твое преступление?

Бородач обнажил в усмешке беззубый рот и скромно произнес:

— Убийство короля. Но это не главное.

— Посмотри на него, с виду мухи не обидит, просто агнец Божий. Что-то не верю я ему, — осторожно заметил Невилл.

Лорды вновь пересекли ручей, чтобы посоветоваться с Анной, оставшейся на английской стороне. Первым заговорил лорд Вестморлендский:

— Среди людей Босуэла был один разбойник из Тевинтдейла, некий лорд Ормистон. Король, об убийстве которого он говорит, по всей вероятности, вовсе никакой не король, а лорд Дарили, муж Марии.

Том стоял и мучительно раздумывал. С одной стороны, он опасался погони англичан, с другой — боялся, как бы радушный шотландец не подстроил им западню. К коварству беженцам было не привыкать. Что говорить о чужих людях, если Генри, родной брат Тома, предал их. Анна была уверена, что королева Елизавета посулила ему графство за подлость.

— Мне плевать, королей или собак убивал он в Шотландии, главное, сколько английских глоток он перерезал в последнее время, — наконец сказал Том.

— Мне нравится твоя осмотрительность, но вряд ли нам посчастливится иметь дело с честными людьми. Если мы не пойдем с ним, нам придется погибнуть. А если он сторонник Марии, то ни за что не

выдаст нас. К тому же ему не каждый день приходится принимать у себя таких гостей. В конце концов мы стоим всей его родни, вместе взятой, и можем рассчитывать на почет и уважение.

— А ты можешь поручиться, что он не выдаст нас какому-нибудь Скроупу или Сассексу? — спросил Том. — Люди, подобные ему, прежде всего любят самих себя и пекутся лишь о собственной шкуре и выгоде.

Том повернулся к Анне, его глаза горели гневом, но слова Невилла озадачили его.

— Мне этот человек тоже не по душе. Но с некоторых пор я усвоила простую истину. Если не можешь иметь то, что хочешь, то довольствуйся тем, что имеешь. Прошлой ночью по милости предателя мы провели ночь под открытым небом. Сегодня я готова спать в доме убийцы, если это спасет меня от дождя, снега, холода и ветра.

Прошлой ночью в Нейворте они просили приюта у кузена Тома горбуна Дарси, того самого, который громче всех выступал в поддержку восстания. Беглецы появились на его пороге в тот момент, когда Дарси собирался вместе с лордом Скроупом в погоню за ними. В виде компромисса Дарси просто выставил их из дому. Анна уже устала удивляться предательству, в какой бы форме оно ни выражалось. Она понимала, почему бедняки вслед за своим господином перешли на сторону противника. А Дарси восстал против королевы ради наживы, поэтому, смекнув, что дело не выгорает, он быстро переметнулся к сторонникам Елизаветы.

Что касается Анны и ее Друзей, то здесь и речи не могло идти о примирении с королевой. Анна слишком хорошо знала Елизавету, хотя они никогда не были особенно близки. Елизавета, как раньше ее отец и сестра, охлаждала горячие головы борцов за справедливость двумя средствами — веревкой и топором.

— В конце концов, нас сорок человек против одного. — напомнил практичный Невилл. — Если он задумал предать нас, мы сможем немного утешиться, прикончив его.

На том и порешили. На вопрос, куда они, собственно, держат путь, Ормистон коротко кивнул в сторону стада:

— Поезжайте за ними.

Прежде Анна никогда не покидала Англию, но сейчас, ступив на чужую землю, не испытывала никакой тоски по родине, по дому. Дома давно уже не было. Красивые особняки, пашни, тучные пастбища, ее наряды, безделушки, любовно хранимые ею с детства, даже камушки с Виа Долороса — все это осталось лишь в воспоминаниях. Анна не слишком тешила себя надеждой, что, перейдя границу, она станет недосыгаемой для преследователей. Земля везде одна, и шотландская — не исключение. Чудес не бывает. Граница оказалась простой полоской ручья.

Вблизи Ормистон показался графине еще более отталкивающим, чем раньше. В его облике было что-то липкое, напоминающее постыдную французскую болезнь. Его приторное дружелюбие раздражало. Как ни странно, он оказался весьма словоохотлив и сразу стал делиться с Анной своими заботами. В основном они касались бесчинств на дорогах, расправ с неугодными и тому подобного. Этот негодяй то и дело поносил Господа, пересыпая свои рассказы цветистой бранью. Он глубокомысленно заявил, что вообще-то ему претят бессмысленные убийства, но всегда найдется тысяча причин для убийства вполне осмысленного.

Анна не удержалась и спросила, действительно ли он убил лорда Дарили, своего номинального сюзерена и консорта Марии.

Дарили был тщеславен и порочен, он и так зажился на этом свете, — убежденно ответил Ормистон, качая головой. — Однажды в Холируде он ворвался к королеве и зверски убил ее учителя музыки, просто так, по злобе. Бедная Мария, она ожидала ребенка, и она была вынуждена лицеизреть все это.

Анна успела наслушаться рассказов о несчастьях, преследовавших Марию в пору ее жизни в Шотландии. И когда та собралась бежать на юг, Анна, чуть ли не одна из всех, предложила ей укрыться в своем доме. Елизавета грозила жестоко наказать каждого, кто осмелится оказать помощь беглянке, единственным прегрешением которой было кровное родство с царствующей королевой. Анна видела, что Мария не в состоянии помочь себе сама. Елизавету же родной отец объявил незаконнорожденной, обезглавив при этом и ее мать, и ее мачеху. Гнездо ядовитых змей скорей стало бы прибежищем Марии, чем ее собственная семейка.

Ормистон повздыхал о судьбе несчастной и продолжил свой рассказ:

— Когда Дарили лежал больной в постели, кто-то подсыпал в подвалы пороху, не желая марать руки об это ничтожество. Только Дарили оказался то ли оборотнем, то ли заговоренным. Церковь взлетела на воздух, а он остался цел и невредим. До сих пор по его шее петля плачет. У этого безмозглого негодяя полно врагов, каждый был бы рад отправить его на тот свет, его смерть была так же естественна, как старость, но именно меня обвинили в том, что я приложил к ней руку.

— Ах вот оно что, — только и сказала Анна и остаток пути ехала молча.

— Приложил руку?.. — вопросительно повторил Том.

— Мы не были с ним врагами, мне не за что было ему мстить, просто в наших краях существует обычай, старый, как сосны, — когда постели королевы требуется обновить кровь, бедного короля обычно находят задушенным. Графу Босуэлу давно нравилась Мария, а с Дарили у него сложились плохие отношения. Ну а что до меня, то все знают, что я всегда готов прийти графу на помощь в нужде.

Ормистон улыбнулся графу Вестморлендскому, словно это попечение об убийствах было знаком его доверия к возможным союзникам.

— Что за страна! — воскликнул Вестморленд.

— Англия сейчас не лучше, иначе мы не оказались бы здесь, — заметила Анна. Она глубоко вздохнула. Морозный декабрьский воздух обжег горло. Через три дня Рождество. — Боже, — взмолилась графиня, — позволь мне дожить до Рождества. Я не хочу быть брошенной в темницу, откуда прямая дорога на виселицу, в Рождество Господа нашего Иисуса Христа.

Почувяв близость жилья, овцы заблеяли громче. Волк привел их в овчарню, поняла Анна. Ормистон крикнул, чтобы люди держались подальше от сложенного из камней загона. Анна старалась не отставать от провожатого. Впереди замаячили неясные очертания приземистой лачуги, чернея на фоне хмурого неба, закопченная труба напоминала гнездо гигантской ласточки. Наверно, эта хижина принадлежит какому-нибудь бедняку, подумала Анна. Тут Ормистон сделал всем знак спешиться. Покосившаяся лачуга оказалась местом их ночлега.

— Вы хотите, чтобы мы спали здесь? — возмутился Вестморленд. —

Да в Англии хозяин собаке не позволит ночевать в этом сарае.

— Так то в Англии, — недобро усмехнулся Ормистон. — Но мы у себя в Шотландии до того любим песье племя, что готовы дать кров даже английским собакам, чтоб им не пришлось спать на снегу.

Анна спешила, скрывая в темноте улыбку. Наконец-то не нужно больше трястись в седле, наконец-то можно отдохнуть.

Тяжелая дверь со скрипом отворилась, и на мгновение всех ослепил яркий свет очага. На пороге стояла древняя, седая как лунь старуха. Она могла приходиться Ормистону кем угодно — матерью, бабкой, а может, просто присматривала за домом. Голову ее покрывала шерстяная шаль. Это существо со сморщенным, словно печеное яблоко, лицом когда-то было, вероятно, ослепительной красавицей. Старуха сделала Анне знак следовать за ней, даже взглядом не удостоив английских лордов.

Крохотное жилище было пропитано запахами дыма, еды, животных. Старуха что-то приветливо и оживленно говорила Анне, но та не могла ни слова разобрать из быстрой скороговорки, к тому же наречие казалось незнакомым, от него веяло древностью. Пришлось позвать Ормистона, чтобы он перевел. Оказалось, она хотела уступить Анне единственную постель в доме, на которой спала сама. Это ложе представляло собой набитый соломой тюфяк, брошенный в угол хижины.

Анна буквально валилась с ног, но ей, графине Нортумберлендской, все еще казалось странным лечь спать полностью одетой, да к тому же в окружении мужчин — они постоянно входили и выходили, громко хлопая дверью. Ормистон отправился пересчитывать украденных за день овец, а Том пошел посмотреть, как устроились на ночлег его люди.

Ормистон вскоре вернулся, довольный работой волка.

— Эта ночь принесла нам удачу.

— Только не пускайте вашего зверя сюда! — заорал Вестморленд, — И без него вонь такая, что дышать нечем.

— То есть как это не пускать? Он полноправный член семьи, и заметьте, отрабатывает свой хлеб куда лучше половины моих родственников.

Анна, уже пристроившись на тюфяке, открыла глаза, но вместо волка Ормистон ввел в хижину какого-то незнакомца, черноволосого стройного мужчину среднего роста, с бородкой клинышком. Он вошел слегка раскачивающейся походкой, выдающей в нем бывалого наездника. На плечо была небрежно наброшена красивая, отороченная мехом, куртка. Глубоко посаженные глаза настороженно смотрели поверх Анны, не замечая. Но вот взгляды их встретились. Желтоватые глаза смили графиню с головы до ног, она почувствовала смутную тревогу.

Представляя вошедшего, Ормистон нараспев сказал, повернувшись к Вестморленду:

— Перед вами Джок из Сайда! Земля Шотландии еще не рождала более дерзкого, более наглого, более смелого разбойника.

* * *

Сайдский вор был известен в окрестной земле,
Лучше прочих парней он держался в седле.

Незнакомец и глазом не моргнул, услышав такое нелестное для себя

определение. По бело-синей ленте на шляпе Анна поняла, что он подданный Армстронга, самого свирепого и жестокого из лиддесдейлских шотландцев. Она смежила веки. Пусть мужчины сами разбираются. В случае чего Вестморленд позовет Тома и его верных вассалов. На большую безопасность рассчитывать не приходится. С этими мыслями графиня уснула.

Она пробудилась в предрассветный час, Час Волка. Серый свет проникал сквозь дверные щели, огонь в очаге потух, только мерцающие угольки изредка вспыхивали в еще горячей золе. На столе горела большая свеча. У двери были сложены доспехи лордов, железные латы. Хижина была полна людей. Они стояли и смотрели на Анну. Ормистона нигде не было видно. К Анне подошел Том и положил руку ей на плечо.

— Анна, нам нужна твоя помощь.

Она сонно кивнула, еще не понимая, чего от нее хотят.

— Эта почтенная старушка, — Том показал на старую каргу, закутанную в шерстяную шаль, — говорит, что умеет предсказывать будущее. Она хочет рассказать нам нашу судьбу. Но ей необходима женщина, чтобы открывать карты. Кроме тебя, никому.

Анна не верила своим ушам.

— Том, а как же наша вера? Ты хочешь участвовать в деле, противном Господу?

Он сильно сжал ее руки.

— Анна, мы не можем никому доверять, мы не знаем, что нам делать. Это всего-навсего белая магия. Что плохого, если мы прибегнем к ней и узнаем, что нас ждет. Анна, сделай это, я прошу тебя.

Анна задумчиво расправила складки одежды. Вот оно. Повернув на север, она вручила свою жизнь Богу, она молилась Марии, чтобы та направляла ее путь. Анна не помышляла более об опасностях, могущих встретиться ей, памятуя, что на долю Христа выпали самые ужасные беды и лишения, но он преодолел их. Но чем дальше продвигался маленький отряд, тем тише становился голос Марии, тем слабее чувствовала Анна над собой десницу Господню. Но она запретила себе впадать в отчаяние, приспешники Елизаветы могли уничтожить плоть, но душа была им неподвластна. Только в этом находила Анна свое утешение.

Анна смотрела на мужа, не узнавая. Разве это — он, тот, кого за открытый простодушный нрав даже называли за глаза Том Простак? Осунувшийся, постаревший на добрый десяток лет, он, казалось, не выдержал тяжелого бремени, выпавшего на его долю. Его глаза молили о помощи. У Анны не хватило духу ответить «нет».

— Томас, чтобы быть рядом с тобой, я пожертвовала всем. Я отказалась от дома, от родных, наконец, от своего положения. И все это ради того, чтобы теперь участвовать в богомерзких колдовских штучках?

— Я ни о чем больше не попрошу тебя. Помоги нам.

Ни о чем больше! Можно подумать, что этого мало! Белые колдуны тоже часто обращаются за помощью к Дьяволу!

Анна смотрела на черные щели между досками стола — они зияли как проклятие. Джок из Сайда стоял к ней ближе всех. Теперь она могла хорошенько разглядеть его. По его виду можно было предположить, что он состоит в отдаленном родстве с Люцифером. Шотландия славилась не только пронизывающими до мозга костей ветрами и разбавленным пивом, ходили упорные слухи, что она прямо-таки кишит ведьмами. Священники с юга клялись и божились, что по ночам невесты откуда появляются

женщины с развевающимися волосами, кто на метлах, кто верхом на козлах, они устраивают оргии с самим Сатаной, наводят порчу на окрестный скот, а с рассветом пропадают. Анна с детства слышала все эти истории, но у нее никогда не возникало желания убедиться в их достоверности.

Старуха взяла ее за руки, быстро лопоча что-то на своем колдовском языке. Кожа, обтягивающая длинные когтистые пальцы, была сухой, как пергамент, и настолько прозрачной, что сквозь нее, казалось, просвечивают хрупкие старческие кости. Когда-то эти руки были несомненно красивы, но сейчас их сплошь покрывала паутина вен и морщин. Живое зеркало... Если Анне суждено будет дожить до таких лет, она наверняка станет такой же сморщенной и сгорбленной, такой же соседкой смерти, как вот эта старуха. Но Анна не хотела загадывать так далеко. Горечь поражения вытеснила из сердца все остальные переживания. Она страшилась лишь того, что не сможет встретить смерть, гордо глядя ей прямо в глаза. Когда наступит последний час, она должна будет сказать, что не творила зла. Сможет ли Елизавета на смертном одре произнести эти слова?

Джок из Сайда наклонился к Анне и негромко произнес хрипловатым низким голосом, как нельзя лучше соответствовавшим его наружности:

— Она приходится мне бабкой по матери. Самая младшая дочь самой младшей дочери — и так до начала времен. Провидица, прорицательница, — называйте, как хотите. Она читает судьбу по картам.

— А карты, случаем, не врут? — подал голос Вестморленд. От недоверия у него даже кончик носа подрагивал. Анна рассердилась на такой цинизм. Если он считает, что это пустяки, пусть сам и открывает карты.

— Норны² никогда не врут. Этим трем старым уродинам, у которых один глаз на всех, не остается ничего другого в их возрасте, кроме как говорить правду.

Джок что-то быстро сказал колдунье, но Анна не успела разобрать слов. Та еле заметно кивнула, не сводя с графини глаз, словно в хижине кроме них двоих никого не было. «Я у нее в руках, — подумала Анна, — и ей нужна моя душа».

Джок из Сайда нарушил затянувшееся молчание:

— Чтобы доказать, что это не надувательство, можно начать с вашего прошлого. Может, тогда вы станете сговорчивей.

Взглядом указав Анне на разложенные на столе в три ряда карты, старуха знаками объяснила, что нужно взять одну карту из первого ряда. Все карты лежали рубашками вверх. Разноцветные прямоугольники обтрепались по краям. Наверно, ими слишком часто пользовались. Анна безуспешно пыталась унять дрожь в пальцах. Осторожно вытянув одну карту, она неуверенно открыла ее.

«Загорелась высокая башня,
раскололась надвое и упала,
похоронив под собой двоих
и корону».

Том вздрогнул, даже на лице Вестморленда промелькнуло удивление,

² Норны — богини судьбы в скандинавской мифологии.

смешанное со страхом. Старуха держала руки Анны в своих.

La Maison de Dieu³: поражение, потеря трона, лишения, — бодро перевел Джок. — Но это прошлое. Кстати, и в нем все не так уж безнадежно. Надо землю расчистить для новых посадок.

— Избавьте нас от своих философствований, — огрызнулся Вестморленд. — Сомневаюсь, чтобы вы хоть раз в жизни воткнули в землю прутик, разве что кинжал.

— А я не пахарь. Я пастух. Мое дело пасти овец да коров.

— Своих или соседских?

— Если бы англичане сами не пришли сюда, на север, мы никогда не стали бы соседями.

Колдунья положила руку Анны на второй ряд карт, по-прежнему не обращая внимания на остальных присутствующих.

— Что хотели, то и получили, — глубокомысленно изрек свою мысль Джок.

Непослушные пальцы вытащили сразу несколько карт. Анна открыла ту, которая оказалась ближе.

«Человек, несущий в охапке
десять жезлов, идет к дому
по полям, по лесам».

Образ был туманным. Анна растерянно посмотрела на Джока. Медленно и раздельно выговаривая слова, он тихо произнес, обращаясь только к ней:

— Десять жезлов — это бремя, которое вы несете, беды, которые встретятся на вашем пути. Ваша цель еще далека. — Он взглянул на лордов. — Карты говорят о предательстве.

— Нам не нужны карты, чтобы узнать об этом, — сказал Вестморленд. — В это Рождество некоторые задешево продают свои бессмертные души.

— Кажется, с прошлым и настоящим все ясно. Вы готовы узнать, что вас ожидает?

Мужчины мрачно кивнули. Анна решительно протянула руки к оставшимся картам. Том, подавшись вперед, затаил дыхание, следя за руками жены. Анна по очереди дотронулась до каждой карты. Они были холодными на ощупь. Она посмотрела на старуху. Та затаила шотландскую колыбельную, раскачиваясь из стороны в сторону.

«Господи, — промелькнуло у Анны в голове, — зачем я здесь, что я делаю, я же не верю во все это ведовство, а если оно к тому же сработает...»

Последняя карта...

«Крестьянин, опершись на мотыгу,
стоит возле куста,
на котором растет шесть монет.
Седьмая лежит у его ног».

— Хорошая карта, — вырвался, у лордов вздох облегчения. Может, и впрямь смерти и несчастья позади?

— Семь монет — это успех, но нужно много трудиться, чтобы земля принесла плоды. Нетерпение — плохой помощник в таких делах, — объяснил Джок.

Анна чувствовала себя опустошенной. Она осквернила Святую Веру. Отныне ее будущее темно и печально. Больше всего ей сейчас хотелось опять уснуть.

Вдруг на дворе раздались выстрелы, крики, конский топот. Том и Вестморленд немедленно схватились за оружие. Том обнажил рапиру и бросился к двери. Вестморленд взвел курок пистоля и наставил его на Джок из Сайда. Шотландец остался невозмутим. Казалось, его нисколько не взволновало происходящее за дверью.

Через распахнутую дверь Анна могла видеть мужа и его вассалов, рассыпавшихся среди черных деревьев под серым небом. Они то и дело пригибались к земле. На пороге появился Ормистон, сокрушенно качая головой.

— Парни из Лиддесдейла увели ваших лошадей.

— Кто посмел? — грозно воскликнул Вестморленд.

Ормистон кивнул в сторону Джок.

— Спросите его. Он сам из Армстронгов. Но его родичи промышляют ближе к западу. Сам-то я предпочитаю Тевиотдейл.

Джок неторопливо вытащил кинжал из ножен, прислонился к стене и лезвием начал вычищать грязь из-под странно заостренных ногтей. У него были длинные, как и у старухи, пальцы.

— А как они были у вас привязаны? — лениво поинтересовался Джок. Судя по всему, из профессионального любопытства.

— Как обычно, между кольями привязали веревку. Выставили двойную охрану, часовых...

Джок насмешливо улыбнулся:

— Считайте, что вы сами пустили ваших лошадок попасться ночью в незнакомом лесу. Лиддесдейлские парни небось и не заметили ни веревки, ни часовых. Посмотрите, как мы оставляем на ночь наших лошадей. Каждая привязана к железному столбу толщиной с кулак, а столб глубоко врыт в землю. Правая передняя нога привязана к левой задней. Здесь по-другому нельзя, если вы, конечно, не хотите спать в седле. Хотя бывало, лошадей уводили и из-под спящих всадников.

Молодой капитан отряда выглядел весьма жалко, когда пристыженным голосом доложил, что заграждения перерезаны, а лошади разбежались.

— Некрасиво получается, все же вы наши гости. Уверен, что это Армстронги, вряд ли кто из Никсонов или Эллиотов отважился бы на такое дело. Утром я пошлю кого-нибудь узнать, поправима ли ваша беда. Конокрадство у нас в крови. Половина лошадей в Дейле никогда не увидит своих прежних хозяев. — Ведя этот разговор, Джок небрежно поигрывал кинжалом, пока Вестморленд не догадался отвести от него пистоль.

Анна с запоздалым сожалением вспомнила о несбывшихся обещаниях, которые она давала своей верной лошадке. Мужчины возбужденно обсуждали случившееся, а графиня лежала на тюфяке, чувствуя себя брошенной и забытой. Почти завидуя украденным лошадям, под шум голосов Анна не заметила, как заснула.

Днем ее разбудило конское ржание и фыркание. Неужели Джок сдержал слово и вернул лошадей за такой короткий срок? Анна вскочила,

отряхнула приставшую к платью солому и поспешила во двор, надеясь обнять свою любимицу. Но вместо этого она увидела перед хижинкой отряд шотландцев. Их было не меньше сотни. Под ними нетерпеливо переступали с ноги на ногу приземистые подвижные лошадки, которых они называли пони. Лиддесдейлцы производили устрашающее впечатление. Все, как один, в круглых металлических шлемах, стеганых куртках, высоких кожаных башмаках, вооруженные всеми видами оружия, которое может смастерить человек. Копья, пики, сабли, седельные пистолы, уродливые джедбургские топоры. Зловещий арсенал поблескивал в холодных лучах зимнего солнца.

Предводитель всадников назвался Мартином Эллиотом из Брайдли.

— Власти страны во главе с Тайным Советом не собираются укрывать мятежников с севера. Я не испытываю вражды к тебе, Ормистон, но английские лорды должны до завтрашних сумерек покинуть эти места. Больше никто не должен переходить границу. Понимаешь, о ком я говорю?

— Это мой кузен, — вполголоса сказал Джок. — С ним можно найти общий язык, но он служит регенту, графу Меррею. Не буду же я убивать его. Это все равно не приведет ни к чему хорошему. Люди регента оставят потом от нас мокрое место.

Джок заговорил с Эллиотом нарочито громко, чтобы англичане могли слышать его слова. Он сказал, что принимает поставленные условия. Мартин из Бредли подмигнул своему двоюродному брату и, круто развернув лошадь, поскакал обратно в Дейл. С высоко поднятыми пиками за ним потянулись остальные, довольные, что их миссия так быстро и удачно выполнена.

Когда знамена Эллиота исчезли из виду, Ормистон сказал, что намерен внести некоторые поправки в только что заключенное соглашение.

— Вам лучше перебраться в Спорные земли до захода солнца.

— Спорные земли — это все еще Шотландия.

— Да, но только на словах. И регенту Меррею самому придется навестить нас там. Эллиоты ради него могут совершить утреннюю прогулку в Дейл, но они не станут рисковать и вряд ли отважатся на долгий переход в те края, да еще в окружении всех этих Армстронгов и Грэхемов.

— Меррей тоже ненавидит нас? — безразлично спросила Анна. Она провела в Шотландии всего одну ночь, но уже не удивлялась, что и здесь у нее есть могущественные враги.

— Вы лично тут ни при чем. Но вы на стороне Марии. А Меррей никогда не простит ей своего позорного изгнания из Шотландии.

— А что будет, если он появится в Спорных землях?

Ормистон улыбнулся:

— Похоже, вы не очень-то в курсе того, что здесь происходит. Меррей приезжает сюда раза два в год, не больше. Приезжает, чтобы жечь, вешать и брать с Мартина из Бредли и ему подобных обещания быть хорошими мальчиками. Он был здесь месяца два назад. Не может же он все время мотаться туда-сюда. Таких мест в Шотландии пруд пруди. И Меррей должен поспеть везде. А у регента слабое здоровье, к тому же вряд ли ему улыбается провести свое, может быть, последнее Рождество, отстреливая английских лордов.

— А что, Меррей болен? — В голосе Вестморленда не слышалось

сочувствия.

Ормистон вновь улыбнулся:

— У него та же болезнь, что и у Дарили. И врагов не меньше. Так что мы сможем спокойно отметить Рождество с Гектором Армстронгом из Харлоу.

У Анны упало сердце. Ормистон повернулся к ней:

— Он мой должник. Однажды я спас его от виселицы. Он неплохой малый.

Похоже, Ормистон прибег к своему последнему доводу. Он уцепился за него, как утопающий за соломинку.

— Я никуда не пойду. Я не смогу пройти ни одной лиги, — отказалась Анна.

На лице Тома было написано удивление. Он был явно озадачен поведением Анны. Джок и Ормистон, похоже, тоже не ожидали такого решения. На губах Вестморленда блуждала растерянная улыбка.

— От судьбы не убежишь. Мы не можем скрываться всю оставшуюся жизнь. Без благословения Создателя нашего все равно нет спасения, даже если нам удастся остаться на свободе.

— Анна, я понимаю, что без Него мы ничто, но я хотел спасти то небольшое, что у нас еще осталось.

— А зачем, если мы можем погибнуть в любой момент? — Анна стиснула пальцы Тома, у нее даже костяшки побелели. — Сначала мы вручили свои жизни Господу, а потом выскользнули из его охраняющих рук. Мне кажется, Господь оставил нас. Наказание настигнет нас, даже если мы спрячемся на краю света.

Том бросил на нее знакомый упрямый взгляд, в его глазах горела решимость человека, которому нечего терять.

— Я не могу упустить такой шанс. Джонстоны, Керры, Максвелл из Херри, все сражались в Ленгсайте за Марию. Нам надо объединить ее сторонников по обе стороны границы.

Ормистон тронул Тома за локоть:

— Люди с западных границ поддерживают Максвелла, Керр из Сессфорда служит Меррею на центральных границах и враждует с Фернихерстом и его родней. Ну а Фернихерст, понятно, готов на все, чтобы разгромить Сессфорд.

Тому не удалось провести Ормистона, тот слишком хорошо разбирался во внутренних междоусобицах. Ясно, что головорезы у границ в любой момент могут сойтись в смертельной схватке, кто из жажды наживы, кто просто от скуки. Анна не знала людей, о которых шла речь, но ей это было и не важно.

— Вы можете идти куда хотите, но я больше никуда не пойду. Моя судьба сама найдет меня.

Уязвленный Том с горечью посмотрел на жену. Она легонько подтолкнула его к Джоку.

— Спроси у него, могу ли я остаться здесь на день-другой.

«В конце концов, — подумала она, — какая разница, где меня настигнут».

Джок тем временем терпеливо объяснял Вестморленду, что тот не может идти в Спорные земли в шелковых чулках и черном испанском камзоле. Граф Вестморлендский растерянно поглядел на свои пышные, с разрезами рукава.

— Мне и в голову не могло прийти, что какой-то шотландец когда-

нибудь осмелится критиковать мой костюм.

— Таким шелкам, да еще позолоченному эфесу вашего меча не хватает только таблички на грудь с надписью «беглые английские лорды». Правда, мало кто из Армстронгов обучен грамоте.

Вестморленд не скрывал своего недоверия:

— Держу пари, что твои родичи в Спорных землях чуть ли не поголовно кандидаты в английские тюрьмы.

— Вы правы. Но им нет дела до ваших законов. Вот когда дело доходит до хорошей награды, тут они становятся шелковыми, как ваши чулки. Когда слышен звон монет, некоторые забывают о гордости.

Вестморленд неохотно начал стягивать с себя чулки и камзол. Джок тоже разделся. Анна не сомневалась, что Джок, как завзятый вор, подготовился заранее. Взамен своей красивой куртки, отороченной волчьим мехом, он надел грубую накидку из овечьей шкуры.

Графиня отвернулась. Том спросил у Джока:

— Ты можешь поклясться, что ни один волос не упадет с ее головы, пока я не вернусь? А что, если появятся Эллиоты?

— Никто не посмеет прикоснуться к ней. Они живут наверху, возле Дейла, а там знают, как вести себя с благородными леди. Это мы здесь внизу — дикари, живущие рядом с англичанами. Не беспокойтесь, она в полной безопасности, как те сто каменных статуй в соборе Святого Бернарда.

Джок подошел к Анне с приглашением пожить в хижине до возвращения мужа. Анна склонила голову, выражая шотландцу свою признательность. Со стороны этот ритуал, должно быть, выглядел смехотворно: изысканно учтивый Джок с обнаженным торсом и в чулках Вестморленда, которые он даже не успел хорошенько натянуть.

— Том, ты не торопись, вернешься, когда сможешь. Я захватила с собой немного серебра и смогу заплатить им за постой. — Анна постаралась вложить в эти слова всю нежность, на которую была способна, подозревая, что они видятся в последний раз.

— Я постараюсь найти для нас какую-нибудь норку на зиму, укромную и теплую, — сказал Том, целуя жену на прощанье, — может быть, нам удастся все-таки отметить Рождество. Я пришлю за тобой людей. Скоро.

Анна не хотела никакой «норки», но возражать было бесполезно. Маленький отряд во главе с Томом выступил в поход. Лошадь была только у Ормистона. Многие побросали доспехи, пики волочились по земле. Анна хотела запомнить мужа таким, каким он виделся ей сейчас. Сильным, несломленным, с высоко поднятой головой.

Глядя вслед уходящему отряду, Анна подумала, что сейчас оборвалась последняя ниточка, связывающая ее с прошлым. Она окинула долгим взглядом Лиддесдейл. Днем он не выглядел тем суровым и неприветливым краем, о котором слагали баллады. Мягкий снег неслышно падал на голые ветки, вершины холмов были укутаны тяжелыми белыми хлопьями. Если бы не эти ужасные холода, не грубияны шотландцы, не эти невыносимые условия жизни, Шотландия была бы прекрасной страной.

Джок сидел на пне, пытаясь справиться с камзолом Вестморленда, который был ему слегка маловат. Он великодушно, как закадычному другу, предложил Анне отведать лучшую часть поджаренного на костре барашка. Заметив ее колебания, он добавил:

— Если не хотите есть краденое мясо, вам могут приготовить что-нибудь другое. Хотя советую поскорее привыкнуть к нашим обычаям.

Анна вежливо отказалась, не то чтобы ей претило есть ворованное, просто ей было жалко ягненка. К тому же близилось Рождество, и самое время было не ублажать грешную плоть, а подумать о душе.

Джок не скрывал своей радости от обновок. Он то и дело осматривал себя со всех сторон, и было видно, как его огорчает, что нельзя увидеть себя сзади. Глядя на его уверенные движения, на поджарые бедра, обтянутые блестящим шелком, Анна думала, что этого человека никому не удастся провести. Не каждый сможет найти с ним общий язык, не каждый сможет с ним подружиться, разве что древняя старуха. Однако, надо отдать ему должное, как легко и просто он раздел Вестморленда. Она решила выбрать соответствующий деловой тон для своего вопроса, есть ли где-нибудь поблизости церковь.

— Церковь?.. — по голосу Джoka можно было подумать, что среди зимы Анне захотелось подснежников.

— Ну да, церковь, для христиан. Она должна быть в Дейле.

— Христиан? Да нет, там, кроме Армстронгов и Эллиотов, больше никого нет. А уж церквей и подавно. — Джок махнул рукой в сторону холмов. — Где-то среди пастбищ есть маленькое святилище Девы Марии. Туда летом ходят пастухи.

— Где эти пастбища?

— Там.

Воздух искрился на зимнем солнце, слепил глаза, присмотревшись хорошенько, Анна смогла различить темное пятнышко, выделявшееся на фоне горного хребта.

— Я хочу пойти туда.

— Это не то место, где может гулять леди даже летом, а сейчас, как ваша светлость могли заметить, зима.

Анна оглядела свой дорожный костюм.

— Что ж, тогда я постараюсь не выглядеть как леди. У вашей бабушки найдется для меня что-нибудь подходящее?

Джок сказал ведьме что-то неудобопонятное, та поманила Анну в хижину. Там она протянула графине домотканую рубаху и кожаные башмаки. Грубая ткань кололась, но Анна, не ропща, оделась. Выйдя на крыльцо, она увидела Джoka, облачающегося в волчью куртку. Рядом на земле лежал лук.

— Я пойду одна.

— Вы заблудитесь.

— Это святилище Марии. Если будет на то Ее воля, Она укажет мне путь, — Анна была непреклонна.

Лихой вор устало опустил на свой пень, лук скользнул меж его ног.

— Поймите, самое безобидное существо, какое вы можете встретить среди папоротниковых зарослей в холмах, — это я.

— Я рисковала и рискую большим. Заблудиться и попасть в лапы диких зверей или лесных разбойников не намного опасней, чем быть схваченной наемниками английской королевы или шотландского регента.

Анна отправилась в дорогу, ориентируясь по солнцу и держа путь к тому горному хребту, где затерялось темное пятнышко. После многодневной езды верхом ей сперва показалось непривычным чувствовать под ногами землю. Сто шагов, еще сто, башмаки стали увязать в снегу.

У края пастбища Джока тропинка начала подниматься вверх, огибая Шевиотовы холмы. Петляя, она вела обратно к Бьюкасл-Вейст и к границе. Анна шла, никуда не сворачивая, надеясь скоро выйти к залитым солнцем горам. Она часто оглядывалась на оставшуюся внизу хижину и овчарню.

Внезапно она застыла на месте. Ей навстречу шли двое. Немного подумав, Анна решила продолжать путь. На все воля Божья... Через несколько шагов у нее вырвался вздох облегчения. По тропинке медленно брели женщина в черном и высокий мальчик лет двенадцати. На спинах они тащили какой-то скарб, видно было, что каждый шаг давался им с трудом.

— Вы англичане?

В потухших глазах женщины вспыхнула искорка надежды.

— Верно. Мы боялись, что вы из шотландцев.

Анна хотела сказать, что шотландцы вовсе не такие страшные, как о них говорят, но не стала. Словами не убедишь. Она махнула рукой туда, откуда шла.

— Идите вниз. Там живет одна старушка, может быть, у нее найдется, чем покормить вас. Я скоро вернусь и постараюсь вам помочь.

Анна терзалась мыслью, что эти люди потеряли все во имя Веры. Они верили в Марию, верили в нее, Анну, и в Тома. Вид их страданий был еще одной наложенной на нее епитимьей.

Поравнявшись с горным хребтом, Анна свернула туда, где, по ее представлению, должно было находиться святилище. Папоротник-орляк сомкнулся за ее спиной, заросли вереска доходили чуть ли не до пояса, цепкие корни мешали идти. Анна перешла вброд ледяной ручей, ноги тут же окоченели. Она карабкалась по каменистым обледеневшим склонам, перебиралась через лощины и овраги. У нее рябило в глазах от низкорослых чахлых сосенок, от лишайников и замшелых камней. Она потеряла направление и теперь шла в обход, вдоль болота, время от времени проваливаясь по колено в холодную чавкающую жижу. Она совершенно не представляла, как доберется до притаившегося где-то наверху святилища. Огромные валуны, гигантские папоротники словно сговорились не пропустить ее к цели. Даже солнечный свет почти не проникал сюда.

Возвращаться обратно не хотелось. Анна не любила признавать себя побежденной. Она села на замшелые камни и стала отдирать колючки и сосновые иглы от шерстяной рубахи. Вокруг стояла тишина. Пальцы ее побелели от холода, ногти обломались, царапины на руках кровоточили. Странная тишина окутывала все вокруг. Подавив голодный спазм, она представила рождественский ужин в замке. Пироги с мясом, пудинги, торты с кремом, баранина, легкое вино... Она больше не чувствовала себя графиней, взрослой замужней женщиной. Она вновь была маленькой девочкой, убежавшей из дому и заблудившейся в страшном лесу...

Впереди, среди сосен, возникло мерцание, словно сквозь непролазную чащу чудом проник солнечный лучик. Это пробудило в Анне надежду. Если она увидит солнце, то, возможно, ей все же посчастливится найти дорогу. Она пошла на свет.

Посреди опушки она в испуге остановилась. Ветки шевелились, словно кто-то их раскачивал. Она чуть не бросилась назад, но что-то удержало ее.

В зарослях кустарника билась, запутавшись в силках, испуганная молодая лань. Петля, одним концом привязанная к ветке невысокой сосны, обвилась вокруг шеи животного, ноги беспомощно болтались в воздухе. Задняя нога запуталась в веревке, не давая петле затянуться до конца. Нежная кожа лани была вся изранена, шея запятнана кровью.

При виде человека лань на мгновение замерла, только бока ходили ходуном, выдавая волнение. Шея была неестественно вывернута. На Анну внимательно смотрел влажный карий глаз. Вдруг, словно очнувшись, лань вновь забилась. Но веревки лишь сильнее впивались в тело, нанося новые раны. Она рванулась, ствол сосенки качнулся, и сквозь потревоженную крону на опушку хлынул солнечный свет.

Анна едва успела подбежать и схватить лань, чуть не упав под ее тяжестью. Стук их сердец, кажется, заглушал все лесные звуки. Как освободить бедняжку? Ножа у Анны не было, а долго она так не простоит. В отчаянии Анна попыталась развязать узел зубами, ведь руки у нее были заняты. Животное, словно уловив ее мысль, затихло, доверчиво прислонив голову к ее плечу. Анна даже чувствовала влажное прерывистое дыхание лани.

Наконец узел поддался. Анна осторожно опустилась на колени, стараясь поудобней устроить лань среди мха и хвои. Та внимательно следила за каждым ее движением. Анна подумала, что хорошо бы принести воды, но она не знала, где ее найти. Может, попробовать дотащить животное до хижины? Анна выпрямилась и огляделась. Солнце медленно уползало за горы, освещая последними лучами Дейл.

Интересно, сколько может весить это существо, прикинула она. Сейчас лань казалась гораздо крупнее, чем вначале. Вдруг она начала стремительно менять очертания. Анна хотела кинуться прочь, но ее ноги будто приросли к земле. Рассудок отказывался верить тому, что видели глаза. На земле лежала девочка-подросток, с огромными, в пол-лица, глазами, длинными стройными ногами, с едва оформившейся грудью. На ней не было ничего, кроме светло-коричневой набедренной повязки из оленьей шкуры. Девочка тяжело дышала, не сводя с Анны глаз. На белой шейке виднелась кровоточащая полоска содранной кожи.

Анна в ужасе отпрянула. Что она натворила! Одно дело — поддаться естественному порыву помочь попавшему в беду животному, другое — броситься на помощь оборотню.

Анна не заметила, как на опушке, неслышно ступая мягкими лапами, появилось еще одно существо. Волк-пастух! Рядом с белокожей девочкой зверь казался угольно-черным, он словно был еще более огромным, чем в тот раз, и от него исходила неясная угроза, значение которой было непонятно Анне. Сейчас она испугалась гораздо больше, чем во время той первой встречи у ручья.

А под рукой нет даже палки. С ее помощью можно было бы отогнать волка, но увы!.. Как замороженная, Анна следила за тем, как волк, прижав уши и опустив хвост, медленно подошел к лежащей девочке, внимательно обнюхал ее, потом ткнулся мордой ей в лицо. Странное дитя молча поднялось, встало на четвереньки так, что голова пришлась почти вровень с волчьей, руки обхватили волка за шею. Она больше не казалась испуганной, напротив, этот лесной детеныш радостно приветствовал взрослого товарища.

Волк отступил в чащу, помахивая хвостом. Одним прыжком девочка вскочила на ноги, и вот она уже на краю опушки. Тут она обернулась и

долгим взглядом посмотрела на свою спасительницу.

— Пстой! — только и успела крикнуть Анна, но девочка быстро скрылась среди сосен. Послышался негромкий шорох падающей хвои.

* * *

Останься до заката солнца,
Останься до прихода ночи,
Я покажу тебе тропинку,
Что к Лиддесдейлу приведет.

Смеркалось. Анна рухнула на колени, моля Пресвятую Деву о спасении. Дикая краса девочки-лани наполнила душу Анны страхом, как и тогда, когда ей пришлось взять в руки ведьмину колоду карт. Она оставалась в неподвижности, пока совсем не стемнело. Снег, падая с сосен, таял на ее щеках, смешиваясь со слезами. Анна встала с колен и побрела обратно, уставшая, голодная, замерзшая. Содранная кожа на руках нещадно саднила.

Подойдя к овчарне, Анна увидела большое сборище людей, сидевших на земле, прислонясь к камням. Слава Богу, среди них не было ни одного всадника. Для шотландцев нет преступления хуже, чем конокрадство, и если бы они увидели хоть одну лошадь, англичанам — а это были они — не поздоровилось бы. Анна поискала взглядом ту женщину с мальчиком, которые встретились ей на тропинке. Они тоже были здесь. На маленьком костерке булькал котелок. Те, кто был одет получше и побогаче, ели хлеб и мясо, остальные смотрели на них голодными глазами. Никому и в голову не приходило дотронуться до какой-нибудь овцы. Джок по-прежнему сидел на своем пеньке, нарочито небрежно поигрывая с луком, на поясе у него висела рапира Вестморленда.

Высокая седая женщина приглядывала за костром, подбрасывая сухие сучья в огонь, она же разливала кашу в миски, которые подставляли женщины и дети. Она ловко, с завидным спокойствием управлялась сразу с несколькими делами. Ее строгое, осунувшееся лицо внушало доверие и уважение. Анна догадалась, что это монахиня, одна из тех, кто жил в монастырях, пока их не закрыли.

В котелке плавали подозрительные на вид кусочки свиного сала и сушеные стебли крапивы. Варено было слишком жидким, чтобы его можно было назвать кашей. При мысли о том, что дети должны есть эту бурду, она содрогнулась.

Она подошла к Джоку.

— Сегодня утром вы предлагали мне барашка. Я хочу его сейчас.

Джок в ответ лишь пожал плечами. Анна велела монахине выбрать в овчарне овцу пожирнее и приготовить ее на всех. Та все так же, без улыбки, кивнула. Несколько человек вскочили со своих мест. Прислушавшись к разговору, Анна поняла, что у них возник спор, какая из овец самая жирная. Раздалось жалобное блеяние, оборвавшееся коротким криком.

Анна подумала о спасенной ею лани. Ее переполняли дурные предчувствия. Чья-то рука уверенно положила ей на ладонь крошку хлеба и поставила рядом дымящуюся миску. От нее шел дразнящий запах свежеприготовленного бараньего мяса. Жадно облизнув губы, Анна попыталась отказаться от еды.

— Нет, миледи, мы все должны подкрепиться, нам потребуется много сил.

Монахиня властно стиснула ее плечо. На Анну вдруг нахлынули давно забытые детские воспоминания. Ей почудился запах ладана, перед мысленным взором медленно проплыла процессия священников, дети в белых одеждах, огромное окровавленное распятие, которое несли пред образом Девы Марии. Анна хорошо помнила, как ее мать, стоя на коленях, омывала ноги жалких нищенок. Мать была красивой женщиной, в ее жилах текла королевская кровь, ее платья были оторочены куньим мехом, а рукава столь широки, что опускались до земли. Но в Чистый Четверг, отбросив брезгливость, забывая о своем происхождении, мать Анны душистой водой омывала хромые, изъеденные язвами ноги нищих старух. Она втирала им мази из целебных трав, насухо вытирала расшитым золотом полотенцем и с трепетом касалась губами открытых ран. Так она переходила от одной к другой, неся в руках тяжелую серебряную чашу с теплой ароматной водой.

— Откуда ты меня знаешь? — спросила Анна монахиню.

— Я видела тебя несколько раз. Однажды вы с мужем ехали с отрядом в Йорк.

Горячая еда приятно согревала. Впервые за много дней Анна ела английский хлеб. Она украдкой разглядывала вновь прибывших. Осунувшиеся лица, запавшие глаза, ввалившиеся щеки. У Анны защипало в глазах. Похоже, эти люди не очень-то разбирали, что едят. Никто не переговаривался, челюсти двигались механически.

На губах Джока играла сардоническая усмешка. Старуха вынесла из хижины клетчатый шерстяной плед и протянула его Анне. Монахиня и колдунья обменялись пристальными взглядами. Ни одна не проронила ни слова.

Молчание становилось напряженным. Тут раздался цокот копыт, грохот перекатывающихся камней, крики. Анна вскочила.

К ним быстро приближались люди Эллиота. Пиками и мечами они расчищали себе дорогу, не обращая внимания на ошеломленных людей, не выпускавших из рук свои миски. Лошади храпели, возбужденные быстрой ездой, в воздухе резко запахло седельной кожей. Пламя костра освещало жесткие лица всадников.

Их предводитель, молодой головорез, не бросая поводьев, крикнул Джоку, презрительно кривя губы:

— Чего ради ты с ними возишься? Велено же было не пускать сюда гостей с той стороны границы!

Анна оглянулась на Джока, ища поддержки. Шотландец, постукивая ложкой по миске, спокойно ответил:

— Они не мои гости.

Эллиот бросил красноречивый взгляд на камень, на котором еще не высохла кровь зарезанного барашка.

— Но они едят твоё мясо!

— Это не мое мясо.

Отряд всадников издевательски захохотал. Один из них поддел своей пикой котелок с супом и опрокинул его, расплескав по камням содержимое. Куски мяса и крапивные стебли смешались с грязью.

— Вы все, убирайтесь откуда пришли, — объявил главарь.

Монахиня выступила вперед.

— Юноша, вы называете себя христианином?

— Нет, я называю себя Эллиотом.

— Поймите, эти люди — христиане, их единственное желание — служить Богу. Они не совершили ничего дурного, но на родине за это их ждет петля. Граф Сассекс обещал повесить сотни верующих. От Ридесдейла до моря строят виселицы. Трудно уберечься от монаршего гнева.

— Это не мое дело. Мое дело — чтобы вы убрались отсюда. Иначе мне придется убить кое кого.

Анна не выдержала:

— Послушайте, до Рождества осталось два дня. Неужели вы не сжалитесь над несчастными людьми?

— Леди Анна, я не хотел потревожить вас и прошу прощения за это. Вы — свободны и можете поступать, как вам заблагорассудится. Да, завтра — канун Рождества. К ночи я буду в стельку пьян, а утром поспеть бы к Рождественской мессе. Вот я и хочу закончить сейчас все дела, чтобы не оставлять их на потом.

На Анну были устремлены десятки широко распахнутых глаз, безмолвно моливших о пощаде. Эти люди никогда не видели свою графиню в таком положении.

— Госпожа, позволь нам остаться с тобой!

К ногам Анны бросилась уже знакомая ей женщина, увлекаемая за собой сына.

— Видит Бог, мы преданы телом и душой тебе и твоему мужу. Испокон века мы арендовали у вас землю, так делали наши предки, когда был жив отец лорда и отец его отца. А теперь мы разорены.

Моего сына повесили только за то, что он носил цвета вашей семьи. Он был красивый, сильный мальчик. Он умел читать, его все любили, ему не было равных в воскресных играх и состязаниях. Теперь он мертв. И так почти в каждой семье.

Слова превратились в бессвязные рыдания, женщина продолжала цепляться за ноги Анны. Мальчик был напуган, но, кажется, к этому чувству у него примешивалась обида. Похоже, ему порядком надоело, что его постоянно сравнивают со старшим братом.

— Леди Анна, — Эллиот решил прекратить этот поток слов и слез. — Я не хочу проливать кровь невинных, но на моей стороне и английский и шотландский законы.

— Странно слышать от тебя такие речи, братец. В тебе что, пробудилась жалость к людям? — насмешливо спросил Джок.

— Наоборот. Я делаюсь пьяным от запаха крови, если я разойдусь, меня потом трудно остановить, — так же насмешливо парировал Эллиот.

Монахиня подошла к стоявшим на коленях женщине и мальчику и помогла им встать.

— Пойдемте, я поведу вас... Я знаю одно место, недалеко отсюда... Они не смогут погубить нас всех. А души погибших от руки злодеев попадут в рай...

Сильным голосом монахиня вдруг запела гимн «Adeste Fideles». Анна, словно пригвожденная к земле, стояла и смотрела, как Эллиоты сгоняют людей с мест, осыпая их ударами прикладов и подгоняя длинными копьями.

Голос монахини зазвучал с удвоенной силой:

За мной!

С верой и радостью в сердце!
За мной!
Мы пойдем в Вифлеем!

Образ девочки-лани встал перед Анной. Она смотрела вслед седовласой монахини, за которой длинной цепочкой шли люди. Монахиня держала за руку мальчика, доверчиво льнувшего к своей покровительнице. Долго еще долетали до ее слуха слова молитвы:

Возлюбим же, братья, Господа нашего!
Возлюбим же, братья, Господа нашего!
Вознесем Ему хвалу!

— Она похожа на ту овцу с колокольчиком, что ведет за собой все стадо. — К Анне неслышно подошел Джок.

Графиня обессиленно опустила на пень.

— И эта овца обречена на заклание. Никого не остановит то, что она женщина. Парламент Елизаветы выпустил новый и всеобщий закон о ведьмах, так что петли для женщин снова войдут в моду.

— Всегда находятся те, кто жертвует собой в трудные времена. А сейчас они, увы, именно такие.

Анна уронила голову на руки и зарыдала. Ее тело сотрясало от долго сдерживаемых слез. Джок обнял ее, но Анна не обратила на это внимания. Ей было уже все равно. Какая разница, кто ее обнимает, просто посторонний мужчина или оборотень. У нее не осталось ни мыслей, ни чувств, она хотела только одного — выплакаться, упасть на снег и больше никогда не вставать.

Она позволила Джоку увести себя в хижину и усадить за дощатый стол. Джок наполнил большую кружку бледно-золотистой жидкостью из невзрачного дубового бочонка.

— Выпейте, вам полегчает. Это Вода Жизни.

Дрожащими руками Анна поднесла кружку к губам и отхлебнула. Напиток напоминал по вкусу бренди, только был более крепким, хотя и не обжигал желудок.

— Я должна была пойти с ними, но мне стало страшно.

Джок наполнил ее кружку до краев.

— Пейте, это все, что вам нужно сейчас сделать. Они скоро вернутся обратно. Я тоже много раз хотел свести счеты с жизнью, но от такой глупости меня всегда спасала мудрость Джона Ячменное Зерно.

— Ячменное Зерно? — Анне не доводилось слышать о философе с таким странным именем.

— Его мудрость заключена здесь, — Джок похлопал ладонью по кружке. — Мы варим Воду Жизни из ячменного солода. Сначала его жнут серпами, потом молотят цепями, потом варят в кипятке, и тогда Джон Ячменное Зерно отдает нам свою кровь. Она согревает наши тела и веселит душу.

Анна пристально посмотрела на этого язычника, сидящего напротив.

— Такая мудрость не для меня. Когда мы были вынуждены бежать на юг, я предала свою жизнь в руки Господни. Я хотела, что-бы вернулись былые времена, я готова была умереть за Старую Веру.

— Старая Вера! — презрительно повторил Джок и засмеялся. Ему вторило насмешливое кудяхтанье старухи.

— Для вас это ничего не значит. Но множество людей отдали свою жизнь, чтобы сохранить Веру. Мы не хотели кланяться английской королеве.

— Можно подумать, вы видели меня, склоняющим голову перед эдинбургским регентом. А между прочим, Эдинбург будет поближе Лондона. У вас есть союзники в Риме?

Анна бросила на него взгляд поверх кружки:

— Папа молится за нас, но не хочет портить отношений с Елизаветой.

Хотя среди мятежников было много папистов, Рим предпочитал иметь дело непосредственно с Лондоном.

Анна говорила, словно отвечая собственным мыслям:

— Что нам оставалось? Из Лондона прислали уполномоченных, они позакрывали монастыри, разграбили аббатства — даже серебро с алтарей, даже свинец с кровель. Нам не оставили ничего. Монастырские сады, некогда цветущие, вырубили и вытоптали, обители для бездомных путников снесли, отняли даже колокола, что звонили к заутрене. Когда Марию заточили в темницу, мы поняли, что прошлого не вернуть. А потом Тома с Вестморлендом вызвали в Лондон, чтобы бросить в Тауэр...

— А что было дальше?

— Дальше? Мы бежали на юг. Редесдейл и Тайндейл выставили конницу, Альнвик и Варкворт не побоялись открыть изгнанникам свои ворота, в Дерхемском соборе мы сожгли новые молитвенные книги и отслужили мессу так, как предписывает Старая Вера. Это было потрясающее зрелище. Простолюдины, горожане, лорды, крестьяне пели, охваченные единым порывом... — Анна сделала еще глоток. По углам убогого жилища плясали отблески пламени. — На дворе стоял ноябрь, но всем казалось, что пришла весна... Потом мы достигли Йоркшира и не узнали его. Опустевшие деревни, разрушенные церкви, превращенные в загон для скота. Вековые леса вырубались, на их месте вырастали угольные шахты... И никто не пошел за нами. Только нищие на дорогах...

— И тогда вы повернули домой?

Она позволила ему снова наполнить ее кружку.

— Теперь, леди, вы видите, до чего доводят глупость и упрямство. Вы думали, что вся эта разношерстная толпа станет как одна семья. Но лорды и простолюдины никогда не будут едины...

— Мне нужно было пойти с этими людьми, но я испугалась, — продолжая думать о своем, сказала Анна.

— Конечно, вы испугались. Я-то знаю, что такое тюремные решетки и каково это — чувствовать пеньковую веревку на шее. Я тогда молил небо, чтобы вместо меня им попался какой-нибудь другой бедняга...

— Нет, я не этого боюсь, после Йоркшира я больше не чувствую себя в руке Господней, не слышу голоса Марии, я боюсь, что умру, не получив отпущения грехов.

— Глядя на вас, леди, трудно поверить, что вы такая уж закоренелая грешница. Ну как, вы исповедались в том святилище?

— Я молилась сегодня, но не в святилище, — Анна опустила глаза, уставившись в кружку.

— А где же? — улыбнулся Джок.

Анна не ответила. Она была уверена, что этот насмешливый язычник знает, почему она не смогла добраться до святилища, знает о девочке-оборотне. Знает о том, что Анна спасла ее, помогла выбраться из западни. Теперь в западне она сама. Неужели ее бессмертная душа отныне

обречена на вечные муки? Благими намерениями вымощена дорога в ад. Стоило терпеть столько лишений, чтобы все так закончилось!

Она отпила еще крови Джона Ячменное Зерно и подумала о христианах, повешенных в Сассексе на Рождество.

— Завтра поутру я пойду в святилище, — сказала Анна.

Это не было обещанием Джоку. Это был обет Пресвятой Деве, ожидающей ее, Анну, у затерянного в горах алтаря.

* * *

Лорд Скроуп, праздно влачащий
Дни в своем замке, в Бью-Касле,
Прослышал, что в Дейлском лесу
Видели люди лань —
Ту, за которой так долго
Охотились люди лорда.

Анна проснулась, когда зимнее солнце стояло в зените. У нее раскалывалась голова, на душе скребли кошки. Оказывается, она спала одетая значит, есть надежда, что Джон Ячменное Зерно и его кузен из Сайда не воспользовались ее плачевным состоянием прошлой ночью. Не хватало еще, чтобы к содеянным прегрешениям прибавилось распутство.

Над очагом мерно покачивался котелок. Старуха зачерпнула из него несколько ложек овсянки и протянула Анне миску. Ормистон был прав в одном. У нее действительно есть крыша над головой и какая-никакая пища. Старуха начала привязывать к стропилам ветки омелы, падуба и вереска. Если не знать, что это — ведьма, можно подумать, она просто готовится к Рождеству. По простоте душевной Анна считала, что ведьмы в те минуты, когда не колдуют, занимаются тем, что крадут трупы или пьют кровь ласок и летучих мышей.

Когда с едой было покончено, старуха сделала Анне знак выйти из дома. На дворе повсюду виднелись следы вечерней трапезы, так печально закончившейся. Старуха дала Анне топор и жестами объяснила, что нужно обрубить засохшие узловатые корни дуба. Графине еще ни разу не приходилось выступать в роли дровосека, но она чувствовала себя обязанной отплатить старухе за гостеприимство. Конечно, еда была не бог весть какой, но в таких условиях она казалась рождественским подарком.

Некоторые корни отваливались с первого удара, по другим приходилось ударять несколько раз. Постепенно она освоилась, приноровилась правильно держать топор, и дело пошло на лад. Анна то и дело бросала взгляд на горный хребет, где скрывалось святилище.

За этим занятием прошло почти все утро, а рядом с Анной лежала лишь жалкая кучка обрубков. Но старуха вроде осталась довольна. Она подобрала их с земли и скрылась в хижине, оставив Анну в одиночестве. Та устало прислонилась к дереву. Если она пойдет в горы сейчас, то наверняка успеет вернуться до темноты. Несколькими точными и решительными ударами топора она превратила в дубинку толстый сук.

Анна очень спешила, но все же заметила, что за ней, даже не слишком прячась среди деревьев, следует волк, тот самый, что пас овец, тот, что исчез тогда вместе с лесным демоном. Анна порадовалась, что взяла с собой дубинку. Нападения она не опасалась, но не хотелось

зависеть от милости странного зверя. Как и в прошлый раз, она шла по тропинке, вьющейся у подножия горного кряжа, путаясь в вересковых зарослях, огибая лощины, обходя гигантские валуны. Несмотря на солнечный день, все вокруг было унылым и сумрачным, и не верилось, что завтра — Рождество. Голые деревья, черные утесы казались тоскливыми призраками. Анна поежилась.

Почти отчаявшись найти нужную тропу, она то уходила вперед, то возвращалась, но, хотя поиски не вели ни к чему, она не сдавалась. Анна была полна решимости найти в этой глуши заветный клочок святой земли.

Начали сгущаться сумерки. В неверном угасающем свете дня смешно было надеяться на успех. Анна стояла посреди небольшой поляны. Ее окружало безмолвное голое пространство.

Внезапно позади послышался стук копыт и знакомый голос:

— Леди Анна! Какой сюрприз увидеть вас здесь, к тому же одну!

Она резко обернулась. Да, это был Ормистон собственной персоной, усталый, в грязи, с всклокоченной бородой. За спиной болталась пика, из стремян выглядывали дырявые сапоги.

— Что ты здесь делаешь? — жестко спросила она. — Ты должен быть рядом с моим мужем и Гектором из Харлоу.

— Гектор Армстронг из Харлоу — подлый предатель. Он решил выдать вашего мужа Меррею, а меня вышвырнул, как шелудивую собаку, не дав ни пенса!

— Быть может, Господь сжалятся, — выдохнула Анна.

— Он-то, может, и сжалятся, но не Гектор из Харлоу. Никогда больше не буду иметь дело с этим негодяем. Этот вероломный скряга опорочил имя Харлоу. Ни в жизнь не приведу к его дверям ни одного беглого лорда.

Анна подозревала, что этот поход добром не кончится, но потрясение от этого меньше не стало. Предательство остается приятельством, даже если к нему готовишься.

Анна стояла неподвижно, чувствуя холод и подступающую темноту. Том в плену, Генри предатель. Вся ее семья уничтожена. Один за другим уходили ее близкие. Кто-то погиб, кто-то отрекся, кто-то в изгнании.

Слишком много несчастий для одного человека! Беспросветная тоска захлестнула Анну. Ормистон, словно не замечая ее состояния, продолжал:

— Это еще не все, госпожа. Эллиоты пообещали СкROUPу не вмешиваться в его действия. Когда опустится ночь, англичане прибудут в Дейл, они ищут вас. И меня.

— И вы явились сюда только за тем, чтобы меня предупредить? — доверчиво спросила Анна, не подозревая никакого подвоха в его словах, тронутая чуть ли не до слез.

Ормистон усмехнулся:

— Графиня, должен вам признаться, что никакие неприятности на свете не смогли бы заставить меня забыть про серебро, о котором вы упомянули, расставаясь с мужем. Должен же я что-то получить за свои труды, так почему же не из вашего кошелька, тем более, что он при вас.

Этот разбойник, сладкими речами усыпивший ее бдительность, попросту собирается ограбить ее. Она почувствовала себя одураченной. Что надо делать в такой ситуации? Она не знала. Пролепетав нечто невразумительное о том, что Ормистон не осмелится причинить ей вреда, она с ужасом поняла, что ее дубинка — просто прутик по сравнению с его

пикой, мечом и набором пистолей.

— Давайте не будем выяснять, на что я могу осмелиться, а на что нет. Лучше отдайте мне серебро подобру-поздорову. А то явятся всадники лорда Скроупах и тогда нам будет не до споров.

Оскорбленная, Анна швырнула на землю кошелек, и Ормистон тут же подцепил его острием пики. Но что значило серебро — ведь сюда уже спешат головорезы Елизаветы.

— А теперь, госпожа, попрошу кольца.

— Кольца?

— Да, кольца, те, что так дивно сверкают на ваших пальцах.

Не веря своим ушам, Анна растерянно оглянулась по сторонам и тут заметила бесшумно скользящего среди сосновых стволов волка, его пасть была оскалена в плотоядной усмешке, обнажавшей белые острые клыки, между которыми подрагивал розовый язык. Выдыхая клубочки белого пара, волк неторопливо, с ленцой, приближался.

Ормистон проследил ее взгляд и грязно выругался, увидев волка. Он развернул лошадь, словно готовясь к нападению, и спокойно обратился к зверю.

— Джок, не суй свой нос в мои дела. Я не прихватил сегодня серебряных пуль, но у меня есть из чего их сделать. — Ормистон похлопал себя по поясу, куда он засунул кошелек Анны.

Волк фыркнул и начал медленный танец, от которого лошадь Ормистона тревожно повела ушами. Ормистон опустил пикку, но волк легко поднырнул под нее и слегка куснул лошадь за задние ноги, как делал всякий раз, сгоняя отбившихся овец. Лошадь обезумела от страха, а Ормистон рисковал быть выброшенным из седла и оказаться нос к носу с волком.

— Прекратите! — крикнула Анна, но ее никто не услышал. Держа поводья и пикку в одной руке, Ормистон наклонился, явно намереваясь выхватить из-за голенища пистолет.

— Остановитесь! — Анна сорвала с пальцев алмазные кольца и швырнула их в лицо Ормистону. — Подавитесь! Вы отняли у меня мужа, лошадь, деньги, вы не успокоитесь, пока не отнимите последнего!

Анна побрела обратно в Дейл. Она слышала, как где-то позади трусит волк, но даже не подумала оглянуться.

Покидая Англию, Анна была уверена, что у нее не осталось ничего, о чем стоило сожалеть. Меньше чем за два дня шотландцы убедили ее в обратном: они отняли у нее то небольшое, что она взяла с собой, отняли, не сказав при этом ни единого грубого слова. У нее осталась лишь смена тонкого белья, надетая под грубой рубахой. Кроме этой рубахи она получила еще жидкую ячменную похлебку, кровь Ячменного Зерна и краденую английскую овцу.

Если она доберется до святилища, это станет ее победой. Преклонив колена на священной земле, она наконец-то обретет покой.

Если в словах Ормистона есть хоть крупица правды, то сегодняшняя ночь может оказаться для нее последней.

Уже стемнело, когда Анна наконец-то добралась до хижины. Волка нигде не было видно. Старуха предложила ей овсянку и свежее испеченные овсяные лепешки. Анна порядком проголодалась за день, и запах пищи подействовал на нее опьяняюще. Она жадно принялась за еду и остановилась, лишь когда котелок опустел. Теперь оставалось ждать

появления лорда Скроупа.

Неожиданно дверь отворилась. На пороге стоял Джок. В своей отороченной мехом куртке, наброшенной поверх камзола, с тонкой усмешкой на губах, он смотрелся заправским щеголем. Значит, Джок — чернокнижник, меняющий обличья, оборотень, лесной демон! Его слегка хищное лицо можно было бы назвать привлекательным, если бы не горящие глаза.

— Вам нечего бояться меня, — сказал он, оперевшись на стол. В кулаке у него было что-то зажато. Джок раскрыл ладонь, на ней лежало обручальное кольцо Анны. — Это было не просто.

— Конечно, не просто, если бегать по лесу с кольцом в зубах. — Анна не шевельнулась, чтобы взять кольцо.

Джок рассмеялся и пустил кольцо по столу к Анне. Докатившись до нее, золотой ободок завертелся и замер.

— Это — цветочки, — заметил Джок и отвернулся, заговорив о чем-то со старухой. Анна нерешительно взяла кольцо и надела на палец. Приятная тяжесть металла напомнила, что она все еще замужем, несмотря на то, что шотландцы во главе со Скроупом отняли у нее Тома.

Джок наполнил три кружки и подвинул одну к Анне.

— Слышали, что сказал Ормистон? Англичане близко. Мы, Армстронги, слишком разобщены, чтобы остановить их. Гектор из Харлоу предал нас, да и другие не поторопятся на помощь, они будут сидеть и выжидать, пока с нами не разделаются. Эллиоты собираются праздновать Рождество дома. Я не вправе винить их за это.

Джок поднял кружку.

— Если бы Вода Жизни могла спасти нас, я бы потратил ночь на серьезное изучение дна этой кружки, но прелести опьянения обманчивы. Лучше довериться Великой Ночи.

Анна не прикоснулась к своей кружке. Она знала, что Великой Ночью язычники называют ночь перед Рождеством, но она никогда не видела их праздничного ритуала. Анна поудобней устроилась на соломенном тюфяке, старуха зажгла свечи, подбросила в очаг дубовых корней... Заплясали по стенам отблески пламени, Джок опустил на колени перед старухой. Анна завороченно наблюдала, как колдунья взяла щепотку соли из мышиного черепа и положила Джоку на язык. Она непрерывно что-то бормотала, Анна могла разобрать только отдельные слова, да и то после того, как их повторял вслед за старухой Джок. От этих языческих заклинаний у любого порядочного христианина волосы на голове встали бы дыбом, язык бы у него отсох, буде произнес он эти слова, и гореть бы ему после смерти в геенне огненной. Анна готова была бежать на край света, только бы не слышать всего этого, но бежать ей было некуда. К тому же странным образом это зрелище захватило ее.

Повернись колесо от зимы к лету.
Повернись колесо от тьмы к свету,
Старый Черный Король
Станет вновь ребенком сияющим.
Солнце рождается вновь из чрева ночи.

Казалось, этой ереси не будет конца. Анна с горечью сознавала, что в последнюю ночь свободы, в Рождественскую ночь, она вынуждена внимать язычникам и прислушиваться во тьме к шагам Люцифера. Это

была самая долгая ночь в году. Под утро, устав ожидать прихода Сатаны, который виделся ей то ли смердящим козлом, то ли мерзкой жабой, Анна забылась тревожным сном.

И как в прошлый раз, она проснулась в Час Волка. Джок осторожно тряс ее за плечо.

— Слышите? Мои братья с холмов говорят, что англичане уже близко.

Раздался долгий, протяжный, пронзительно-тоскливый волчий вой. Джок понимал своих хищных собратьев лучше, чем английскую речь. Он помог Анне встать, ногой отпихнул тюфяк. Тут же появилась старуха с веником и стала яростно мести то место, где было ложе Анны. Это было безумие — выметать пол под тюфяком, даже если в гости ожидают английского лорда.

Топот копыт неумолимо приближался. Можно было подумать, что сюда мчится целая конница. Собаки захлебывались в бешеном лае. Их язык был куда понятнее Анне, чем волчий. Сомнений не было: кто бы ни спешил сюда, он спешил на охоту.

Джок раскидал хлам, валявшийся на грязном полу. На расчищенном пространстве обнаружилась крышка люка. Он откинул ее. Открылась сырая яма, не уютнее свежевырытой могилы. Джок сказал, что это не просто подвал, а потайной ход. Похоже, над этим сооружением потрудились больше, чем над всей хижинкой.

— Не правда ли, аккуратная работа? — ухмыльнулся он. — Эту лачугу сжигали дотла столько раз, что и не сосчитать. Но лаз так и не нашли.

Окованная железом дверь начала сотрясаться под тяжелыми ударами.

— Леди Анна, либо вы идете с нами, либо остаетесь здесь и ждете, пока люди Скроупа не вышибут эту дверь. Другого выбора нет.

Выбора действительно не было. Если она сейчас не захочет идти с этими людьми, то ее схватят, увезут обратно в Англию и бросят в каменную темницу, где она будет обречена на медленную мучительную смерть. А здесь Джок приглашал ее сойти под землю без долгих предисловий.

Удары становились громче. Анну била дрожь. Она тщетно пыталась убедить себя в суетности происходящего, в том, что с душой ее они ничего не смогут сделать. Но подступающий ужас был слишком реальным.

Джок внимательно смотрел на нее. Неверное пламя свечи освещало их лица.

— Вы думаете, что мученичество прекрасно и достойно. Ничего подобного. Мучения — это грязь. Вам дадут грубую тюремную одежду, бросят на холодный сырой пол, станут держать на заплесневевшем хлебе и протухшей воде. Потом к вам подойдут чистенького, гладкого, красивого молодца, который будет уговаривать вас отречься. А если вы откажетесь, то останетесь среди сырых стен и ползающих мокриц, пока не умрете от холода и одиночества. А может, в один прекрасный день священник выведет вас на свет божий, и вы поднимитесь на эшафот, где вас вежливо попросят положить голову на плаху. И громила с волосатыми ручищами, который зарабатывает себе на жизнь ремеслом палача, опустит топор на вашу тоненькую шейку — в назидание черни, той самой, с которой вы хотели чуть ли не породниться.

Это была правда. Елизавета никогда не пощадит Анну, которую она ненавидит лютой ненавистью.

Анна боялась, что не выдержит пыток, а в том, что ее будут пытаться, сомнений не было. Она утратила веру в себя. Она укрывалась у язычников, она спасла девочку-колдунью, ей не суждено обрести вечный покой. Мария отвернулась от нее.

Словно приглашая к менюэту, Джок галантно подал Анне руку. Она послушно приняла ее и стала спускаться в темный ход. Мрачные стены сомкнулись над нею. От земли поднимались сырые испарения. Джок шел следом, торопил ее. Она слышала, как он придвинул тюфяк к проему люка, а потом захлопнул крышку изнутри.

Несмотря на холод, она вспотела под своей шерстяной рубахой. Ничего не было видно, лишь пламя свечи, которую несла старуха, металось в пьяном танце по грязным стенам тоннеля, освещая их и призрачный силуэт ведьмы. К счастью, лаз быстро кончился, выход преграждали только сваленные грудой ветки и сучья. Колючки изодрали рубаху, расцарапали лицо. Наконец Анна выбралась наружу. Они стояли около дуба, в овражке; на другой стороне была видна овчарня.

Старуха уже поджидала их, свеча горела у подножия дуба и отблески пламени играли на узловатых ветвях. Лорд Скроуп, лошади, люди, собаки — все это было так немилосердно близко.

— Мешкать нельзя. Сейчас все вокруг запылывает, — слышался рядом голос Джок. Она обернулась и увидела, что языки пламени уже подбираются к краю оврага. Истошно лаяли собаки, испуганные овцы разбегались с громким блеянием. Ошеломленная Анна увидела, что старуха торопливо раздевается. На землю полетела шаль, затем рубаха. Неужели нельзя выбрать другое время для маскарада? Но ведьма была сама невозмутимость. Совершенно нагая — лишь мышинный череп-амулет болтался на морщинистой шее, кожа да кости, выбеленные старостью волосы, груди обвисли, как два пустых мешочка, — стояла она под взглядом Анны.

Джок сунул в руки Анне что-то мягкое и пушистое.

— Торопитесь, пока собаки не учуяли нас.

Анна обнаружила, что держит некое подобие платья из желтовато-коричневой кожи, на ощупь напоминавшее шкуру лани. Ничего не понимая, она изумленно смотрела, как Джок стягивает — с себя камзол и чулки. Теперь его наготу прикрывала только куртка с волчьим мехом.

— Скорей снимайте вашу одежду и надевайте то, что я дал. Быстрее, иначе нам конец.

Мир словно сошел с ума. Черноту ночи разрезали рыжие языки огня, обнаженные тела казались нереальными в морозном воздухе. В каком-то оцепенении, Анна покорно позволила Джоку раздеть себя. Пылая от смущения, она натянула мягкое платье из оленьей кожи. Джок словно забыл о ней. Он встал на четвереньки и подбежал к старухе. Та быстро-быстро забормотала что-то на своем колдовском наречии.

Ее голос становился все пронзительней и резче, пока не оборвался на самой высокой ноте.

Джок начал превращаться в волка.

Он стремительно обрастал шерстью, меховая куртка серой шкурой покрыла спину и плечи, длинные ногти стали когтями, на треугольной морде засверкали желтые огоньки глаз, а из пасти показались огромные клыки.

Анна хотела закричать, но с ней тоже происходили удивительные превращения. Из горла не вылетало ни звука, шея вытягивалась, колени

сильно дрожали. Анна упала на землю. Она хотела схватиться за что-нибудь, чтобы встать, но вместо рук увидела копыта. Смертельный страх сковал ее тело, но это был животный страх, поселившийся в теле лани. В теле, созданном для того, чтобы убегать от погони. Собачий лай страшил ее больше, чем все ужасы преисподней, копыта нетерпеливо топтали снег, ноги готовы были унести ее от этого лая куда угодно, хоть на край света.

И тут она услышала, что люди Скроупа спустили свору по следу беглецов. Тело больше не повиновалось ей. Лань понеслась вперед, не разбирая дороги, продираясь сквозь ветки, одним прыжком преодолевая рытвины.

Оглянувшись, Анна увидела, что ее спина покрыта короткой шелковистой коричневой шерстью. Старуха исчезла, а вместо нее крохотная серая мышка прошмыгнула под упавшим стволом дуба и растворилась в сплетении чернеющих на снегу ветвей.

Мысль Анны не поспевала за стремительным бегом. Охваченная слепой паникой, лань неслась мимо сосен, в гору, все вверх и вверх.

Она знала лишь этот путь — к затерянному среди скал святилищу Марии.

Глубокие расщелины и ледяные ручьи не могли ее остановить. Она с легкостью переносилась через них, одним прыжком перелетая над поваленными деревьями, птицей взмывая на каменистые утесы. Вереск хлестал ее по бокам, комья земли и мокрого снега разлетались из-под копыт.

Вот и вершина, совсем близко.

Анна бросила быстрый взгляд назад. Отсюда хижина была похожа на горящий факел. Поросший вереском торфяник еще окутывала тьма, но на небе уже забрезжил серый рассвет, озарив верхушки сосен. У ног ее скользнула черная тень, и она ощутила новый прилив паники, но тут же узнала волка.

Внизу собаки заливались злобным лаем — добыча ускользнула из-под самого носа. С той ясностью, которую дает страх, лани виделись оскаленные морды, пена у белых клыков, она чувала жаркое дыхание псов — все ближе, ближе... Она рванулась вперед, целиком отдавшись одному желанию — избавиться от этого несмолкающего лая позади.

Достигнув вершины, она в ужасе остановилась. Перед ней был обрыв, за которым зияла черная пропасть. Оставался только один путь — по сужающейся тропе к святилищу.

Громкие крики всадников лишь подстегнули ее.

Она бросилась к изгороди, ища, где бы спрятаться. Съежившись, притаилась позади святилища. Волк тем временем спокойно разглядывал беснующуюся внизу свору — полукружье псов, скребущих землю, напуганных видом волчьих клыков. Тропинка была слишком узкой, чтобы они могли ринуться всем скопом, а поодиночке никто не решался сразиться с хищником, превосходящим их по весу и силе.

Всадники одолели склон и открыли стрельбу из седельных пистолетов, целясь в волка. Пули отскакивали, взлетая вокруг черного зверя, но он, казалось, даже не замечал их, продолжая созерцать собак.

Неожиданно вперед пробился какой-то человек, одетый в доспехи.

В нем Анна узнала своего кузена, горбуна Дарси, человека, который три ночи назад не пустил ее к себе на порог. Человека, для которого не было ничего важнее денег. Анна, сделав над собой усилие, шагнула на

открытое пространство.

Дарси мельком взглянул на нее и заорал:

— Идиоты, стервятники, вы зачем сюда явились, поохотиться захотелось? Вы что, лани никогда не видели? Или ваши собаки волка никогда не встречали? У вас приказ лорда Скроупа! Ну-ка, живо отгоните собак, пусть ищут след. Не могли же эти дьяволы провалиться сквозь землю!

Пристыженные люди спешили и начали оттаскивать отчаянно упиравшихся псов.

Анна, припав к земле, смотрела, как они постепенно исчезают за кручей, следя за удалявшейся в сторону Дейла цепочкой факельных огней. Ужас не отпускал Анну, даже когда низкое солнце рождественского утра окрасило вершины в нежный розовый цвет.

Когда первый луч коснулся ее, Анна почувствовала, что ее тело вновь меняется — от покрывавшей ее оленьей шкуры остался только лоскут вокруг бедер. Глянув вниз, вместо копыт она снова увидела свои руки, вцепившиеся в камни и вереск. На лицо ей упала белокурая прядь. Анна поднялась на ноги, дрожа от утреннего холода и от пережитого ночью страха.

Неподалеку от нее на корточках примостился Джок. От волчьего обличья осталась лишь отороченная мехом куртка, едва достававшая до голых ягодиц. Он рассматривал на свет пробитую пулями куртку, сосредоточенно просовывая палец в каждую дырку. Не глядя на Анну, он небрежно спросил:

— А госпожа умеет обращаться с ниткой и иголкой? Надо бы зашить...

Анна промолчала. Студеный ветер Рождества пронизывал ее легкое одеяние, проникая в самое сердце. Променив мученичество на волшебство, она оказалась отрезанной от разгоравшегося в мире вокруг нее Рождественского сияния. Неуверенно ступая, она приблизилась к святилищу. Это было простое маленькое строение: четыре стены, дверной проем, земляной пол. Над входом висело распятие, над алтарем — образ Пресвятой Девы, символизирующий мир и покой, которые отныне недостижимы для Анны. Она осторожно ступила на порог. Говорили, что нечистой силе хода на освященную землю нет. Ее остановит незримая рука Вышнего Закона. Анна сделала еще шаг. Ничто не задержало ее. Стены защищали от пронизывающего ветра. Пораженная, не смея поверить в чудо, Анна упала на колени перед алтарем, моля Деву простить ее отступничество. С закрытыми глазами она вдыхала запах влажной земли, смолистого дерева, свечного воска.

Но знака все не было. Лишь на низком карнизе ворковали голуби, свет утра струился сквозь дверной проем. На шероховатом, грубом полу болели колени, суставы одеревенели от напряжения и холода. Превозмогая боль, она снова и снова повторяла:

Радуйся, Мария, благодати полная,
Благословенна Ты между женами,
И благословен плод чрева Твоего Иисусе.
Святая Мария, Матерь Божия,
Молись за нас, грешных,
Ныне и в час смерти нашей.

Раздалось шумное хлопанье голубиных крыльев. Анна не решалась открыть глаз, пока не услышала тихий голос Девы. Впервые после Йоркшира Пресвятая Дева говорила с ней. Подняв глаза, Анна вначале увидела Ее босые и грязные ноги. Дева стояла между Анной и алтарем, в сиянии света, в окружении голубиных крыл, Ее талию обвивала золотисто-коричневая шкура лани. На тонкой нежной шее еще не зажили следы веревок. Она тихо промолвила:

— Анна, ты никогда не изменяла Старой Вере.

«Святые грешники» — альтернативный исторический рассказ, основанный на фактах биографии Лилиан Хеллман. Лилиан Хеллман в течение тридцати лет писала пьесы, имевшие большой общественный резонанс. Она дебютировала «Детским часом» в 30-е годы. Хеллман была связана с рядом писателей и «интересных лиц», включая ее приходящего-уходящего возлюбленного Дэшила Хеммета ⁴. Когда ее вызвали в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности при Конгрессе в 1952 году, Хеллман отказалась назвать какие-либо имена. Занесенная в черный список, без цента в кармане, она должна была заново начинать свою карьеру. В конце 60-х и в 70-х она написала три великолепных автобиографических книги: «Pentimento » («Раскаяние»), «Незавершенная женщина » и «Время негодяев». Ее никогда не выбирали ни в какие правительственные органы, но она могла быть туда избрана.

Кристин Кэтрин Раш

Святые грешники⁵

Из незаконченной автобиографии бывшего сенатора Лилиан Хеллман

Он был самым интересным человеком из всех, кого я когда-либо знала. Даже теперь, спустя десятилетия, время от времени я вспоминаю его: когда кто-нибудь помешивает коктейль с мартини или закатное солнце струится в окно моей гостиной. Многие полагали, что я не рассказывала о Дэшиле Хеммете потому, что с ним связаны некие секреты — слишком важные, чтобы их выдавать. Если и есть такие секреты, я про них не ведаю. А не говорила я о Хеммете потому, что сказать мне надо слишком многое.

Мы познакомились, когда мне было двадцать четыре, а ему — тридцать шесть. Я ощущала себя бунтаркой, работала секретаршей и имела мужа, который не мог взять в толк, каким образом мое бунтарство склоняет меня к политике. Хеммет слыл популярнейшей личностью в Голливуде и Нью-Йорке.

В порядке вещей быть в этих городах самой модной персоной —

4 Дэшил Хеммет (1894-1961) — американский писатель, широко известен как автор детективных произведений. Один из первых представителей этого жанра, рассматривавших преступление как социальную проблему. Сменил много профессий, работал в частном сыском бюро Пинкертона. Первая книга — «Кровавая жатва» — вышла в 1926 году. Этот роман и другие известные произведения писателя — «Мальтийский сокол», «Стеклянный ключ», «Худой человек» изданы на русском языке.

излюбленная игрушка меняется там каждую зиму, но в его случае особый интерес для коллекционеров знаменитостей представляло то, что экс-детектив со шрамами на ногах и вмятиной на голове — следами общения с преступниками — имел мягкие манеры, хорошее образование, элегантно выглядел, происходил от первых поселенцев, был оригинален, остроумен и тратил столько денег на женщин, что они любили бы его, даже не имея он этих своих достоинств. Когда мы встретились, он уже пятый день как пил, и его прекрасное лицо выглядело изможденным. Высокая тонкая фигура устало обмякла. Он не стал швыряться деньгами. Напротив, мы вообще ушли из того голливудского ресторана и всю ночь просидели в его машине — курили и беседовали — о чем, я сейчас и не вспомню.

Иногда мне представляется, что той ночью мы впервые заговорили о моей политической карьере, тогда только начавшейся, и он произнес то, что потом повторял постоянно:

— Придет день, Аил, когда они потребуют, чтобы ты продала своих друзей.

Услышав это, я возмутилась и поклялась, что своих друзей не предаю ни за что. Он посмотрел на меня печально — такой же взгляд был у него лишь в его последние дни в 1961 году, в больничной палате, накануне смерти.

Его слова стали преследовать меня весной 1947 года, когда Трумэн⁶ вновь вверг нас в войну.

Дж. Эдгар Гувер⁷ начал говорить о коммунистах как о пятой колонне, а Трумэн отдал распоряжение министру юстиции подготовить соответствующий документ. Это был перечень организаций, в деятельности которых отмечалась приверженность коммунистическим, фашистским, тоталитаристским и подрывным идеям, и претендент на государственную должность подлежал проверке, если состоял в какой-либо из них. Вскоре список был опубликован и дал ход всевозможным нарушениям прав человека.

Но в начале тридцатых такое отдаленное будущее нельзя было и представить. Почти вся страна впала в Великую Депрессию — невиданную в ее истории. Только в некоторых отдельных местах — таких, как Голливуд, — у людей были еще деньги, чтобы развлекаться и пить ночи напролет, будто на дворе все еще стояли двадцатые годы. Я ушла от мужа, поселилась вместе с Хемметом, и несколько лет мы жили бурно и бесшабашно, будто Депрессии не было и в помине. А потом нищета просочилась и в мою жизнь, о ней напоминали маленькие оборвыши на обочинах дорог, изможденные мужчины, спрашивающие на углах работу, но не желавшие взять ни цента, поблекшие и состарившиеся раньше срока молодые женщины у продуктовых магазинов, умоляющие купить молока их детишкам.

Хеммет совал им деньги, я же думала: надо делать что-то другое. Несколькими годами раньше я училась в Бонне, и появление национал-социализма на руинах германской экономики меня испугало. Впервые я

6 Гарри Трумэн (1884–1972) — 33-й президент США (после смерти президента Ф. Рузвельта) от Демократической партии. Один из инициаторов политики «холодной войны».

7 Джон Эдгар Гувер (1895–1972) — директор Федерального бюро расследований (ФБР) в США с 1924 года.

осознала, что я — еврейка. Вернувшись в Штаты, я увидела в новом свете, как мои предки-южане обрели богатство — выехав на спинах несчастных негров. Корни моего бунтарского духа стали еще глубже. Они взывали ко мне, когда солнечным калифорнийским полднем я проходила мимо палаточных городков, переполненных выброшенными из жизни людьми.

Гувер многое обещал, но ничего не делал. Ф. Д. Рузвельт⁸ уже появился на политическом горизонте. Его туманные идеи выдавали представления богатого человека о бедном народе. Республиканцы с треском провалились с идеей рынка, демократы упивались своим новым положением, а проблем не решали. Мы следили за событиями Гражданской войны в Испании⁹ с восхищением и ужасом — возможно предчувствуя что-то подобное у себя в стране. В Голливуде были случаи вступления в компартию. Те, кто не вступил, говорили о ценностях марксизма. Помню, ночи напролет велись дискуссии о необходимости третьей партии, не связанной с какой-либо системой.

Как — то во время одного такого обсуждения человек, назвавшийся Хьюбертом Уолленсом, спросил, представляю ли я, с чего начинать создание такой партии. Невысокий, щеголевато одетый, он обшаривал глазами комнату, пока мы разговаривали. Помню, сквозь сигаретный и алкогольный дурман я подумала: со мной он просто убивает время, ожидая, пока в поле его зрения попадет кто-либо поважнее. Позже поняла: он вел себя так, чтобы не пропустить ничего из происходящего вокруг. Как оказалось, он запомнил весь наш разговор и мог воспроизвести его почти дословно.

Уолленс сообщил, что собирает средства на проведение кампании по выборам президента от третьей партии.

— Вы напрасно тратите свои доллары, — сказала я. — Вам никогда не найти подходящей кандидатуры — идеального героя, о котором мечтает вся страна. А если и найдете, существующие мощные партии не оставят камня на камне от ваших намерений. Он сослался на то, что, мол, этот метод срабатывал в девятнадцатом веке. Мы живем в двадцатом, — напомнила я.

Наверное, наши голоса выделились из общего гула, потому что в комнате постепенно все стихло. Третьи партии, говорила я, должны возникать в народе и распространяться по стране — квартал за кварталом, район за районом. Деньги лучше потратить на финансирование местных лидеров, которые убедят свое окружение в преимуществах новой партии. Надо найти таких активистов — распространителей идей, к которым, в силу их личного влияния, тянутся люди. Засмеявшись, он сказал, что, похоже, в моих рассуждениях есть рациональное зерно.

Наш разговор закончился, заговорили другие. Я заметила рядом Хеммета. Он был серьезен. Он не доверял политикам. Я это знала. Позже, отказавшись пойти на компромисс со своими принципами, за что и попадет в тюрьму, Дэш признается: «Пойми: если б речь шла не о тюрьме,

8 Франклин Делано Рузвельт (1882-1945) — 32-й президент США (с 1933 г.) от Демократической партии. Четыре раза избирался на этот срок. Провел ряд реформ «Нового курса».

9 Гражданская война в Испании — июль 1936 — март 1939. Завершилась установлением фашистской диктатуры генерала Франко.

а о моей жизни, я отдал бы ее за то, что считаю демократией, и я не позволю полицейским, судьям или политикам втолковывать мне, что является демократией в *моем* понимании».

Он был пьян. Глаза покраснели, а вокруг рта обозначились жесткие складки. «Только ступи на эту тропу, Лил, и ты никогда не сможешь повернуть назад».

Он оказался прав. Я не смогла.

Теперь, когда я вспоминаю, как он стоял рядом со мной, одетый в белый костюм без единого пятнышка, несмотря на долгую ночную попойку, то задаюсь вопросом: что же он на самом деле хотел сказать? Он был гордым человеком и ничего не требовал, но иногда в отголосках его слов мне слышится просьба человека, никогда ни о чем не просившего. За день до смерти, когда я пришла в больницу, он так сильно схватил меня за руку, будто решил никогда не отпускать, и в тот момент я вдруг прозрела и поняла: мы с ним — одной породы и всегда составляли одно целое. Он знал это, а я — нет. Я проводила массу времени с Уолленсом в мрачных комнатах и грязноватых ресторанчиках — строя планы, что-то замышляя. Например: эти деньги в данном избирательном округе дадут такой-то результат. Хеммет ушел с головой в свою книгу — писал последний, пятый роман. Но только из посмертного интервью, опубликованного в «Нью-Йорк таймс», я узнала, что Нора Чарльз списана с меня. Славно быть Норой, женой Ника Чарльза¹⁰, — возможно, это один из немногих литературных браков в современной прозе, когда мужчина и женщина прекрасно относятся друг к другу и им хорошо вдвоем. Поистине мой единственный благополучный брак.

Каким-то образом эти дискуссии в полутемных комнатах привели к тому, что меня выдвинули кандидатом в конгресс. Уолленс считал, что я подхожу идеально. Высказываюсь прямо, придерживаюсь мужских взглядов на вещи, но достаточно женственна, чтобы привлечь голоса мужчин и не оттолкнуть женщин-избирательниц. Я колебалась. Никогда не чувствовала себя политиком, все-таки — скорее бунтаркой.

Решающий разговор состоялся на приеме у одной восходящей знаменитости. Дело было днем. Я сидела около бассейна с бокалом, предпочитая позагорать, пока в гостиной Хеммет спорит с гостями об искусстве. Слегка отдающая хлоркой вода сияла голубизной в ярких лучах солнца. Я закрыла глаза, устав от болтовни, от бесчисленных приемов, на которых ничего не решалось, и тут кто-то присел на подлокотник моего кресла. Уолленс.

— Послушайте, Аил. Эта жизнь не для вас. Вам скучно.

— Я устала, Хьюберт.

— Вас искушают, — произнес он, и я открыла глаза. Он загоразживал солнце, свет обрамлял его и делал похожим на ангела. Темный ангел, поправила я себя и усмехнулась сравнению. Уолленс же решил, что я с ним соглашаюсь.

— Лил...

Я жестом остановила его.

— Если я буду несогласна с кем-нибудь, то скажу ему об этом, Хьюберт. И если кто-то мне не понравится, то, скорее всего, молчать не буду. А если встречу грязного политика, заклею его публично и,

10 Ник и Нора Чарльз — главные герои романа Дэшила Хеммета «Худой человек».

скорее всего, в неподходящее время.

— Годится, — ответил он. — В политике пришло время честности.

— Честность и политика несовместимы, Хьюберт. Очень бы не хотелось стать испытательным стендом по проверке этой банальности.

— Вас эта проблема волнует так же, как и меня. Почему бы не попробовать?

Я закрыла глаза и откинулась на спинку кресла, не в силах ответить. Он знал меня лучше, чем я думала. Предположение соблазняло, волновало и страшило одновременно. А страх — мощная движущая сила. Притом я была молода.

— Я развалю вашу партию.

— Вы поможете ей.

— Лучше я буду действовать за сценой.

— Вы нам нужны в первых рядах.

Аргументы были старые, но, наверное, здесь, в ярком свете солнца, рядом с бассейном, принадлежащем богатой женщине, они звучали более убедительно, чем в полутемных комнатах. Я согласилась, ощутив секундный толчок радости.

Уолленс ушел. Появился Хеммет, взял меня за локоть, и мы направились в дом наполнить свои бокалы. Он изучающе посмотрел на меня, но ни о чем не спросил. Я поняла: он видел Уолленса рядом со мной.

— Я решилась — буду баллотироваться.

Он промолчал. Я пошла налить себе вина. Было немного не по себе от того, что он никак не отреагировал. Я вышла в сад и бродила по дорожкам, в одиночестве размышляя над случившимся. И так и не нашла никаких доводов поступить иначе.

Вечером того же дня мы с Хемметом повздорили, прямо на глазах у оставшихся гостей. Вроде бы из-за того, что он поцеловал хозяйку дома. Он целовал при мне других женщин, и это никогда меня не волновало. Я хорошо помню, что разоралась по поводу поцелуя, но на самом деле, наверное, злилась на его молчание. До этого Хеммет меня полностью поддерживал во всем. А вот сейчас — отступил.

В ту ночь он домой не пришел. Не пришел и на следующий день. Бывало, Дэш завеивался к друзьям на многодневные попойки, и вроде его отсутствие не выходило за рамки обычного. Но, начав писать свой роман, он не пил ничего крепче пива и вот уже год как ночевал дома.

Когда он вернулся, я была в истерике — то ли от страха, то ли от гнева.

Он выглядел таким же утомленным, как в день нашей первой встречи. За окнами догорал день, и поток лучей заходящего солнца высветил его фигуру. Светлые волосы, белые брюки, белая рубашка — все слилось в легкий силуэт. Мелькнуло: вот, может быть, самое прекрасное, что я видела в жизни — эти тонкие очертания мужской фигуры, эта резкая линия носа, — и я закричала:

— Ты святой грешник, как у Достоевского! Вот ты кто!

Он сказал, что не понял и вообще все это не имеет значения. Я могу оставаться в квартире, а он переедет.

Переедет! Как будто я была актриской или одной из тех жен, о которых он писал в начале двадцатых. Возможно, вот так он заявил жене и дочерям, когда оставил их. А может, в виде особого исключения, это сказано только мне.

Он забрал свои книги, одежду, увез часть мебели. Немного — возможно, думал, я остаюсь без средств. А может, просто остальное ему не требовалась. Я не произнесла ни слова — ни когда он уходил, ни потом — годы спустя. Вновь погрузилась в избирательные дела, и с таким рвением, какого в себе и не подозревала.

Все последующие годы — и во время избирательных кампаний, и в беседах с прессой — имя Хеммета никем не упоминалось.

Позже я узнала, что он поддерживал все мои кампании — даже если у него и самого не хватало денег. Шло время, он завершил роман, писал еще какие-то сценарии, а потом забросил писательство. Наша партия росла, особенно в Калифорнии. Я переместилась из Палаты Представителей в Сенат с небольшой группой единомышленников. Я выступала откровенно, как и предупреждала Уолленса. Он терпел, хотя порой моя смелость и претила ему. У меня были избиратели, пресса относилась благосклонно, и в те дни даже поговаривали, не баллотироваться ли мне на должность президента, чтобы стать первой женщиной на этом посту.

В 1941 началась война. Случилось то, чего я страшилась с того момента, когда увидела в Бонне штандарты национал-социалистов. Я поддержала забастовку против нацистской угрозы, испугав друзей своей одержимостью. Но я помнила, каково это — идти по улице и сознавать, что ты — еврейка. Я слышала рассказы о лагерях, тюрьмах, «хрустальных ночах»¹¹ и решила: фашизм надо остановить, пусть даже не особо выбирая средства.

Я вернулась в Калифорнию проводить встречи в городах штата, когда старый знакомый сообщил, что Хеммет через несколько дней отбывает на фронт. Я была в шоке. Наверняка допущена бюрократическая ошибка, а в результате — сорокавосьмилетний человек идет воевать, хотя война — удел молодых.

Он жил по-прежнему на окраине, в старой части города. Пойти к нему означало шагнуть в прошлое. Я чуть было не распахнула дверь, чтобы войти, на ходу стягивая перчатки и сбрасывая ботинки, и усесться в кресло, затянувшись сигаретой.

Но не сделала этого. Решительно постучала в дверь рукой в перчатке — звук получился приглушенным, поправила шляпку, как школьница, и страстно пожелала возврата прежней простоты. Плохо, что в горле начало першить. Просто пересохло, внушала я себе, не желая признаваться, что нервничаю. Когда дверь открылась, передо мною предстал Хеммет — все еще стройный, все еще красивый, и глаза его посмеивались, будто это я на сей раз вернулась после двухдневного запоя.

— Тебе идет этот костюм, Лил, — сказал он и распахнул дверь.

Я вошла и машинально сняла шляпку. В комнате в беспорядке валялись груды книг и журналов. Стены были голые, к ним прислонена какая-то полуразобранная аппаратура. Судя по обстановке, Хеммет жил один. Никак от него не ожидала.

Мы не разговаривали с того момента, как он ушел. Старая боль вернулась, пульсируя, как открывшаяся рана. Безумно хотелось наорать

11 «Хрустальная ночь» — погром в ночь на 9 ноября 1938 года, послуживший началом массового уничтожения евреев в фашистской Германии.

на него, чтобы он заорал в ответ — я бы удостоверилась, что все в мире снова идет как надо.

Он убрал книги с металлической кухонной табуретки, я присела, чувствуя себя скованно. Несколько минут мы смотрели друг на друга, не желая произносить штампованные фразы из серии «встреча бывших любовников». Он заговорил первым.

— Что же ты все-таки имела в виду? Святой грешник, как у Достоевского?

Я ответила, что не знаю и, возможно, в тот момент действительно не знала. А осознала позже, когда поняла, что греховность прошла, что бы там ни было этой греховностью, — и он превратился в Хеммета завершающего этапа жизни. Я попыталась все объяснить, но он сказал, что эти понятия слишком отдают религиозностью.

Его вопрос смел все барьеры и побудил меня задать свой, который не давал покоя с того момента, как он сказал, что переезжает. Внутренний голос жалобно просил узнать, почему Дэш ушел, что заставило его захлопнуть дверь за прошлым. Но я так и не спросила. Хеммет знает, что я желаю выяснить. Он расскажет, когда будет готов к этому.

— Слышала, ты скоро отплываешь. — И я стала стягивать перчатки. Это был жест Благородной Южной Леди — жест, призванный скрыть нервозность. — Но ведь тебе не обязательно ехать, Дэш. Чиновники что-то напутали, это поправимо.

Краска бросилась ему в лицо, потом он побледнел. Проступила его такая знакомая улыбка:

— Это не ошибка, Лил. Я иду добровольцем.

— Что? — Благородная Южная Леди испарилась. Вместо нее сидела дерзкая и нахальная женщина, которую Хеммет когда-то любил. — Ты слишком стар, Дэш! Пусть молодежь воюет в этой войне. Ты нам нужен здесь.

Не думала, что эта вспышка заденет его. Но когда он поднялся, руки у него дрожали.

— Нужен здесь для чего, Лил? Писать пропагандистские тексты для военной кинохроники? Показывать новобранцам, что их ожидает?

— А твои рубцы в легких? — Он получил их во время первой мировой войны, отбиваясь от туберкулеза.

Он пожал плечами, улыбнулся и налил мне вина. Я не притронулась к бокалу.

— Этот пыл служит тебе хорошую службу там, на Капитолийском холме.

— Дэш, я не могу тебя отпустить.

Смех прекратился. Он поставил бутылку на стол и посмотрел на меня так, как, я надеюсь, никто на меня никогда больше не посмотрит.

— Таких слов я от тебя никак не ожидал, — произнес он.

Я готовилась нажать на все рычаги, чтобы он остался, оградить от стрельбы и боев еще до того, как узнала, куда он собирается отправиться. А под его взглядом я почувствовала себя капризным ребенком, разочаровавшим снисходительного родителя.

— Я записался добровольцем. Армия берет меня, и я еду. Ты не можешь остановить меня, Лил. У тебя нет на это права.

Натянув перчатки, я схватилась за шляпу. Собственная реакция на его отъезд поразила меня. Всю свою энергию я тратила на защиту прав людей, у которых эти права отняли, но отказывала в них теперь

сорокавосьмилетнему человеку только потому, что любила его. Все еще любила.

— Мне нужно идти.

— Как бы не так.

— У меня намечены встречи.

— К черту все встречи, из-за них ты думаешь, что можно вот так взять и скрутить чью-то жизнь.

Он был прав. Я не знала, что и сказать. Хотелось одного — поскорее отсюда вырваться.

— Я допустила ошибку.

— Это точно, и ты останешься здесь, пока мы не удостоверимся, что ты не собираешься эту ошибку повторить.

Уолленс искал меня два дня, пропустив с полдесятка встреч с избирателями.

Наша старая компания разбежалась, но споры ночи напролет были прежними. Хеммет проявлял какую-то особую нежность, о которой я уже позабыла. А возможно, она появилась за те годы, что он был вдали от меня. Когда позвонил Уолленс, Хеммет отпустил меня — помахал рукой и улыбнулся на прощанье — и ни слова о том, вернусь ли я когда-нибудь.

Вскоре появились первые репортеры с вопросами. Хьюберт Уолленс унюхал скандал. («Как вы могли жить с ним, Лил, не выходя замуж?» — «Я уже состояла в браке, Хьюберт».) Но в тяжелую пору войны было не до скандалов такого рода. Хеммет — герой войны, хотя и не воевал на фронте — достаточно, что человек его положения записался добровольцем. Я вела другие бои — в Сенате. Эти бои стали важнее, чем десятилетняя связь и ошибки юности.

Он посылал мне письма с Алеутских островов¹². Я их храню. Он писал о красоте тех мест и потом долгие годы все твердил: надо туда снова съездить. Какое-то время Дэш занимался программами подготовки новобранцев, потом выпускал армейскую газету. Хорошая была газета: печать четкая, новости — достоверные, шутки — смешные. Я так и не поняла, чем же привлекла его армия. Не давала ли она ему, человеку без общества, некую иллюзию «своего места в жизни»? Или он чувствовал определенную гордость от того, что в сорок восемь лет может не отставать от парней вдвое его моложе? А возможно, он просто любил свою страну, полагая, что она ведет справедливую войну, которая требует и его участия.

Я никогда не спрашивала Хеммета о его политических пристрастиях. Допускаю, что это выглядит несколько странным, учитывая, сколько всего из-за них произошло. Но — первые годы мы обсуждали мои политические метания, а потом не хотелось спрашивать. То, что произошло, изменило нас, обратного пути не было. Я не знаю, был ли Хеммет членом компартии. Уверенна, что марксистом он был. Но очень разборчивым марксистом ~ нередко критиковал Советский Союз, впрочем, в той же несколько провинциальной манере, в какой многие американцы любят поосуждать иностранцев. Мне достоверно известно, что все его убеждения явились результатом чтения и размышлений. Хеммет

12 Алеутские острова — на севере Тихого океана (США, штат Аляска). Около 25 действующих вулканов, луга и горные тундры.

разбирался во всем без спешки. У него был открытый для всего нового ум и терпимая натура.

Когда война победно закончилась, я поверила, что зло уничтожено и мир вокруг — прекрасен. Возможно, просто время было такое. Я достаточно знала человеческую природу и понимала, что каждый несет в себе собственные противоречия, собственные хорошие и дурные взгляды, и все мы — святые и грешники Достоевского в уменьшенном масштабе. И поэтому охотно обманывались, веря, будто помпезные парады и смерть диктаторов могли закамуфлировать для упрямого американского невежества правду о лагерях смерти и азиатских городах, разрушенных одной-единственной бомбой, сброшенной с невообразимой высоты. Я участвовала в этих парадах, сочиняла речи, прославляющие нашу страну, и однажды увидела Хеммета.

Поразила его необычная нервная порывистость и совсем не понравилась новая манера смотреть — как бы сквозь собеседника. Мы отчаянно спорили о моих речах, о его армейской службе и расстались с горечью. Воспоминания о предвоенных днях были омрачены новой стычкой. И, конечно, обильными возлияниями.

Это были не единственные неприятности. Проскрипционный список, составленный в свое время министром юстиции, и Элджер Хисс¹³ зловеще замаячили на общественном горизонте. Я выступала против них, но потеряла свое былое влияние. Письма от избирателей становились все более раздраженными, не скрывающими разочарования. Люди хотели, чтобы наша партия дезавуировала все связи с остальными, включая коммунистическую, в которой прежде состояли многие члены нашей. Я отказалась. Неожиданно для себя я стала повторять, что не смогу и не стану приспособливать свою совесть к моде текущего сезона.

Настал момент проверки этого заявления. В 1951 году Хеммета посадили в тюрьму. Он и два других члена правления кредитного фонда Конгресса по гражданским правам отказались назвать имена людей, пожертвовавших деньги в фонд. Хеммет был обвинен в сокрытии информации, но суть была в том, что он не имел дела с конторой Конгресса и не знал по имени ни одного вкладчика. В тюрьму его привело особое понятие о чести, и это же повлекло за собой последующие события.

Хотя Хеммет за последнее десятилетие мало что написал, память о днях, когда он был ярчайшей личностью в Нью-Йорке и Голливуде, еще не стерлась. Репортеры интервьюировали его, сообщения из зала суда печатались на первых полосах всех крупных газет. А потом кто-то вспомнил и обо мне.

Информацию найти было нетрудно. Двадцать лет назад мы с Хемметом жили вместе. Иногда вели себя как супружеская пара, иногда — как приятели, живущие в одной комнате. В те дни, когда любой мог засвидетельствовать, что угодно, чтобы не подвергнуться губительным допросам в сенатской комиссии, никто и не стал бы утаивать тот факт, что Дэшила Хеммета и меня когда-то соединяла пылкая и глубокая привязанность.

Но теперь пресса хотела знать, не коммунист ли Хеммет и не «укрывала» ли я его когда-либо. Слухи ходили упорные и подрывающие

13 Элджер Хисс — известный государственный деятель в администрации Трумэна.

репутацию. Уолленс вызвал меня в штаб-квартиру. Его кабинет как руководителя партии был в Вашингтоне, в посольском квартале, на верхнем этаже старого дома, куда надо было подниматься по длинной винтовой лестнице. Я ненавидела поездки туда и часто жаловалась, что у меня ощущение, будто я иду на встречу с главарем мафии. Сравнение вызывало у Уолленса смех, и в последнее время мне всегда хотелось, чтобы он возразил.

В тот день он вначале предложил мне выпить. В кабинете не было окон. Огромное кожаное кресло прежнего хозяина офиса довлело над прочей обстановкой, и из-за его огромности стол казался карликовым. У стены находился бар из красного дерева, в тон книжным полкам. Там стояли хрустальные бокалы — больше для красоты. Поэтому, когда Уолленс вынул их, я поняла, что разговор предстоит серьезный.

— Расскажите мне о Хеммете, Аил, — он протянул мне бокал.

Я не садилась. Взгляд остановился на снимках, украшавших стены. Уолленс и я у одного из финансовых боссов партии. Уолленс в кабинете Конгресса. Уолленс с Франклином Рузвельтом. Уолленс с Трумэном. Уолленс, пожимающий руку Черчиллю. Да, мы прошли долгий путь, Уолленс и я.

— Дэш в тюрьме.

— Знаю, — сказал он, усевшись на свой шикарный письменный стол.

Удивительно, почему я раньше никогда не интересовалась его доходами или партийной кассой.

— Я имел в виду вот что: что вы можете рассказать мне о своих взаимоотношениях с Хемметом?

— Вы же о них знаете. Мы жили вместе, когда я познакомилась с вами.

— Да, и нам удавалось скрывать это до сегодняшнего дня.

Помню, я подумала, что не хочу, чтобы он прочитал на моем лице удивление. Я не знала этого человека. Работала с ним двадцать лет, основала вместе с ним политическое движение, но — не знала его.

— Я ничего не скрывала.

— Кому вы рассказывали? — Его лицо выражало что-то похожее на тревогу.

— До сих пор меня никто не спрашивал. Все это сведения личного свойства, поэтому я ничего никому не рассказывала. Но я ничего и не скрываю, Хьюберт. Вы это знаете.

Он это знал, но забыл или предпочел забыть. Он осушил свой бокал так быстро, что я испугалась, не захлебнется ли.

— Я думаю, нам нужно не распространяться сейчас об этом, Лил. Иначе мы погибли. Вы, я, партия и все, ради чего мы работали.

— Если мне надо солгать для защиты того, ради чего мы работаем, то наше дело пропавшее. Мы же начали как партия нового типа, и я предупреждала вас, что я — человек прямой. Партия основывается на принципе честности. Почему вы полагаете, что я могу солгать?

— Для Хеммета это сейчас значения не имеет, — произнес Уолленс, и в его голосе послышались жалобные нотки, чего не было прежде. Так звучит голос могущественных мужчин, когда они о чем-то просят. — Он уже в тюрьме.

— А что случится, когда он выйдет? Когда кто-либо, имея на руках фотографии или точные факты, сообщит ему, что я отрицала существование отношений, когда-то важных для нас обоих? Это дешево,

Хьюберт. Это позорит честь партии. И это обесценивает то, что было у нас с Хемметом.

— Что у вас было, Аил? — Уоллене внимательно рассматривал то, что осталось в бокале. — Он оставил вас, когда вы решили сами распоряжаться своей судьбой.

«Да, оставил, разве не так?» Я ощутила в сердце старую рану, открывшуюся в дни, проведенные с Хемметом перед войной, когда я позволила себе поверить, что наш разрыв не имеет значения: время, терпение и немного спокойствия вновь примирят нас. И тут я поняла, что страх и ощущение горечи — вот что заставляет людей продавать своих друзей, предавать свои убеждения, чтобы защитить себя.

— Но это ничего не меняет, Хьюберт. Так было. И я не стану отрицать.

— Подумайте еще. Поговорим утром.

— Утром, — сказала я, — я не передумую.

Мой бокал так и остался нетронутым, а я пошла вниз по бесконечной мрачной лестнице. Каблуки отбивали ритм на деревянных ступеньках, и с каждым стуком я снова и снова слышала его требования. Какая сила поменяла чувство ликования, которое переполняло меня в конце войны, на это безумие? Что заставило Уолленса уступить ему? И что заставило меня слушать его?

Когда я спустилась на улицу, я знала, что нужно какое-то другое решение. Вопросы о Хеммете будут всплывать снова и снова, и мне нужно выработать ответ или, по крайней мере, отношение к ситуации.

Я подумала, не написать ли Хеммету, он ведь самый умный из всех, кого я знаю. Но Дэш в тюрьме, его почта просматривается, и мне не хватало только какого-нибудь тюремного надзирателя, мечтающего прославиться, опубликовав нашу переписку. И еще я сердилась на Хеммета за его упрямство. Если бы он сказал правду о кредитном фонде, то не был бы в тюрьме, а мне не пришлось решать возникшую проблему. Но он не был бы Хемметом, скажи он правду о вкладчиках фонда.

Даже забавно, как я тогда нуждалась в нем, хотя, казалось бы, с другими трудностями справлялась сама. Наверное, оттого, что я защищала его, а может, мне не давали покоя его слова — по поводу моих послевоенных речей, по поводу неотвратимости выбранного мной пути, по поводу предательства: «Когда-нибудь наступит день, Лил, и они попросят тебя продать друзей».

Этот день наступил — день, в приход которого я, слишком наивная, не верила.

Той ночью, после встречи с Уолленсом, я не сомкнула глаз. Все ходила и ходила из угла в угол по своей квартире в Джорджтауне¹⁴ и всматривалась в городские огни. Мысли не сосредотачивались ни на чем определенном. В голове звучали то слова Хеммета о лояльности, то мои собственные, очень смелые — что я не приспособливаю совесть к моде текущего года. И снова Хеммет, перед тюрьмой, он говорит, что ни один полицейский, ни один судья или политик не скажет ему, что такое демократия. Никто не скажет об этом и мне.

Я знала: мое решение разрушит партию. Знала — оно разрушит и мою политическую карьеру. Но так как я не обсуждала принятое решение

14 Джорджтаун — один из самых престижных районов Вашингтона.

ни с кем и не имела иной поддержки, кроме собственной совести, то не осознавала в полной мере и тех трудностей, которыми оно грозило. Я всегда считала себя человеком решительным и честным и руководствовалась чувством долга в критические моменты. При всех обстоятельствах я следовала истине и собственной интуиции. Помогала людям, чем могла, поддерживала то, что могла, и действовала в политике согласно своим убеждениям. Хеммет однажды назвал меня политиком джефферсоновского¹⁵ толка. Такой политик не особенно верит в способность народных масс к управлению, но полагает, что люди могут выбрать человека, имеющего моральное право представлять их интересы. Такого рода политиков осталось в стране мало. А на Капитолийском холме — и того меньше.

Утром следующего дня я созвала конференцию. Она состоялась в пресс-центре Конгресса. Журналисты приехали незамедлительно. Я зачитала заявление, содержание которого не знали даже мои помощники. Текст был коротким, и я запомнила его наизусть — чтобы видеть реакцию присутствующих.

— В последнюю неделю вы задали мне много вопросов о моем прошлом. Я не отвечала, потому что в наше время ответ часто воспринимается как признание преступления, о котором человек и не подозревает. Я никогда не лгала относительно обстоятельств своей жизни. Наоборот, я горжусь почти всем, что делала. Моя жизнь до вступления на путь общественной деятельности сформировала того политика, каким я сейчас являюсь. Полагаю, в той жизни не было ничего плохого.

Как — то незаметно появился Уолленс. Лицо побледнело, но он все кивал и, кажется, одобрял мое выступление. Журналисты неистово строчили, шуршали, вращаясь, катушки магнитофонов. Несколько фотовспышек ослепили меня.

— Многие журналисты спрашивали меня о моих отношениях с Дэшилом Хемметом. Я не могу рассказать вам о них, потому что не в состоянии разобраться до конца сама. В начале тридцатых, когда я оставила своего мужа, нас связывал общий дом и дружба, которая для меня все еще очень важна. Больше мне сказать нечего. Вы ведь захотите узнать о его политических взглядах, но я знаю только о своих собственных.

Уолленс выглядел уже не бледным, а больным. Он прислонился к стене, чтобы не упасть. Репортеры продолжали строчить. У меня было ощущение, что я веду урок в классе.

Я отступила в глубь сцены, и сразу раздались крики: «Сенатор! Сенатор!» Первое побуждение — проигнорировать их вопросы, но я поняла, что это трусость. У меня ведь есть основные жизненные принципы. Буду их придерживаться.

Вопросы полетели, будто пущенные из рогаток. Не было видно, кто стрелял.

— Был ли Дэшил Хеммет вашим любовником?

— Вы все еще не замужем, сенатор?

15 Томас Джефферсон (1743–1826) — американский просветитель, идеолог буржуазно-демократического направления в период Войны за независимость в Северной Америке (1775–1783), автор проекта Декларации независимости США, 3-й президент США (1801–1809).

— Вы одобряете жизнь в грехе?
— Вы знали, что Хеммет — коммунист, когда с ним познакомились?
— Когда вы очистите свою партию от шестисот восьмидесяти трех коммунистов?

Я стояла молча под этим шквалом вопросов. Я не уклонялась от ответов, у меня их просто не было. Наконец прозвучал вопрос, на который я смогла ответить.

— Вы коммунистка, сенатор?

Спрашивал молодой репортер из «Нью-Йорк Таймс». Позднее он станет ее редактором и будет делать вид, что всю жизнь был либералом. А я напому о его антикоммунистических пристрастиях в пятидесятые, и он оставит меня в покое.

Теперь же он стоял передо мной — молодой, дерзкий и весь напыщенный от сознания, что работает в «Таймс». Прядь темных волос упала ему на глаза, рукава рубашки закатаны выше локтей. Он подался вперед, как охотничья собака в стойке.

Оставив без внимания других репортеров, я остановила свой взгляд на нем.

— Я не коммунистка. И никогда ею не была. В этой стране нет коммунистической угрозы, и вы это знаете. Трусов вы превратили в лжецов — это грязная затея. А то, за что страна боролась в войне, после которой не минуло и десяти лет, — все это исчезло и превратилось в предмет мелкой возни перепуганных детишек. Поиски коммунистов под каждым камнем и под каждым кустом разрушат наше общество так же быстро, как атомная бомба, сброшенная нам на головы. И вы, сообщающие обо всем этом с восторгом преданных псов, так же виноваты в разрушении, как и мои коллеги в Конгрессе, не понимающие, что руководители общества должны придерживаться идеи законности, честности и справедливости, независимо от своих политических взглядов.

В наступившей тишине Уолленс выскользнул через боковую дверь. Журналисты с изумлением уставились на меня. Однако замешательство их было секундным. Лес рук взметнулся вверх, и крики «Сенатор! Сенатор!» возобновились. Я сошла с подиума — на этот раз разговор был окончен — и покинула сцену.

Воспоминания о том, что было после, затуманены временем и обстоятельствами. Совсем неожиданные для меня люди — неприметные конгрессмены и тихие сенаторы — похлопывали меня по плечу и благодарили за то, что я честно высказалась. Ричард Никсон подчеркнуто избегал меня в кулуарах.

Газеты вышли с аршинными заголовками: «ХЕЛЛМАН ОТКРЫТО ЗАЯВЛЯЕТ О СВОБОДЕ. СЕНАТОР ОТБИВАЕТСЯ. КОММУНИСТЫ — НЕ УГРОЗА, ГОВОРIT ОНА». Но эти заголовки промелькнули и исчезли, а атаки начались снова. Старые фотографии, где я была снята с Хемметом, украсили первую полосу «Таймс», а под материалом была подпись моего юного друга. В заметке сообщалось, что я сопровождала Хеммета на собрания членов коммунистической партии. Моих друзей все вызывали и вызывали в Комиссию по антиамериканской деятельности при Конгрессе. И один за другим они лгали, когда на них оказывали давление. Да, я видел Лилиан Хеллман на митинге компартии. Да, при мне Лил хвасталась членским билетом. Я не знала, что симпатизировала стольким трусам. Уоллес публично осудил меня, на осенних выборах избиратели отказали мне в доверии.

Тянулись ничем не заполненные дни.

Заслуженный политический деятель, я не сразу скрылась с глаз, хотя подумала вначале, что мне надо это сделать. Никто не говорил со мной о политике правительства или коммунистической угрозе. А потом я купила себе ферму в Новой Англии и удалилась туда, подальше от людей.

Хеммет прислал мне письмо. Два оборванных предложения. Я не могла оторваться от них в течение нескольких дней. Только потом наконец спрятала письмо. «Прости меня, Лил. Я должен был доверять твоей силе».

Я увидела Дэша только за неделю до его смерти, хотя мы и обменивались весточками все это время. Он был очень слаб, и мы не говорили ни о чем серьезном, и, я думаю, у нас не было в этом необходимости. Общий друг сообщил мне, что Хеммета в больнице никто не навещает, дочери не ходят, хотя и оплачивают счета. И я поехала, не зная, что меня ждет.

Болезнь смягчила его острые черты, глаза потускнели от боли. Он схватил меня за руку — сильнее, чем я ожидала. Мы немного поговорили, и только о прошлом, о старых, добрых временах, когда были молодыми. В этих разговорах использовался своеобразный код — так беседует старая супружеская пара, когда ее воспоминания превращаются в утешительную легенду. Мы притворялись, что больше жили вместе, чем врозь.

Он умер, но руки моей не отпустил.

Дочери Хеммета позволили взглянуть на его архив. Среди бумаг попались клочки бумаги с какими-то записями. Вначале я подумала, что это фрагмент рассказа. Вчитавшись, поняла — часть дневника. Записи Дэш делал на подвернувшихся под руку бумажках, и они там и сям попадались в его рукописях. Дневник он вел с той ночи, как ушел.

«Может быть, ее вид, когда я стоял на пороге, заставил меня все переосмыслить. Тот мимолетный потерянный взгляд. Прежде она никогда не выглядела потерянно. Я чуть было не шагнул назад. Но знал: если сделаю это, пропадет все, чего она так хочет. И даже одно мое присутствие погубит ее планы. А так ей не придется предавать меня. Самим себе мы изменять не должны».

Он ушел, потому что думал: наши отношения убьют мои мечты. А может быть, его намерения и не были столь благородными. Может, не надеясь на мои силы, он не поверил, что я стану защищать его — защищать нас, когда придет время. А может, боялся, что моя политическая жизнь не дотянет до его понимания демократии.

Я сидела в кабинете, пропахшем болезнью, табаком и Хемметом, вцепившись в этот клочок бумаги с такой силой, что мои пальцы прорвали его насквозь. Наше молчание друг с другом — то, что у Ника и Норы Чарльз порождалось абсолютным пониманием, — превратилось в умолчание о невысказанных потребностях и желаниях, которые вызвали непонимание и в результате — три десятилетия разлуки вместо единения.

Когда я думаю о Хеммете, я думаю не о наших схватках или молчании, а о том, чего безумно жаждала, сидя за столом напротив него в замызганной кухне — перчатки и шляпка рядом, стакан виски в руке. Я хотела пробить брешь в отчужденности между нами. Но вместо этого мы спорили и кружили вокруг и около каких-то незначущих вещей.

Та дневниковая запись лежит сейчас у меня на столе. Внизу бумага порвана — там, где я тогда вцепилась в нее. Рядом — его письмо, еще одна беззвучная просьба никогда ничего не просившего человека. И я ей не вняла. Я хочу разбудить его — пусть позаботится обо мне; закричать на него — почему не спрашивает, чего я хотела; схватиться за его руку так же крепко, как, в конце, он схватился за мою.

Отчуждение остается, и тоска остается, и молчание остается. Навсегда.

Примечание автора: некоторые сведения о Дэшиле Хеммете взяты из автобиографических книг Лилиан Хеллман «Время негодяев» и «Незавершенная женщина».

Майк Резник — набирающий силу американский фантаст. F&SF опубликовала серию его «африканских» рассказов «Кириньяга », о космической колонии, заселенной приверженцами традиционного пути развития Африки, по которому народы Черного континента могли бы пойти, если бы тот путь не пересекли европейцы. Мы предлагаем вашему вниманию самый, на наш взгляд, сильный рассказ серии.

Майк Резник Ибо я коснулась неба ¹⁶

Случилось это в те времена, когда у людей были крылья. Нгайи, который сидит в одиночестве на золотом троне на вершине Кириньяги, называемой теперь горой Кения, даровал людям умение летать, дабы могли они срывать для себя лучшие плоды на верхних ветвях деревьев. Но один мужчина, сын Гикуйу, первого человека, увидел орла и грифа, парящих в небе и, взмахнув крылами, присоединился к птицам. Он поднимался все выше и выше и вскоре достиг заоблачных высей, куда еще не залетало ни одно живое существо.

И тут внезапно протянутая рука Нгайи схватила сына Гикуйу.

— Что я такого совершил, что ты так грубо схватил меня? — спросил сын Гикуйу.

— Я живу на вершине Кириньяги, потому что это вершина мира, — объяснил Нгайи, — и ни одна голова не должна быть выше моей.

С этими словами Нгайи оторвал крылья сыну Гикуйу, а затем отобрал их у всех людей, чтобы ни один человек не мог подняться выше его головы.

Вот почему потомки Гикуйу с завистью смотрят на птиц, и людям более недоступны сочные плоды, висящие на верхних ветвях деревьев.

Много птиц обитает на искусственной планетке Кириньяга, названной так в честь священной горы, на которой живет Нгайи. Мы привезли их вместе с другими животными, когда заключили с Советом Утопий договор об аренде и переселились сюда из Кении, где не осталось места для тех, кто чтит истинные традиции кикуйу. Наш новый мир стал домом для марабу и грифа, страуса и речного орла, ткачика и цапли и многих, многих других. Даже я, Кориба, мунду-мугу, или шаман,

наслаждаюсь разноцветьем их оперения и нахожу успокоение в их пении. И во второй половине дня, ближе к вечеру, я частенько сижу в моем бома¹⁷, привалившись спиной к стволу старой акации, наблюдая, как переливаются в солнечных лучах их перышки, вслушиваясь в мелодичные песни птиц, что слетают к вьющейся меж домов деревни реке, чтобы утолить жажду.

В один из таких вечеров по длинной извилистой тропе к моему дому на вершине холма добралась девочка Камари, которая пока не проходила церемонии обрезания, не достигнув еще брачного возраста. В ладонях Камари несла какой-то серый комочек.

— Джамбо¹⁸, Кориба, — поздоровалась она со мной.

— Джамбо, Камари, — ответил я, — Что ты принесла мне, дитя?

— Вот. — Она протянула птенца африканского карликового сокола, который не оставлял попыток вырваться из ее рук. — Я нашла его на нашем поле. Он не может летать.

— Он уже полностью оперился, — Я поднялся и тут увидел, что одно крыло птенца неестественно вывернуто. — А-а! Он сломал крыло.

— Ты можешь вылечить его, мундумугу? — спросила Камари.

Я осмотрел крыло птенца, пока девочка придерживала голову соколенка, не давая клюнуть.

— Вылечить его я смогу, Камари, но не в моих силах вернуть ему возможность летать. Крыло заживет, но не сможет больше нести тяжесть его тела. Думаю, мы должны убить птицу.

— Нет! — Она прижала сокола к груди. — Ты поможешь ему выжить, а я буду заботиться о нем.

Я пристально посмотрел на птичку, покачал головой.

— Он не захочет жить, — наконец вымолвил я.

— Но почему?

— Потому что он уже взмывал высоко в небо на теплых крыльях ветра.

— Я тебя не понимаю, — нахмурилась Камари.

— Птица, коснувшаяся неба, — пояснил я, — не найдет счастья, коротая свой век на земле.

— Я сделаю его счастливым, — решительно заявила Камари. — Ты его вылечишь, я буду о нем заботиться, и он будет жить.

— Я его вылечу, а ты будешь о нем заботиться, — повторил я, — но жить он не будет.

— Сколько я должна заплатить за лечение? — неожиданно поделовому спросила она.

— Я не беру платы с детей, — ответил я. — Завтра я приду к твоему отцу, и он мне заплатит.

Камари покачала головой:

— Это моя птичка. Я сама расплачусь с тобой.

— Очень хорошо, — Меня восхищала ее смелость, ибо большинство детей и все взрослые боялись мундумугу и никогда не решались в чем-то противоречить ему. — Целый месяц ты будешь утром и днем подметать мой двор. Просушивать на солнце одеяла, наполнять водой бурдюк и

17 Двор (*суахили*), здесь и далее примем, переводчика.

18 Добрый день, привет (*суахили*).

собирать хворост для моего очага.

— Это справедливо, — кивнула она, обдумав мои слова. Затем добавила. — А если птица умрет до того, как кончится месяц?

— Тогда ты поймешь, что мундумугу мудрее маленькой девочки кикуйу.

Камари гордо вскинула голову:

— Он не умрет. Ты перевяжешь крыло прямо сейчас?

— Да.

— Я помогу.

Я покачал головой:

— Лучше смастери клетку, в которую мы посадим его. Если он слишком быстро начнет шевелить крылом, то снова сломает его, и тогда мне придется его убить.

Она протянула мне сокола.

— Скоро вернусь. — И побежала к своему дому.

Я внес птицу в хижину. Сокол совсем обессилел и позволил мне крепко завязать его клюв. Затем я осторожно соединил концы сломанных косточек и притянул крыло к телу, чтобы обездвигнуть. Сокол пищал от боли, когда я соединял кости, но не дергался и не мешал, лишь не мигая смотрел на меня. Так что удалось управиться за десять минут.

Камари вернулась часом позже с маленькой деревянной клеткой в руках.

— Не слишком мала, Кориба? — спросила она.

Я взял у нее клетку, осмотрел.

— Даже великовата. Он не должен шевелить крылом, пока не срастутся кости.

— Он и не будет, — заверила она меня. — Я буду постоянно присматривать за ним, целыми днями.

— Ты будешь присматривать за ним целыми днями? — улыбнувшись, повторил я.

— Да.

— А кто тогда будет подметать мой двор и наполнять бурдюк водой?

— Я буду носить клетку с собой, — ответила она.

— С птицей клетка потяжелее будет, — предупредил я.

— Когда я выйду замуж, мне придется таскать куда более тяжелую ношу, ведь я буду возделывать поле и носить дрова для очага в доме моего мужа. Неплохая подготовка. Почему ты улыбаешься, Кориба?

— Не привык к поучениям маленьких детей. — Улыбка действительно не сходила с моего лица.

— Я не поучала тебя, — с достоинством возразила Камари. — Просто объясняла, что меня ждет.

— Ты совершенно не боишься меня, маленькая Камари? — спросил я, заслоняя глаза ладонью от вечернего солнца.

— Почему я должна тебя бояться?

— Потому что я твой мундумугу.

— Это означает лишь одно: ты всех умнее. — Она пожала плечами. Бросила камушком в курицу, решившую подойти к клетке. Курица убежала, недовольно кудахча. — Со временем я стану такой же мудрой, как и ты.

— Неужели?

Она уверенно кивнула.

— Я уже считаю лучше отца и многое могу запомнить.

— Например? — Я чуть повернулся, чтобы налетевший порыв горячего ветра не запорошил глаза пылью.

— Помнишь историю о птичке-медовинке, которую ты рассказывал деревенским детишкам перед сезоном дождей?

Я кивнул.

— Я могу повторить ее.

— Ты хочешь сказать, что помнишь ту историю?

Камари энергично замотала головой:

— Нет, могу повторить слово в слово.

Я сел, скрестив ноги.

— Давай послушаем. — А взгляд мой следил за двумя юношами, выгоняющими скот на пастбище.

Она ссутулилась, словно на ее плечи давил груз лет, равный моему, и заговорила с моими интонациями, имитируя даже жесты.

— Живет на свете маленькая коричневая птичка-медовинка, размерами с воробья и такая же дружелюбная. Прилетит на твой двор и позовет, а если ты пойдешь за ней, она приведет прямо к улью. А потом будет ждать, пока ты соберешь сухую траву, разожжешь костер и выкуришь пчел. Но ты должен всегда, — она выделила это слово точно так же, как я, — оставлять ей немного меду, ибо, если ты заберешь весь мед, в следующий раз она заведет тебя в пасть к физи-гиенам или в пустыню, где нет воды, и ты умрешь от жажды, — Закончив, она распрямилась и одарила меня улыбкой. — Видишь? — гордо прозвучал ее вопрос.

— Вижу, — Я согнал со щеки муху.

— Все рассказала правильно?

— Да.

Она задумчиво посмотрела на меня.

— Возможно, я стану мундумугу после твоей смерти.

— Неужели смерть моя так близка? — любопытствовал я.

— Ты совсем старый и сторбленный, лицо у тебя все в морщинах, и ты слишком много спишь. Но лучше бы тебе не умирать прямо сейчас.

— Постараюсь не разочаровать тебя, — с ноткой иронии ответил я. — А теперь неси своего сокола домой.

— Сегодня он есть не захочет. Но с завтрашнего дня я начну скармливать ему толстых мух и, по меньшей мере, одну ящерицу в день. И воды у него всегда должно быть вволю.

— Ты очень предусмотрительна, Камари.

Она опять улыбнулась и побежала домой.

Камари вернулась на следующее утро, с клеткой в руках. Опустила ее на землю в теньке, наполнила маленькую глиняную чашку водой из одного из моих бурдюков и поставила в клетку.

— Как чувствует себя сегодня твой сокол? — спросил я, сидя у самого костра.

Инженеры-планетологи поддерживали на Кириньяге точно такой же климат, что и в Кении, но солнце еще не прогрело утренний воздух.

Камари нахмурилась:

— До сих пор ничего не ел.

— Поест, когда проголодается еще сильнее, — Я плотнее завернулся в одеяло. — Он привык бросаться на добычу с неба.

— А воду все же пьет, — добавила Камари.

— Это хорошо.

— Разве ты не можешь произнести заклинание, которое сразу его вылечит?

— Оно будет слишком дорого стоить. — Я предчувствовал, что она задаст этот вопрос. — Так выйдет лучше.

— Как дорого?

— Слишком дорого, — закрыл я дискуссию на эту тему. — По-моему, тебе есть, чем заняться.

— Да, Кориба.

Камари мигом набрала хвороста для очага. Наполнила пустой бурдюк водой из реки. Затем скрылась в хижине, чтобы выбить одеяла и развесить их на солнце. Вернулась она, однако, не с одеялами, а с книгой.

— Что это, Кориба?

— Кто разрешил тебе трогать вещи мундумугу? — грозно спросил я.

— Как же я могу прибираться, не трогая их? — Камари не выказывала страха. — Что это?

— Это книга.

— Что такое книга, Кориба?

— Незачем тебе это знать. Положи ее на место.

— Хочешь, я скажу тебе, что это такое? — Камари и не думала подчиняться.

— Скажи. — Мне действительно хотелось услышать ее ответ.

— Ты всегда рисуешь какие-то знаки на земле, перед тем как разбросать кости, чтобы вызвать дождь. Я думаю, что такие знаки и собраны в этой книге.

— Ты очень умная девочка, Камари.

— Я же уже говорила тебе об этом, — рассердилась Камари.

Как же, я подверг сомнению ее слова. Глянув на книгу, она протянула ее мне.

— Что означают эти знаки?

— Всякую всячину.

— Что именно?

— Кикуйу знать это ни к чему.

— Но ты же знаешь.

— Я — мундумугу.

— Может кто-нибудь еще на Кириньяге понять смысл этих знаков?

— Вождь твоей деревни Коиннаги и еще двое вождей. — Я уже сожалел, что дал втянуть себя в этот разговор, понимая, к чему он приведет.

— Но вы все старики. Ты должен научить меня, чтобы после вашей смерти кто-то мог прочесть их.

— Сами по себе эти знаки не так уж и важны, — покачал головой я. — Они выдуманы европейцами. Кикуйу не испытывали потребности в книгах до прихода европейцев в Кению. Вот и мы вполне обходимся без них на Кириньяге, нашей новой планете. Когда Коиннаги и другие вожди умрут, все будет так же, как в стародавние времена.

— Значит, это дурные знаки? — спросила Камари.

— Нет. Зла они не несут. Просто кикуйу они не нужны. Это заклинания белых людей.

Она протянула мне книгу:

— Прочтешь мне что-нибудь?

— Зачем?

— Любопытно. Хочется знать, какие заклинания у белых.

Я долго смотрел на нее, затем согласно кивнул.
— Только одно, — предупредил я. — И более это не повторится.
— Только одно, — согласилась Камари.

Я пролистал книгу, сборник английских стихотворений, переведенных на суахили, наугад выбрал одно и прочел его Камари:

Приди в любви моей приют,
Прими домашний мой уют.
Мы радость сможем испытать,
Речную озирая гладь,
Вдыхая свежий аромат
Лугов, куда водить ягнят
Привык пастух меж серых скал
Под звонкий птичий мадригал.

Из роз тебе сложу постель,
Одежды предложу модель —
Отделанное миртом платье,
Соломы поясной объятье,
Венок из фрезий и кораллы,
Что, точно губы твои, алы.
Коль все тебе по нраву тут,
Войди в моей любви приют¹⁹.

Камари нахмурилась:

— Не понимаю.

— Я же сказал тебе, что так и будет. А теперь положи книгу на место и заканчивай уборку. У тебя же есть еще дела дома. Нельзя пренебрегать своими обязанностями. Отец будет недоволен.

Она кивнула и нырнула в хижину, чтобы выскочить оттуда несколько минут спустя.

— Это же история! — воскликнула она.

— Что?

— Заклинание, которое ты прочел! Я не поняла многих слов, но это история воина, который просит девушку выйти за него замуж! — Она помолчала. — Ты мог бы сделать ее интереснее, Кориба! В заклинании не упомянуты ни гиена, ни крокодил, что живет в реке и может съесть воина и его жену. И все же, это история! Я-то ожидала услышать заклинание для мундумугу!

— Тебе хватило ума, чтобы понять, что это история, — похвалил ее я.

— Прочти мне еще одну! — попросила Камари.

Я покачал головой:

— Ты помнишь наш уговор? Только одну и ни слова больше.

Задумавшись, она опустила голову, затем вскинула ее, ярко блеснув глазами.

— Тогда научи меня читать эти заклинания.

— Это противоречит закону кикуйу. Женщинам не дозволяется читать.

19 Стихотворение классика английской поэзии сэра Томаса Уайета (1503-1542), дворянина на службе короля Генриха VIII. Перевод Анатолия Кудрявицкого.

— Почему?

— Долг женщины — возделывать поля, растирать зерна в муку, поддерживать огонь в очаге, ткать полотно и вышивать детей своего мужа.

— Но я не женщина, — возразила Камари. — Я маленькая девочка.

— Станешь женщиной, а женщина не должна читать.

— Научи меня сейчас, а став женщиной, я все забуду.

— Разве орел забывает, как летать, а гиена — как убивать?

— Это несправедливо.

— Да, — согласился я. — Но обоснованно.

— Я не понимаю.

— Тогда давай я тебе все объясню. Присядь, Камари.

Она села напротив меня и наклонилась вперед, готовая ловить каждое слово.

— Много лет тому назад кикуйу жили в тени Кириньяги, горы, с вершины которой Нгайи правил миром...

— Я знаю, — вырвалось у нее, — А потом пришли европейцы и построили свои города.

— Ты перебиваешь.

— Извини, Кориба, но я уже знаю эту историю.

— Не всю, — возразил я. — До появления европейцев мы жили в мире с землей. Мы пасли скот и пахали землю, рожали достаточно детей, чтобы заменять тех, кто умирал от старости или болезней, и тех, кто погибал в сражениях с масаями, вакамба и нанди. Жизнь наша была проста, но насыщена.

— И тут пришли европейцы! — не выдержала Камари.

— И тут пришли европейцы, — согласился я. — И показали нам, что жить можно иначе, принесли другие обычаи.

— Дурные!

Я покачал головой.

— Европейцы привыкли так жить. В этом нет ничего плохого. Для них. Я знаю, потому что учился в европейских школах. Но их обычаи не годятся для кикуйу, или масаев, или вакамба, или эмби, или киси, как, впрочем, и для всех остальных племен²⁰. Мы видели одежду, которую они носили, дома, которые они строили, машины, которыми они пользовались, и мы попытались стать европейцами. Но мы — не европейцы, и их пути — не наши пути. То, что хорошо для них, не годится для нас. В наших городах царилась грязь, там жило слишком много людей, наши земли истощались, наш скот погибал, наша вода становилась непригодной для питья, и, наконец, когда Совет по делам Утопий разрешил нам переселиться на планету Кириньяга, мы оставили Кению и прилетели сюда, чтобы жить по законам, которые хороши для кикуйу. — Я помолчал. — В стародавние времена у кикуйу не было письменности, никто не умел читать, и, раз мы здесь, на Кириньяге, возрождаем традиции кикуйу, нам нет нужды учиться читать или писать.

— Но что плохого в умении читать? — спросила Камари. — Не может оно считаться плохим только потому, что никто из кикуйу не мог читать до прихода европейцев.

— Чтение покажет тебе, что можно жить и думать иначе, и тогда

20 В Кении проживает около сорока племен. Здесь перечислены наиболее крупные.

жизнь на Кириньяге может стать в тягость.

— Но ты же читаешь и всем доволен.

— Я мундумугу. Я достаточно мудр, чтобы понять, что прочитанное мною — ложь.

— Но ложь не обязательно плоха, — настаивала она. — Ты все время рассказываешь нам лживые истории.

— Мундумугу никогда не лжет своему народу, — сурово возразил я.

— А как же история о льве и кролике, о том, как появилась радуга? Такого же на самом деле не было?

— Это сказки.

— Что такое сказка?

— Особый вид истории.

— Это правдивая история?

— Отчасти.

— Если она правдивая лишь отчасти, значит, в ней есть и частичка лжи? — спросила она и продолжила, не дав мне ответить. — Если я могу слушать ложь, почему я не могу ее прочитать?

— Я тебе уже все объяснил.

— Это несправедливо, — повторила она.

— Да, — вновь согласился я. — Но такова жизнь, и если заглянуть в будущее, это служит лишь благу кикуйу.

— Не пойму, что для нас в этом хорошего.

— Видишь ли, мы — все, что осталось от кикуйу. Ранее мы пытались стать другими, но превратились не в городских кикуйу, не в плохих кикуйу, не в несчастных кикуйу, а в совершенно новое племя, называемое кенийцы. Те из нас, кто улетел на Кириньягу, прибыли сюда для того, чтобы сохранять традиции древности. И если женщины начнут читать, кому-то из них не понравятся здешние порядки, они вернутся на Землю, и в конце концов кикуйу исчезнут.

— Но я не хочу покидать Кириньягу! — запротестовала Камари. — Я хочу выйти замуж, рожать детей моему мужу, обрабатывать поля его рода, а в старости приглядывать за внуками.

— Вот это правильно.

— Но я также хочу читать о других мирах и других временах.

Я покачал головой:

— Нет.

— Но...

— Думаю, на сегодня разговоров достаточно, — отрезал я. — Солнце уже высоко, а ты не закончила свою работу, хотя тебе есть еще что делать в доме отца, а к вечеру ты должна вернуться сюда.

Без единого слова она поднялась и скрылась в хижине. Закончив уборку, подмела двор, подхватила клетку и зашагала к деревне.

Я проводил ее взглядом, затем прошел в хижину, включил компьютер и обсудил с СТО²¹ возможность незначительной корректировки орбиты, ибо на Кириньяге уже месяц стояла жара. Возражений с их стороны не последовало, так что несколько минут спустя я шагал по тропе следом за Камари. На центральной площади деревни я осторожно опустился на землю, начал раскладывать кости и амулеты, дабы призвать Нгайи оросить Кириньягу легким дождем, который инженеры СТО обещали

организовать после полудня.

Тут же ко мне сбежались дети. Так случалось всякий раз, когда я спускался в деревню со своего холма.

— Джамбо, Кориба! — кричали они.

— Джамбо, мои храбрые юные воины, — отвечал я, все еще сидя на земле.

— Почему ты пришел к нам этим утром, Кориба? — спросил Ндеми, самый смелый из детей.

— Я пришел, чтобы попросить Нгайи смочить наши поля слезами сострадания, ибо целый месяц у нас не было дождя и посевы могут засохнуть.

— А теперь, раз ты закончил говорить с Нгайи, расскажи нам какую-нибудь историю, — попросил Ндеми.

Я взглянул на небо, прикидывая, который сейчас час.

— Только одну, — предупредил я, — потому что потом я должен пойти на поля и наложить заклинания, чтобы пугала продолжали защищать наш урожай.

— Какую ты нам расскажешь историю, Кориба? — спросил другой мальчик.

Я огляделся и увидел Камари, стоящую в стайке девочек.

— Пожалуй, я расскажу вам историю о Леопарде и Сорокопуте.

— Такой я еще не слыхал! — воскликнул Ндеми.

— Неужели ты думаешь, что старику не сыскать для вас новых историй? — спросил я, а затем опустил глаза к земле. Подождал, пока наступит тишина.

— Жил-был очень умный молодой Сорокопут, и потому, что он был очень умный, он постоянно задавал вопросы своему отцу.

— Почему мы едим насекомых? — спросил он однажды.

— Потому что мы сорокопуты, а сорокопуты едят именно насекомых, — отвечал отец.

— Но мы также и птицы, — возражал молодой Сорокопут. — А разве птицы, орлы к примеру, не едят рыбу?

— Нгайи создал сорокопутов не для того, чтобы они ели рыбу, — напомнил ему отец. — Даже если тебе хватит сил поймать и убить рыбу, у тебя будет болеть живот после того, как ты ее съешь.

— А ты сам когда-нибудь ел рыбу? — спрашивал молодой Сорокопут.

— Нет.

— Так откуда ты знаешь, что будет потом?

В тот же день, пролетая над рекой, Сорокопут увидел маленькую рыбешку, поймал ее и съел, а потом неделю мучился животом.

— Ты получил хороший урок? — спросил его отец, когда молодой Сорокопут поправился.

— Я научился не есть рыбу, — согласился Сорокопут, — но хочу задать тебе другой вопрос. Почему сорокопуты самые трусливые из птиц? При появлении льва или леопарда мы взлетаем на верхушки деревьев и сидим там, пока они не уйдут.

— Львы и леопарды могут нас съесть, — ответил его отец. — А потому мы должны держаться от них подальше.

— Но они не едят страусов, а страусы тоже птицы, — заявил умный молодой Сорокопут. — Если они нападают на страуса, тот убивает их ударом ноги.

— Ты не страус, — ответил отец, которому порядком надоели эти

разговоры.

— Но я — птица, и страус — птица, и я смогу научиться бить лапкой с той же силой, что и страус, — заявил молодой умный Сорокопут и всю следующую неделю тренировал удар на насекомых и тонких веточках, что попадались у него на пути.

И вот как-то днем он наткнулся на чуи-леопарда. Когда Леопард приблизился, молодой Сорокопут не взлетел на дерево, а остался на земле, не желая отступать ни на шаг.

— Я очень умная птица, — представился он Леопарду, — и не боюсь тебя. Я научился брыкаться, как страус, так что, если ты подойдешь ближе, я ударю тебя, и ты умрешь.

— Я стар, — услышал он в ответ, — и больше не могу охотиться. Я готов встретить смерть. Подойди, ударь меня, положи конец моим страданиям.

Молодой Сорокопут подошел и ударил Леопарда прямо по морде. Леопард же только рассмеялся, раскрыл пасть и проглотил умного молодого Сорокопута.

— Что за глупая птица, — хохотнул Леопард, довольно облизываясь. — Это же надо, выдавать себя за кого-то еще! Если б он улетел, как положено сорокопутам, я бы остался сегодня голодным. Но он вообразил себя страусом, и закончилось все тем, что он угодил мне в желудок. Полагаю, все-таки он не был так уж умен...

Я замолчал и посмотрел на Камари.

— Это все? — спросила одна из девочек.

— Все.

— А почему сорокопут решил, что он способен стать страусом? — спросил кто-то из ребяташек.

— Может, Камари ответит тебе.

Все дети повернулись к Камари, которая не сразу, но ответила на вопрос мальчишки.

— Одно дело хотеть стать страусом, другое — знать то, что знает страус. — Она продолжила, глядя мне в глаза: — Беда не в том, что сорокопут стремился узнать что-то новое. Плохо, что он думал, будто может стать страусом.

Наступила тишина, дети обдумывали ответ.

— Это так, Кориба? — спросил наконец Ндеми.

— Нет, — ответил я. — Узнав все, что знает страус, сорокопут тут же забыл бы о том, что он сорокопут. Вы должны всегда помнить, кто вы такие, и избыток знаний может заставить вас забыть об этом.

— Ты расскажешь нам еще одну историю? — спросила совсем маленькая девочка.

Не сейчас. — Я поднялся. — Но вечером, когда я приду в деревню, чтобы выпить помбе²² и посмотреть на танцы, я, возможно, расскажу вам историю о большом слоне и маленьком мудром мальчике кикуйу. Неужели дома у вас нет никаких дел?

Дети разбежались, кто в дом, кто на пастбище, а я заглянул в хижину Джумы, чтобы дать ему мазь для суставов, которые всегда болели у него перед дождем. Потом зашел к Коиннаги и выпил с ним помбе, после чего обсудил деревенские дела с Советом старейшин. И, наконец, поднялся к

себе, чтобы немного поспать, как всегда в самое жаркое время дня, благо дождь мог пойти лишь через несколько часов.

Камари уже поджидала меня. Она собрала хворост, наполнила все бурдюки водой и, когда я вошел во двор, насыпала зерно в кормушки козам.

— Как провела день твоя птица? — спросил я, взглянув на сокола, клетка которого стояла в тени хижины.

— Он пьет, но ничего не ест. — В голосе ее слышалась тревога. — И все время смотрит в небо.

— Наверное, самое важное для него не еда, а что-то другое.

— Я все сделала, Кориба. Могу я идти домой?

Я кивнул, и она ушла, пока я расстилал одеяло в хижине.

Всю следующую неделю она приходила дважды в день, утром и после полудня. Затем, на восьмой день, со слезами на глазах она сообщила, что ее сокол умер.

— Я же предупреждал тебя, что так оно и будет, — мягко заметил я. — Птица, парившая в вышине, на земле жить не сможет.

— Все птицы умирают, если не могут больше летать? — спросила она.

— Почти все. Некоторым нравится безопасность клетки, но большинство умирает от горя. Ибо, коснувшись неба, они не могут смириться с тем, что их лишили возможности летать.

— Зачем же тогда мы мастерим клетки, если птичкам в них плохо?

— Потому что птицы скрашивают жизнь нам, — ответил я.

Она помолчала, прежде чем продолжить.

— Я сдержу слово и буду прибираться у тебя в хижине и на дворе, носить тебе хворост и воду, хотя мой соколенок и умер.

Я кивнул.

— Так мы и договаривались.

Три последующие недели она приходила дважды в день. Затем, в полдень двадцать девятого дня, после того, как она закончила утренние труды и вернулась домой, ко мне пожаловал Нджоро, ее отец.

— Джамбо, Кориба, — приветствовал он меня, на лице его читалась тревога.

— Джамбо, Нджоро, — ответил я, не поднимаясь ему навстречу. — Что привело тебя ко мне?

— Я — бедняк, Кориба, — Нджоро присел на корточки напротив меня. — У меня только одна жена, и она не родила мне сыновей, лишь двух дочек. Земли у меня не так много, как у соседей, и в прошлом году гиены задрали трех моих коров.

Я не мог понять, к чему он клонит, а потому просто смотрел на него, ожидая продолжения.

— При всей моей бедности меня утешало одно — мысль о выкупе, который я получу за каждую из дочерей-невест. — Он запнулся. — Я всегда следовал нашим традициям. И заслужил право на обеспеченную старость.

— И я того же мнения.

— Тогда почему ты готовишь Камари в мундумугу? — спросил он. — Всем известно, что мундумугу дает обет безбрачия.

— Камари сказала тебе, что станет мундумугу?

Он покачал головой.

— Нет. Она совсем перестала разговаривать со мной и с матерью после того, как стала ходить к тебе.

— Тогда ты ошибаешься. Женщина не может стать мундумугу. С чего ты взял, что я готовлю ее себе на смену?

Он порылся в складках набедренной повязки и вытащил кусочек выделанной шкуры. С записями, нацарапанными углем:

Я КАМАРИ
МНЕ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ
Я ДЕВОЧКА

— Это написанные предложения. — В голосе звучал укор. — Женщины не умеют писать. Писать могут только мундумугу и великие вожди, такие, как Коиннаги.

— Оставь это мне, Нджоро, — я взял у него кожаную полоску, — и пришли сюда Камари.

— Я хотел, чтобы она до вечера сегодня поработала на поле.

— Пусть немедленно идет сюда.

Вздыхнув, он кивнул.

— Я пришлю ее, Кориба. — Он помолчал. — Ты уверен, что она не станет мундумугу?

— Даю тебе слово. — И я поплевал на ладони, чтобы доказать свою искренность.

Облегченно вздохнув, он отбыл, а несколько минут спустя прибежала Камари.

— Джамбо, Кориба.

— Джамбо, Камари. Я очень тобой недоволен.

— Разве я собрала сегодня мало хвороста? — спросила она.

— Хвороста ты собрала, сколько нужно.

— Разве бурдюки не наполнены водой?

— Бурдюки наполнены водой.

— Так в чем же я провинилась? — Она оттолкнула одну из коз, которая тыркнулась носом в ее ладонь.

— Ты нарушила данное мне обещание.

— Это неправда. Я прихожу сюда дважды в день, хотя птичка и умерла.

— Ты обещала больше не заглядывать в книгу.

— Я не заглядывала в книгу с того дня, как ты запретил мне это делать.

— Тогда объясни, что это такое? — Я протянул ей полоску кожи.

— Нечего тут объяснять. — Она пожала плечами. — Это писала я.

— Если ты не заглядывала в книги, то как ты могла научиться писать?

— С помощью твоего магического ящика. Ты не запрещал мне заглядывать в него.

— Моего магического ящика? — нахмурился я.

— Ящика, который оживает и светится многими цветами.

— Ты говоришь о моем компьютере? — удивился я.

— Это твой магический ящик, — повторила Камари.

— И он научил тебя читать и писать?

— Я научилась сама... но только чуть-чуть, — печально ответила Камари. — Я словно Сорокопут в твоей истории... Вовсе не так умна, как мне это казалось. Читать и писать очень трудно.

— Я говорил, что тебе нельзя учиться читать. — Я с трудом подавил

желание похвалить ее за столь выдающееся достижение. Но как я мог хвалить ту, что нарушила закон?

Камари покачала головой.

— Ты сказал, что я не должна заглядывать в твои книги.

— Я говорил тебе, что женщинам не положено читать. Ты послушалась меня. За это ты будешь наказана. — Я выдержал паузу. — Ты будешь прибираться у меня еще три месяца, и ты должна принести мне двух зайцев и двух мышей, которых ты поймаешь сама. Поняла?

— Да, поняла.

— А теперь пойдем в хижину и ты, возможно, поймешь кое-что еще.

Она последовала за мной в хижину.

— Компьютер, начать работу, — приказал я.

— К работе готов, — ответил механический голос компьютера.

— Компьютер, осмотри хижину и скажи, кто стоит рядом со мной.

На мгновение сверкнули линзы сканнера.

— Девочка, Камари ва Нджоро, стоит рядом с тобой, — ответил компьютер.

— Ты узнаешь ее, если увидишь вновь?

— Да.

— Теперь слушай Безусловный приказ. Никогда более не говори с Камари ва Нджоро ни на одном известном тебе языке.

— Приказ понят и занесен в память, — ответил компьютер.

— Выключайся. — И я повернулся к Камари. — Ты понимаешь, что я сделал, Камари?

— Да, но это несправедливо. Я не нарушала данного тебе обещания.

— Закон гласит, что женщины не должны читать, и ты его нарушила. Больше тебе это не удастся. Возвращайся домой.

Она ушла с гордо поднятой головой, а я занялся своими делами, объяснил мальчикам, готовящимся к церемонии обрезания, как разрисовывать тела, прочитал заклинание, отгоняющее злых духов во дворе старого Сибаки (он нашел там кучку дерьма, оставленного гиеной, верный признак присутствия таху²³), дал команду СТО вновь скорректировать орбиту, чтобы принести прохладу на западную равнину. К тому времени, когда я вернулся для полуденного сна, Камари уже побывала у меня, прибрав и дом, и двор.

Следующие два месяца жизнь в деревне шла своим чередом. Крестьяне собрали урожай, Коиннаги взял себе еще одну жену, и два дня деревня гуляла, отмечая свадьбу танцами и обильными возлияниями. Прошли дожди, родилось трое детей. Даже Совет по делам Утопий, которому не нравился наш обычай оставлять старых и увечных гиенам, не докучал нам. Каждое полнолуние я приносил в жертву корову — не просто козу, а большую, толстую корову, благодаря Нгайи за Его щедрость, ибо Его заботами Киринагга превращалась в рай.

В эти дни я редко видел Камари. Она приходила по утрам, когда я спускался в деревню, разбрасывая кости, дабы определить, какая будет погода, и после полудня, когда я обходил больных и беседовал со старейшинами, но я всегда знал, что она приходила, ибо мои дом и двор содержались в идеальном порядке, у костра лежала куча хвороста, а

бурдюки были наполнены водой.

Но однажды, после второго полнолуния, вернувшись к себе после беседы с Коиннаги (мы обсуждали, как лучше решить вопрос о спорном участке земли), войдя в хижину, я нашел компьютер включенным. Экран покрывали странные символы. В университетах Англии и Америки я выучил английский, французский и испанский, разумеется, я знал язык кикуйу и суахили, но эти символы представляли собой неизвестный мне язык и не являлись математическими формулами, хотя среди символов встречались и цифры.

— Компьютер, помнится, я выключил тебя утром.~ Я нахмурился. — Почему у тебя светится экран?

— Меня включила Камари.

— И забыла выключить, когда уходила?

— Совершенно верно.

— Так я и подумал, — мрачно кивнул я. — Она включает тебя каждый день?

— Да.

Разве ты не получил от меня Безусловный приказ не общаться с ней ни на одном известном тебе языке? — удивился я.

— Получил, Кориба.

— Как ты можешь объяснить неповиновение моему приказу?

— Я не мог не повиноваться тебе, Кориба, — ответил компьютер, — В соответствии с моей программой Безусловный приказ обязателен для исполнения.

— А что тогда я вижу на экране?

— Это язык Камари, — ответил компьютер. — Он отличен от одной тысячи семисот тридцати двух языков и диалектов, хранящихся в банке данных, а потому не подпадает под отданный тобой приказ.

— Ты создал этот язык?

— Нет, Кориба. Его создала Камари.

— Это настоящий язык? Ты способен понять его?

— Это настоящий язык. Я могу его понять.

— Если она задает тебе вопрос на языке Камари, ты можешь ответить на него?

— Да, если вопрос достаточно прост. У этого языка очень ограниченные возможности.

— А если для ответа требуется перевести какую-то фразу с любого известного тебе языка на язык Камари, будет ли это нарушением моего приказа?

— Нет, Кориба, не будет.

— Ты отвечал на вопросы, которые задавала Камари?

— Да, Кориба, отвечал.

— Понятно... Слушай новый приказ... А впрочем, подожди...

Я склонил голову, глубоко задумавшись. Камари не просто умна, она, похоже, гениальна. Она не только сама научилась читать и писать, но создала связный и логичный язык, который понимал компьютер. И не просто понимал, но и мог формулировать на нем ответы. Я отдавал приказы, но она каждый раз находила способ обойти их, не выказывая прямого неповиновения. Причем делала это не со злобы, а из стремления к знаниям, что само по себе заслуживало похвалы. Это была, как говорится, одна сторона медали.

Другая экс-угроза социальному порядку, который мы с таким

упорством строили на Кириньяге. Мужчины и женщины сознавали лежащую на них ответственность и знали, что можно, а чего нельзя. Нгайи дал масаям копье, Он дал вакамба лук со стрелами, европейцам — автомобиль и печатный станок, но кикуйу Он снабдил только палкой-копалкой, чтобы возделывать плодородную землю, лежащую вокруг священного фигового дерева, растущего на склонах Кириньяги.

Когда-то, много лет тому назад, мы жили в полной гармонии с землей. Потом пришло печатное слово. Сначала оно превратило нас в рабов, сделало христианами, поделило на солдат, фабричных рабочих, ремесленников и политиков. Кикуйу стали теми, кем не должны были быть. Такое уже случилось, а, значит, могло повториться вновь.

Мы прилетели на Кириньягу, чтобы создать идеальное общество кикуйу, утопию кикуйу. Могла ли одна одаренная девочка нести в себе семена уничтожения нашего общества? Полной уверенности у меня не было, но я знал наверняка, что дети вырастают, становятся взрослыми. Превращаются в Иисуса, Магомета, Джомо Кениату... но ведь детьми были и Типпо Тиб, один из самых жестоких рабовладельцев, и Иди Амин, мясник собственного народа. Или, что случалось чаще, из них вырастали такие, как Фридрих Ницше и Карл Маркс, талантливейшие люди, чьи идеи стали руководящими для менее талантливых, менее способных. Должен ли я стоять в стороне и надеяться, что она окажет благотворное влияние на наше общество, когда вся история человечества говорит о куда большей вероятности обратного результата?

Решение было болезненным, но не таким уж трудным для меня.

— Компьютер, отдаю тебе новый Безоговорочный приказ, заменяющий собой прежнюю директиву. Я полностью запрещаю тебе общение с Камари. Если она включит тебя, ты должен сказать ей, что Кориба запретил тебе контактировать с ней, после чего немедленно отключиться. Ясно?

— Приказ понят и занесен в память.

— Отлично. А теперь прекрати работу.

Вернувшись из деревни следующим утром, я нашел бурдюки пустыми, одеяла непросушенными, а двор в козьем помете.

Среди кикуйу нет человека могущественнее мундумугу, но и он не лишен сострадания. Я решил простить детскую выходку Камари, а потому не зашел к отцу девочки и не приказал другим детям избегать ее.

Она не пришла и днем. Сидя у хижины, я ждал Камари, чтобы объяснить ей мое решение, но так и не дождался. Когда же начали сгущаться сумерки, я послал за мальчиком, Ндеми, чтобы тот наполнил бурдюки водой и подмел двор. Это считалось женской работой, но он не решился противоречить мундумугу, хотя каждым движением выдавал презрение к тому, чем его заставили заниматься.

По прошествии еще двух дней, когда Камари так и не появилась, я вызвал ее отца, Нджоро.

— Камари нарушила данное мне слово. Если она не подметет мой двор сегодня, мне придется наложить на нее заклятье.

Он изумленно воззрился на меня.

— Она говорит, что ты уже наложил на нее заклятье, Кориба. Я хотел спросить, должны ли мы выгнать ее со двора.

Я покачал головой.

— Нет, выгонять ее не нужно. Я еще не наложил на нее заклятья, но

она должна прийти сюда сегодня.

— Не знаю, хватит ли у нее сил, — покачал головой Нджоро. — Три дня она не ест и не пьет, лишь сидит в хижине моей жены, уставившись в одну точку. — Он запнулся. — Кто-то еще наложил на нее заклятье. Если это не ты, возможно, тебе удастся снять его.

— Она не ест и не пьет три дня? — повторил я.

Он кивнул.

— Я проведу ее.

Поднявшись, я последовал за ним к деревне. Когда мы пришли на его двор, он подвел меня к хижине своей жены, вызвал из нее встревоженную мать Камари. Я вошел в хижину, а они остались во дворе. Камари сидела у стены, подтянув колени к подбородку, обхватив руками тощие ноги.

— Джамбо, Камари, — поздоровался я.

Она вскинула на меня глаза, но ничего не ответила.

— Твоя мать тревожится за тебя, а отец говорит, что ты три дня не ешь и не пьешь.

Молчание.

— Послушай меня, Камари. Я принял решение во благо Кириньяги и менять его не буду. Как женщина племени кикуйу ты должна жить согласно нашим традициям. — Я выдержал паузу, — Однако и кикуйу и Совет по делам Утопий учитывают мнение каждого человека. Любой член нашего общества может покинуть Кириньягу, если будет на то его желание. Согласно договору, который мы подписали, принимая во владение эту планету, тебе надо лишь зайти на территорию, называемую Гавань, и космолет Службы технического обслуживания заберет тебя и доставит в указанное тобою место.

— Я не знаю никаких мест, кроме Кириньяги, — ответила она. — Где я буду выбирать новый дом, если мне запрещено узнавать, как живут люди в других местах?

— Не знаю, — признал я.

— Я не хочу покидать Кириньягу! — продолжала она. — Тут мой дом. Тут живет мой народ. Я — девушка племени кикуйу, не масаи, не европейка. Я хочу рожать детей своему мужу, работать на его поле. Я буду собирать хворост для очага, готовить ему пищу, ткать полотно для его одежды. Уйду из дома моих родителей и буду жить в семье мужа. И сделаю это с радостью, Кориба, если ты только позволишь мне научиться читать и писать.

— Не могу, — с грустью ответил я.

— Но почему?

— Кто самый мудрый из знакомых тебе людей, Камари?

— В деревне нет мудрее мундумугу.

— Тогда ты должна довериться моей мудрости.

— Но я чувствую себя, как тот карликовый сокол. — Она всхлипнула. — Он провел жизнь, мечтая о том, как будет парить высоко на крыльях ветра. А я мечтаю увидеть слова на экране компьютера.

— С соколом у тебя нет ничего общего, — возразил я. — Сломанное крыло помешало ему быть таким, как создал его Нгайи. Тебе же не дают стать той, кем быть не положено.

— Ты не злой человек, Кориба, — с достоинством ответила она. — Но ты не прав.

— Даже если и так, придется мне с этим смириться.

— Но ты просишь смириться с этим меня, а это преступно.

— Если ты вновь назовешь меня преступником, — сурово молвил я, ибо никому не дозволено так говорить с мундумугу, — я наложу на тебя заклятие.

— Да что ты еще можешь сделать со мной? — с горечью спросила она.

— Я могу превратить тебя в гиену, нечистую поедательницу человеческой плоти, что бродит в ночи. Я могу наполнить твой живот шипами, и каждое движение будет причинять тебе невыносимую боль. Или...

— Ты всего лишь человек и уже сделал самое худшее, — тяжело вздохнула Камари.

— Чтобы больше я этого не слышал! — повысил я голос. — Приказываю тебе есть и пить все, что принесет тебе твоя мать, а с завтрашнего дня ты должна снова прибирать мой дом.

Я вышел из хижины и велел матери Камари принести ей банановое пюре и воды. Затем заглянул на поле старого Бенимы. Буйвол изрядно испортил ему посевы, и я принес в жертву козла, чтобы изгнать злого духа, поселившегося на его земле.

Покончив с этим, я отправился к Коиннаги. Вождь угостил меня свежесваренным помбе и пожаловался на Кибо, свою последнюю жену. Она спелась с Шуми, его второй женой, и теперь они строят козни Вамби, старшей жене.

— Ты всегда можешь развестись с ней и вернуть ее в родительский дом, — заметил я.

— Она стояла мне двадцать коров и пять коз! — воскликнул Коиннага. — Ее семья вернет мне скот?

— Разумеется, нет.

— Тогда я не отправлю ее к родителям.

— Как тебе будет угодно, — Я пожал плечами.

— Кроме того, она очень сильная и красивая, — продолжал он. — Мне лишь хотелось бы, чтобы она прекратила ссориться с Вамби.

— А из-за чего они ссорятся?

— Из-за всего. Кто принесет воду, кто заштопает мою одежду, кто починит кровлю моей хижины. — Он помолчал. — Они даже спорят, в чью хижину я должен прийти ночью, как будто мое мнение в этом деле совсем неважно.

— А насчет идей они не спорят? — спросил я.

— Идей?

— Которые можно почерпнуть из книг.

Коиннага рассмеялся.

— Это же *женщины*, Кориба. Зачем им идеи? — Вновь он помолчал. — Да кому из нас вообще нужно особо задумываться?

— Не знаю, — уклончиво ответил я. — Спрашиваю из любопытства.

— Ты чем-то встревожен, — отметил он.

— Должно быть, виной тому помбе. Я старик, а напиток, похоже, слишком крепкий.

— А все потому, что Кибо не слушает, когда Вамбу говорит ей, как варить помбе. Наверное, мне все же следует отослать ее. — Он посмотрел на Кибо, прошедшую мимо с вязанкой хвороста на гибкой, сильной спине. — Но она так молода и красива. — Внезапно взгляд его обратился к деревне. — Ага! Старый Сибоки наконец-то умер.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

Он указал на поднимающийся к небу столб дыма.

— Вон жгут его хижину.

Я проследил за его взглядом.

— Это не хижина Сибоки. Его двор западнее.

— Кто же еще из стариков мог умереть в нашей деревне? — спросил Коиннаги.

И внезапно меня осенило: умерла Камари. Я поверил в это безоговорочно, как и в то, что Нгайи восседает на золотом троне на вершине священной горы.

И быстрым шагом направился я к бома Нджоро. Когда я пришел, мать Камари, ее сестра и бабушка уже пели погребальную песнь. По их щекам катились слезы.

— Что случилось? — спросил я у Нджоро.

— Почему ты спрашиваешь, когда ты сам погубил ее? — с горечью ответил тот.

— Я ее не губил.

— Разве этим утром ты не грозил наложить на нее заклятье? — не унимался Нджоро. — Вот ты его и наложил, и теперь она мертва, а у меня осталась только одна дочь, за которую я могу получить выкуп. И хижину Камари мне пришлось сжечь.

— Кончай долдонить о выкупах и хижинах и скажи, что случилось, иначе ты узнаешь, что такое проклятие мундумугу!

— Она повесилась в хижине на полосе буйволиной кожи.

На дворе Нджоро появились пять соседских женщин и присоединились к погребальной песне.

— Она повесилась в своей хижине? — повторил я.

Нджоро кивнул.

— Она могла бы повеситься на дереве, чтобы не осквернять хижину. Тогда я мог бы и не сжигать ее.

— Помолчи! — рявкнул я, стараясь понять, почему все так вышло.

— Она была хорошей дочерью. — Нджоро не желал молчать, — Почему ты проклял ее, Кориба?

— Я ее не проклинал, — ответил я, но не было у меня уверенности в том, что это правда. — Я лишь хотел ее спасти.

— Так кто же оказался сильнее тебя? — в испуге спросил Нджоро.

— Она нарушила закон Нгайи.

— И Нгайи наказал ее! — Нджоро схватился за голову. — На кого из членов моей семьи падет Его следующий удар?

— Вы все в безопасности. Закон нарушила одна Камари.

— Я бедняк, — смиренно молвил Нджоро, — а теперь стал еще беднее. Сколько я должен заплатить тебе, чтобы ты уговорил Нгайи простить и принять душу Камари?

— Я попрошу Его вне зависимости от того, заплатишь ты мне или нет.

— Так ты не будешь брать с меня платы?

— Не буду.

— Благодарю тебя, Кориба! — просиял Нджоро.

Я стоял и смотрел на пылающую хижину, отгоняя от себя мысли о девочке, чье тело превращалось сейчас в пепел.

— Кориба? — прервал молчание Нджоро.

— Что еще? — раздраженно вырвалось у меня.

— Мы не знаем, что делать с полосой буйволиной кожи, ибо на ней какие-то знаки, и мы боялись сжечь ее. Теперь я знаю, что оставлены они

Нгайи, а не тобой, и не смею даже прикоснуться к ней. Ты не заберешь эту полоску с собой?

— Какие знаки? О чем ты говоришь?

Он взял меня за руку, и вдвоем мы обогнули пылающую хижину. На земле, шагах в десяти от входа, лежала полоска буйволиной кожи, на которой повесилась Камари. На ней я увидел те же странные символы, что светились на экране компьютера три дня тому назад.

Я наклонился, поднял полоску, повернулся к Нджоро.

— Если на твою землю действительно наложено заклятье, я унесу его с собой, взяв оставленные Нгайи знаки.

— Спасибо тебе, Кориба. — В голосе Нджоро слышалось безмерное облегчение.

— Я должен помолиться Нгайи. — Я резко повернулся и зашагал к своей хижине.

Поднявшись на холм, я вошел в хижину.

— Компьютер, начать работу, — скомандовал я.

— К работе готов.

Я поднес полосу буйволиной кожи к сканнеру.

— Ты узнаешь язык?

Линзы блеснули.

— Да, Кориба. Это язык Камари.

— Что здесь написано?

— Строфа стихотворения:

«Как губит клетка птиц, я поняла,
Коснувшись неба кончиком крыла»²⁴.

Ближе к вечеру вся деревня собралась на дворе Нджоро, женщины пели погребальную песню целую ночь и день напролет, но скоро о Камари забыли, потому что жизнь продолжалась, а она была всего лишь маленькой девочкой из племени кикуйу.

Я же с тех пор, натываясь на птиц со сломанным крылом, все пытаюсь их вылечить. Но они всегда умирают, и я хороню их рядом с пепелищем, на котором когда-то стояла хижина Камари.

В такие дни, закапывая птиц в землю, я вспоминаю об этой девочке, сожалея о том, что я не простой крестьянин, пасущий скот и выращивающий урожай, а мундумугу, которому приходится нести груз последствий принятых им мудрых решений.

Премия за лучший роман-фэнтэзи Ассоциации фантастического в искусстве и канадский Каспер (аналог Хьюго) отметили дебют Чарлза де Линта в 1984 году — «Джек-Победитель Великанов». А повесть «Бумажный Дед», вошедшая в наш первый номер, попала в номинацию на премию Уорлд Фэнтэзи за 1994 год.

Родился Чарлз де Линт в Нидерландах, рос и воспитывался на Юконе, в Турции, Ливане, канадской провинции Квебек. Сейчас он — гражданин Канады. Вдвоем с женой, Мэри Энн Хэрис, художницей по тканям, де Линт живет в Оттаве. Вместе они также играют в ансамбле кельтской музыки «Прыжок к солнцу», причем Чарлз не только скрипач,

как можно догадаться по тексту повести, но и флейтист, исполнитель на баяне, гитаре, бузуки и бодране — ирландском барабане, обтянутом козьей шкурой. Мрачная сторона интереса к кельтам проявилась в серии романов ужаса под псевдонимом Сэмюэл М. Кей.

«Бумажный Дед» — на грани света и мрака. Это попытка отстоять у иномира то, что дорого человеческой душе.

Чарлз де Линт Бумажный Дед²⁵

*Если вы считаете образование дорогостоящим,
испробуйте невежество.*

Дерек Бок

Церкви не есть пристанища для духовного просветления, они ограничивают дух. По словам Джилли, упорядочение Таинства ведет к подрыву самой его сути. Сомневаюсь, что вполне согласен с нею, к тому же я недостаточно хорошо разбираюсь в таких вещах. Когда речь заходит о предметах, не поддающихся логическому объяснению, я отступаю и оставляю их на долю Джилли или своего брата Кристи — их хлебом не корми, дай только порассуждать. Если бы мне пришлось определить свою принадлежность к какой-либо церкви или мистическому братству, это была бы преданность мирскому гуманизму. Меня интересуют реальные люди и реальная действительность — здесь и сейчас. Возможное существование Бога, волшебство или некий Иной Мир не вписываются в мое мировоззрение.

Кроме, разве что...

Вы, конечно, знали, что последует «кроме», иначе — зачем бы я это писал?

Не то чтобы мне нечего было сказать. Я полон творческой экспрессии, но только в своей музыке. Я не художник, как Джилли, и не писатель, как Кристи. Но то, что случилось со мной, действительно не может быть выражено скрипичной мелодией — хотя нет, и это не совсем верно. Я мог бы передать это, но не уверен, что слушатели воспримут именно то, что им предназначалось услышать.

Так ведь и бывает в инструментальных пьесах, поэтому, наверное, лучшие из них и живут столь долго: слушатели получают то, что каждый — он или она — желает услышать. Скажем, композитор пытается поведать об исходе некоей великой битвы. А всем по отдельности музыка может говорить — кому об утраченных родителях, кому о страданиях друга, изнуренного болезнью, кому — о лани, застывшей в сумерках на опушке леса, да еще о тысяче всяких вещей.

Реалистическое искусство, каким занимается Джилли (вполне реалистически выраженные, ее темы вырастают из модернизированных в городском духе иллюстраций Эндрю Лэнга к книжкам сказок, которые мы все читали, когда были детьми), и собрание городских легенд и историй, какие пишет мой брат, не допускают такого разброса. То, что легло на холст или бумагу, не важно, сколь умело нарисовано или написано, не дает такой свободы толкования.

Вот почему я пишу это: может быть, изложенная черным по белому, та история станет понятнее мне самому.

Всю прошлую неделю, каждый день, поиграв перед полуденными толпами торговых рядов на Вильям-стрит, я шел через город сюда, к собору Святого Павла. Добравшись, садился на ступеньку, раскрывал блокнот и пытался писать. Трудность была в том, что я никак не мог определить, с чего начать.

Мне нравятся эти ступени. Однажды довелось играть внутри самого собора — на свадьбе у друга. Свадебная церемония прошла отлично, но больше запомнилось, как примерно за час до репетиции я зашел внутрь — проверить акустику. С тех пор я больше не могу представить, какими видит такие места Джилли. Моя скрипка не заглушалась, наоборот, стены словно открыли музыке истинный путь вверх; собор придал звучанию величавую красоту — духовную красоту, какой я раньше здесь никогда не ощущал. Вероятно, секрет крылся скорее в искусстве архитектора, нежели в присутствии Бога, но я мог бы играть там всю ночь...

Но я опять отвлекся. Я уже исписал пару страниц — это больше, чем за целую неделю. Но, перечитывая написанное, я, право, не знаю, уместно ли все это здесь.

Может, просто рассказать вам о Бумажном Деде? Не знаю, с него ли в самом деле все началось, но почему бы не начать с него?

Это был сияющий день, тем более драгоценный, что уж очень чудная была погода этой весной. Только вчера я кутался в куртку и шарф, надевал кепку и митенки, чтобы уберечь от мороза суставы пальцев, а назавтра я уже ходил в майке, и меня бросало в пот от одной мысли стать где-нибудь на углу и начать играть.

На небе ни облачка, послеполуденное солнце уже клонилось к закату, и мы с Джилли просто сидели на лестнице собора Святого Павла и вбирали в себя последние лучи. Я полулежал, опершись на локоть рядом со скрипичным футляром, и мечтал, чтобы на мне были шорты, потому что джинсы давили на ноги свинцовой тяжестью. Джилли, в своем обычном «охотничьем» настроении, сидела рядом, как кошка, готовая кинуться на все интересное, что только попадется на глаза. Ее свободные бумажные брючки и легкую блузку испещряли пятнышки краски, забившейся ей под ногти и мелькавшей в спутанных волосах. Она повернулась ко мне лицом, на удивление чистым и нетронутым после утреннего сражения с кистями, и послала мне одну из своих патентованных улыбок.

— Ты когда-нибудь хотел узнать, откуда он?

Это была одна из ее излюбленных фраз: «Ты когда-нибудь хотел узнать?..» Это могло относиться к тому, где и как спят рыбы, или почему люди, задумавшись, глядят вверх, или к более таинственным вопросам о призраках, маленьких человечках, живущих за стеной обшивкой, и тому подобным вещам. А еще она любила разгадывать людей. Порой она увязывалась за мной, когда я выходил играть на улицу, и садилась у стены, зарисовывая тех, кто слушал мою игру. А потом она обязательно подходила сзади и шептала мне на ухо — обычно в тот момент, когда я сосредоточивался в середине трудного пассажа — что-нибудь вроде: «Видишь того типа в полиэстровом костюме? Ставлю десять к одному, что по выходным он летает на большом вертолете в ковбойском жилете».

Я привык к этой ее манере.

В тот день она не стала выбирать какого-нибудь незнакомца из толпы. Вместо этого ее внимание привлек Бумажный Дед, сидевший на ступенях гораздо ниже нас, так что он не мог слышать нашего разговора.

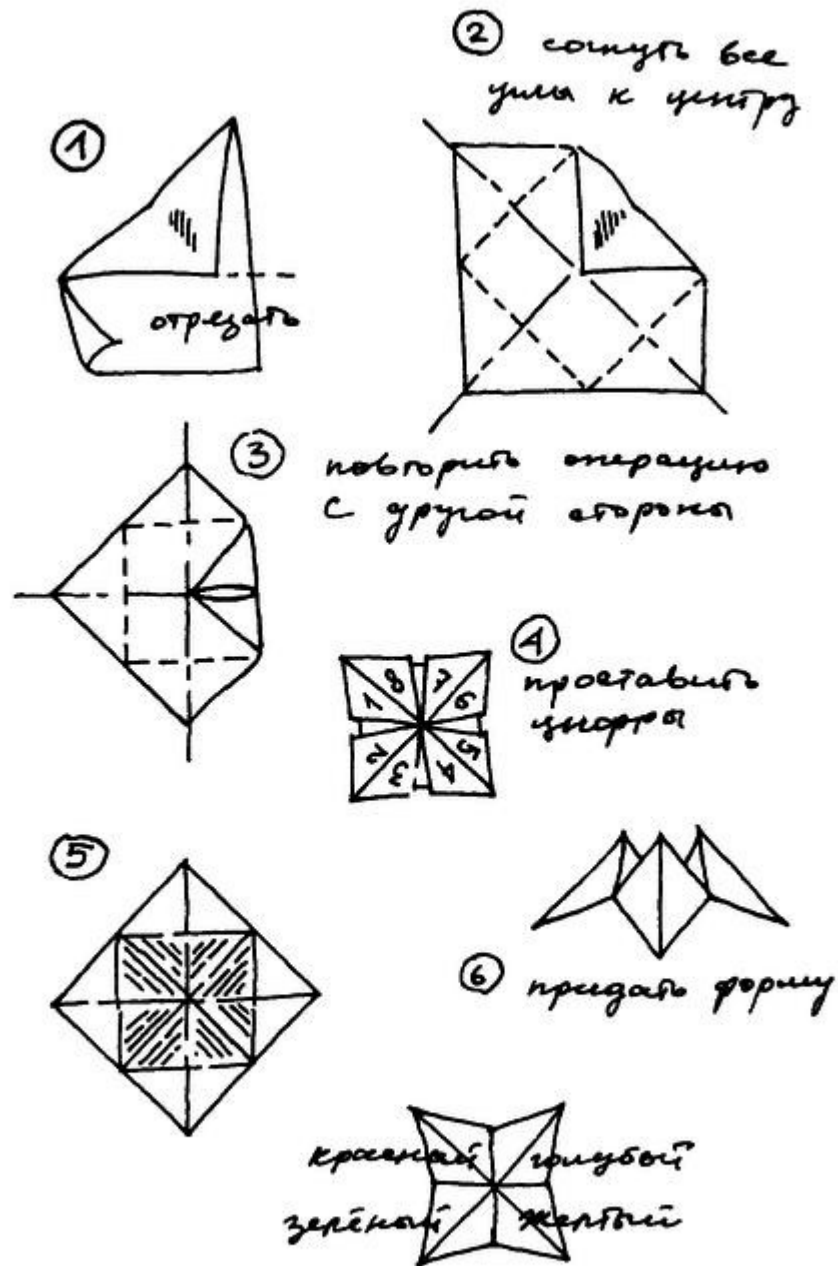
Кожи темнее, чем у Бумажного Деда, я ни у кого не видел — ее эбеновая чернота, казалось, поглощала свет. Я полагаю, ему было сильно за шестьдесят, его короткие курчавые волосы совсем поседели. Темный костюм на нем был поношенным и далеко не модным, но неизменно чистым. Под пиджаком он обычно носил белую футболку, которая ослепительно сверкала на солнце, — так же, как и его зубы, когда он криво усмехался в вашу сторону.

Никто не знал его настоящего имени, и слова от него никто никогда не слышал. Не знаю, был ли он немым или просто ему не о чем было говорить, он иногда только посмеивался негромко. Люди стали звать его Бумажным Дедом, потому что он изготавливал оригами — бумажные игрушки — на улицах.

Он был мастер складывать фигурки из бумаги. На боку у него всегда висела сумка с разноцветными листочками. Люди могли выбрать цвет и заказать любую вещицу, а он на месте выполнял заказ — не разрезая лист, а только складывая. Сделать же он мог все. От простых цветов и фигурок зверей до вещей столь сложных, что казалось невозможным выразить их сущность в кусочке сложенной бумаги. Насколько я знаю, он ни разу не разочаровал ни одного заказчика.

Я замечал некоторых стариков из Малой Японии, сидевших и наблюдавших за его работой. Они называли его «сэнсэй» — уважительный титул, которым они не стали бы бросаться зря.

Но оригами было лишь самой заметной частью его промысла. Еще он занимался предсказаниями. У него была маленькая «китайская гадалка», тоже сложенная из бумаги наподобие тех, какими мы играли в детстве. Вы их знаете: у квадрата бумаги надо загнуть углы к центру, потом перевернуть и согнуть еще раз. Когда игрушка готова, вы можете вставить пальцы в получившиеся на сгибах кармашки и раскрыть ее, как цветок. Двигаете пальцами туда-сюда, и получается, будто цветок говорит с вами.

Вот такая же гадалка была у Бумажного Деда. Снаружи на ней были названия четырех цветов, а внутри — восемь чисел. Сначала вы выбирали цвет — скажем, красный. Под его пальцами создавалось впечатление, и что гадалка беззвучно произносит это слово: «К-Р-А-С-Н-Ы-Й», открываясь и закрываясь, пока не показывались на выбор четыре числа. Потом вы указывали номер, и он его отсчитывал, соответственно столько раз

открывая и закрывая гадалку, и тогда обнаруживался тот же или какой-то другой номер. Вы снова выбирали число, и под ним оказывалось ваше «счастье».

Бумажный Дед его не зачитывал — он просто показывал его клиенту, затем убирал гадалку в тот же внутренний карман, откуда перед этим достал ее. Я никогда не обращался к нему, а вот Джилли делала это множество раз.

— Предсказания всегда разные, — как-то сказала она мне. — Я сидела позади него, когда он гадал одной заказчице, и прочла предсказание через плечо. Когда она расплатилась, под села я. Выбрала тот же номер, что и та женщина, но слова оказались другими.

— Просто у него не единственная гадалка в кармане, — ответил я, но она затрясла головой.

— Он ее не убирал, — возразила она. — Это была та же самая гадалка, то же самое число, но между вопросом той женщины и моим предсказание изменилось.

Я знал, что возможно любое количество объяснений тому, как это могло получиться, начиная с ловкости рук. Но я давно зарекся спорить с Джилли на эти темы.

Был ли Бумажный Дед волшебником? Не думаю, по крайней мере, не таким заправским, как считала Джилли. Но некий магический ореол окружал его, подобно ауре, что всегда витает вокруг любого одаренного художника. А еще он улучшал мое настроение. В его присутствии пасмурный день был не таким туманным, а если было ясно, то солнце светило ярче. От него просто исходила радость, неудержимо охватывавшая вас. Вот в этом смысле он был волшебником.

Я тоже хотел узнать, откуда он пришел и как очутился на улице. Уличные люди в большинстве своем делятся на тех, кому некуда больше идти, и на тех, кто сам выбрал такую жизнь, вроде меня, хотя я и здесь наособицу. У меня была маленькая квартирка неподалеку от места, где жила Джилли. Я мог найти работу, если бы захотел, — обычно зимой, когда на улице мало слушателей и затихает клубная жизнь. Не многие уличные жители обладают такой возможностью, но я надеялся, что Бумажный Дед в числе счастливцев.

— Он очень интересный малый, — говорила Джилли.

Я кивнул.

— Но я беспокоюсь о нем, — продолжала она.

— Что так?

Джилли нахмурилась.

— Мне кажется, что он худеет и не так легко движется, как раньше. Ты не видел сегодня он шел так, словно тащил двойную тяжесть.

— Да ведь он же старик, Джилли.

— Вот именно. Где он живет? Есть ли кому за ним присматривать?

В этом вся Джилли. Сердце ее обнимало весь город, и для каждого человека и каждой вещи там находилось место. Она вечно опекала бездомных, будь то собаки, кошки или люди.

И меня она подобрала когда-то, но это было давно.

— Может, спросить его? — предложил я.

— Он не может говорить, — напомнила она.

— А может, он просто не хочет разговаривать.

Джилли замотала головой.

— Я пыталась миллион раз. Он слышал меня и иногда отвечал

улыбкой, или поднимал брови, или еще как-нибудь, но не вслух.

Морщинки на ее лбу стали еще глубже, захотелось разгладить их рукой.

— Последние дни, — призналась она, — мне кажется, что он одержим.

Если бы так сказал кто-нибудь другой, я принял бы слово «одержим» выражение тревоги из-за угнетенного состояния старика.

Но в устах Джилли такое надо было чаще всего понимать буквально.

— Чьим-то духом, что ли? — спросил я, попытавшись придать ироническую нотку своему голосу, но по мелькнувшему в глазах Джилли разочарованию понял, что допустил промашку.

— Ох, Джорди, — сказала она, — ну почему ты не можешь поверить в то, что случилось с нами?

Вот одна из версии событий той дождливой ночи три года назад, на которую намекнула Джилли: мы видели призрака. Он явился из прошлого и бесследно похитил женщину, которую я любил. Вот так мне это запомнилось. И кроме Джилли, этого не помнил больше никто.

Ее звали Саманта Рэй. Она работала в «Джипси Рекорда» и жила в квартире на Стэнтон-стрит, но после той ночи, когда прошлое явилось и увело ее с собой, никто в «Джипси Рекорда» больше ее не помнил, а квартирная хозяйка в доме на Стэнтон-стрит никогда о ней и не слыхала. Призрак украл не только ее саму, он похитил всякую память о ее существовании.

У меня осталась на память о ней только старая фотография, которую мы с Джилли вскоре после исчезновения Саманты обнаружили в антикварной лавке Мура. На обороте фотограф проставил дату: 1912 год. А на снимке была Сэм вместе с группой незнакомых людей у парадного входа какого-то старого дома.

Я помнил ее, но она никогда не существовала. Вот во что я должен был поверить, поскольку ничто другое не имело смысла. Я сохранил все чувства и воспоминания о ней — все *jamaïs vu*, как мой брат называет это состояние. Это как *deja vu*, только не ложное чувство того, что вы раньше уже здесь были, а память о так и не состоявшемся. Выражение это пока не вошло в обиход — брат позаимствовал его из боевика Дэвида Моррела — но оно точно отражало суть.

Jamaïs vu.

Джилли, однако, тоже помнила Сэм.

Думая о Сэм, я всегда испытывал стеснение в груди; попытки осмыслить произошедшее доводили до головной боли. Я чувствовал, что изменяю Сэм, пытаюсь убедить себя, что она никогда не существовала, но убеждать приходилось, потому что поверить в реальность было еще страшнее. Как жить в мире, где может случиться что угодно?

— Ты привыкнешь, — говорила мне Джилли. — Есть целый нездешний мир, бок о бок с нашим. Стоит заглянуть туда однажды, и окно больше не закрывается. Теперь тебе этого уже не забыть.

— Но я не желаю помнить.

— В таких делах никто тебя и не спрашивает, хочешь ты или нет, — грустно ответила Джилли, покачивая головой.

Выбор есть всегда — вот во что я верю. И я решил отказаться от поисков в каком-то невидимом мире с призраками и духами и еще неизвестно кем. Но продолжал мечтать о Сэм, как если бы она действительно существовала. И по-прежнему хранил ее фото в

скрипичном футляре.

Я мог ощутить ее присутствие прямо сейчас — мерцание, шепот, обращенный ко мне.

Помни меня...

Я не мог забыть. *Jamais vu.* Но хотел.

Джилли подседа поближе и положила мне руку на колено.

— Если отказаться — будет только хуже, — сказала она, продолжая сейчас, на ступенях храма, наш старый неразрешимый спор. — Пока ты не примешь все как есть, воспоминания повсюду будут преследовать тебя и терзать душу.

— То есть, как Бумажного Деда? — спросил я, пытаюсь повернуть разговор на более приятные темы или хотя бы отвлечь внимание от себя.

— Думаешь, с ним происходит то же самое?

Джилли вздохнула:

— Воспоминания могут преследовать почище призраков, — произнесла она.

Будто я этого не знал.

Я посмотрел вниз на ступеньки, туда, где сидел Бумажный Дед, но он исчез, и теперь там бродили только два голубя. Ветер гонял шоколадную обертку. Я накрыл своей рукой пальцы Джилли и сжал их, потом подобрал скрипичный футляр и встал.

— Мне пора.

— Я не хотела тебя огорчать...

— Знаю. Мне просто надо немного походить и подумать.

Она не предложила пойти вместе, и я был этому рад.

Джилли была моим лучшим другом, но именно сейчас мне нужно было побыть одному.

Я шел без особой цели, ноги сами несли меня на юг от Святого Павла и вниз по Баттерсфилд-роуд, и всю дорогу до Пирса футляр хлопал меня по бедру на каждом шагу. Выйдя к пристани, я облокотился на каменный парапет в том месте, где Пирс соединяется с берегом.

Я стоял и наблюдал за рыбаками, сидевшими с удочками по всему берегу озера. Жирные чайки кружились над ними и орали так, будто голодали не один месяц. Внизу на пляже парочка вела оживленный спор, но далековато, чтобы расслышать, о чем. Они выглядели как персонажи из старого немого фильма — карикатуры: движения более размашистые, чем в жизни, быстрее, чем у настоящих людей.

Не знаю, о чем я думал. Я вообще старался не думать, но мне это не удалось. Спорящая пара меня расстроила.

«Держитесь того, что у вас есть!» — хотелось сказать им, но это меня уж никак не касалось. Я думал пойти через город к парку Фицгенри — там было место, называвшееся Силенас Гардене, с каменными скамьями и статуями, где мне всегда становилось легче, — но тут я заметил знакомую фигуру, сидящую у реки западнее Пирса. Бумажный Дед.

Кикаха-ривер называется так в память о племени, говорившем на одном из языков алгонкинской группы и жившем в здешних краях с незапамятных времен, пока не пришли белые и всех не прогнали.

Все, что осталось от племени, — резервация к северу от города и эта река, носящая их имя. Кикаха имеет исток севернее резервации и на пути к озеру прорезает город. В этой части города она отделяет деловые кварталы и торговую пристань от Побережья, где живут богачи.

На Побережье есть такие дома, по сравнению с которыми старые почтенные особняки в районе Нижнего Кроуси выглядят как многоквартирные трущобы, но их отсюда не видно. Глядя на запад, вы увидите только зелень — сперва подстриженные муниципальные газоны на другом берегу, а потом лесистые холмы, что скрывают дома богачей от нас, плебеев. На самой пристани расположена пара городских клубов, а рядом спускаются к самой воде частные пляжи действительно богатых людей.

Бумажный Дед сидел на моей стороне реки, но издали я не мог разглядеть, чем он занят. Казалось, что он просто сидит на берегу, наблюдая медленное течение реки. Я некоторое время смотрел на него, потом поднял прислоненный к парапету футляр и спрыгнул на песок. При моем приближении Бумажный Дед поднял глаза и улыбнулся легкой, приветливой улыбкой, как если бы ожидал меня здесь встретить.

Джилли сказала бы, что нас свела судьба. Я же упорно называл это совпадением. Город велик, но все-таки не очень.

Бумажный Дед жестом пригласил меня сесть рядышком. Я на мгновение заколебался — как я понял позднее, до этого момента все могло еще пойти по-другому. Но решился и присел около него.

У самой воды была низкая стенка, а дальше росли тростники и лилии. Среди лилий плавало семейство уток — мамаша и выводок утят, — за ними и наблюдал Бумажный Дед. У него был пустой пластиковый пакет с хлебными крошками на дне, и я понял, что он кормил уток, пока хлеб не кончился.

Он снова повел рукой, дотронувшись до пакета, а потом указав на уток.

— Я не знал, что забреду сюда, — сказал я, покачав головой, — и не принес ничего, чтобы покормить их.

Он понимающе кивнул.

Мы долго сидели молча. Утки наконец оставили нас и поплыли дальше по реке, высматривая кого-нибудь пощедрее. Когда они скрылись, Бумажный Дед снова повернулся ко мне. Он прижал руку к груди и вопросительно поднял брови.

Глядя на эту худую руку с узкими длинными пальцами, лежавшую на темной ткани, я вновь поразился абсолютной глубине ее черноты. Даже слегка загорев на улицах за последние несколько недель, я чувствовал себя рядом с ним бледным, как мертвец. Потом я вгляделся ему в глаза. Если его кожа поглощала свет, ясно, куда он переходил — в глаза. Они были темными, такими темными, что с трудом можно было отличить зрачок от радужки, но из глубины поднималось сияние, которое отозвалось во мне как гул басовой скрипичной струны, когда я играю какой-нибудь из диких напевов Шетландских островов в ля-миноре.

Я понимаю, что странно описывать что-то зримое звуковыми понятиями, но именно в тот момент я **услышал** сияние его глаз, звучавшее внутри меня. И тут же понял, что означал его жест.

— Да, — признался я, — не по себе как-то.

Он снова коснулся груди, но на этот раз другим, более легким жестом. И я так же хорошо понял его значение и ответил:

— Помочь тут некому.

Кроме Сэм... Она могла бы вернуться. Или хоть бы просто знать, что она действительно была... Но это наводило на целый ряд мыслей, а я не был уверен, что снова желаю в них погружаться. Я хотел, чтобы она была

настоящей, хотел, чтобы она вернулась, но, признавая это, надо было признать, что призраки реальны и что прошлое может подкрасться и похитить кого-нибудь из настоящего, перенеся во время, давно бывшее и минувшее.

Бумажный Дед вынул свою гадалку из внутреннего кармана пиджака и кинул на меня вопросительный взгляд. Покачав было головой, я неожиданно для себя согласился: «А какого черта!»

Я выбрал голубой, потому что он был ближе всего к тому, что я чувствовал, — других цветов, которые бы выражали смущение, растерянность или неуместность, у него не было. Понаблюдав, как двигаются его пальцы, заставляя бумажку «проговаривать» название цвета, я выбрал из номеров четверку — по числу струн моей скрипки. Когда его пальцы остановились во второй раз, выбрал «семь» — вообще безо всякой причины.

Он раскрыл бумажный клапан так, чтобы я мог прочесть предсказание. Там значилось только: «Поглоти прошлое».

Непонятно. Верно, я рассчитывал на нечто вроде песенки Бобби Макферрина «Не печалься, будь счастливым». А тут вообще никакого смысла.

— Не понимаю, — сказал я Бумажному Деду, — что это должно означать?

Он пожал плечами и, сложив гадалку, убрал ее обратно в карман.

Поглоти прошлое... То есть, забудь обо всем? Или... ведь «поглотить» может означать «принять» или «согласиться». Что он пытался сказать мне? Повторял доводы Джилли?

Я подумал про фото в моем скрипичном футляре, и тогда-то мне пришла одна мысль. Не знаю, почему я не сообразил этого раньше. Подхватив свой футляр, я встал.

— Я... — хотелось поблагодарить его, но как-то вдруг слова оставили меня. Вышло только: — Уже надо бежать.

Однако он принял мою благодарность. Точно не знаю, что он сделал, но короткая фраза и его гадалки воссоединила то, что прежде для меня существовало порознь.

«Судьба», — услышал бы я от Джилли.

Бумажный Дед улыбнулся и помахал мне вслед. А я пошел обратно по следу совпадений от старика и берега реки по Баттерсфилд-роуд в Ньюфордскую публичную библиотеку в Нижнем Кроуси.

Время не только размывает речной берег и оставляет от гор одни усталые холмы. Оно смягчает остроту наших воспоминаний, превращая их в размытые пятна. То, что было в действительности, сливается с давними надеждами и мечтами, с тем, что мы только желали пережить. Доводилось ли вам встречаться с прежними одноклассниками — не то чтобы вы с ними тогда близко дружили, просто школьные дела сводили вас вместе, — а они вдруг вели себя так, будто вы лучшие друзья, потому что так им это запомнилось? В сущности, может быть, вы действительно были приятелями, и это ваши воспоминания не верны...

Начало серьезного расследования того, что произошло с Сэм, как бы сфокусировало ее ставший неясным образ. Представления о призраках или людях, пропадающих в прошлом, отошли в сторону. Думал я только о Сэм и о том, как выследить ее в прошлом; если не Сэм, которую я знал, то хотя бы ту, какой она стала.

В библиотеке работает моя приятельница Эми Скеллан. Высокая худая женщина с каштановыми волосами и длинными пальцами, что было бы очень кстати, стань она пианисткой. Но вместо этого Эми выбрала волынку, и мы иногда играли вместе в группе под названием «Джонни-Попрыгунчик». Могли бы и чаще, если бы не Мэтт Кэйси, наш третий участник.

Мэтт был прекрасным исполнителем на гитаре и бузуки и непревзойденным певцом, но он с трудом ладил с людьми, и его взгляды были слишком циничными, что мне не нравилось. Поскольку мы с ним плохо уживались, то на репетициях временами возникала напряженность. А вот с Эми я любил играть. Она из тех музыкантов того сорта, что, отдаваясь полностью музыке, доставляют чистую радость. Когда бы я не вспомнил о ней, то первым делом мне представляется ее стройное тело, изогнутое вокруг волынки, — правый локоть накачивает воздух в мех под левой рукой, пальцы танцуют на трубке, нога притопывает, голова кивает в такт, на лице улыбка во весь рот.

Она придавала нам уверенность в успехе, с ней мы получали массу удовольствия, несмотря на прочие неурядицы.

Я показал ей фотографию Сэм. На правом угловом столбе веранды на снимке был номер дома, который я мог сопоставить с реально существовавшим. Если бы я смог найти улицу, на которой стоял тот дом. Если бы он все еще стоял там.

— Это может затянуться надолго, — сказала Эми, откладывая фото.

— Время у меня есть.

Эми засмеялась:

— Надо думать, что есть. Не знаю, как это тебе удастся, Джорди. Любой на этом свете старается изо всех сил, чтобы выжить, а ты просто плывешь по течению.

— А мне немного нужно, — ответил я.

Эми только закатила глаза. Она бывала в моей квартире, где почти не на что было смотреть: запасная скрипка висела на стене рядом с парой картин Джилли, — несколько нотных тетрадей с драными обложками и немного одежды; один из тех старомодных проигрывателей, где вертушка и динамик расположены в одном корпусе, и несколько пластинок, приставленных к ящику из-под яблок, на котором стоял проигрыватель; два смычка, которые давно нуждались в перетяжке; небольшая стопка потрепанных книжек, взятых в «Подержанных книгах Даффи», и маленький побитый магнитофон с кучкой кассет. Вот и все, чем я обходился.

Я ждал у стойки, пока Эми принесет нужные мне книги. Она вернулась с целой охапкой. На большинстве титульных листов стояло «Ньюфорд», но некоторые относились к периоду, когда город еще назывался Йурс, в честь голландца Дидерика ван Йурса, первым поселившегося в этих местах в начале 1800-х годов. Это название сменилось на Ньюфорд примерно в середине того же столетия, поэтому теперь об отце-основателе городу напоминает только название одной из улиц.

Сложив книги передо мной, Эми ушла искать на стеллажах более редкие издания. Я не стал дожидаться ее возвращения и принялся листать первую книгу из стопки, внимательно глядя на картинки.

Поначалу все шло хорошо. Есть несомненная магия в старых фотографиях, особенно если они сделаны в местах, где ты рос. Они

зачаровывают. Грязные дороги там, где теперь мостовые и тротуары, окруженные комплексами офисов. Старый театр Брюстера в дни своего расцвета — я помнил, что там я впервые увидел Фила Окса и Боба Дилана, а позже в нем проводились ночные кинофестивали, но теперь там расположились торговые ряды Вильямсона. Вечеринки на воде. Старый Сити-Холл — сейчас это молодежное общежитие.

Но к вечеру мой энтузиазм остыл. К моменту закрытия библиотеки я в своих поисках названия улицы ненадолго продвинулся. Эми сочувственно взглянула на меня — «Говорила же я тебе», когда мы расстались с ней у входа в библиотеку. Я же просто сообщил, что снова приду завтра.

Надеясь застать Джилли, я зашел перекусить в «Кафе Катрин», да позабыл, что этот вечер у нее был выходным. Я попытался позвонить ей после ужина, но тоже не застал. Поэтому направился со своей скрипкой в театральный квартал и часок или около того поиграл для толпившейся там публики, после чего пошел домой с карманами, полными мелких монет.

Этой ночью, перед тем как заснуть, я почувствовал, что в воздухе над моей постелью словно открылся проем. Оставаясь в кровати, я видел себя на улицах Ньюфорда — будто я плыл над землей, следуя их изгибам. Я ощущал, что не покинул нашего времени, но красок там не было. Все виделось в тонах сепии, как на той фотографии Сэм. Так и не помню, когда же я наконец заснул.

На следующее утро я пришел в библиотеку прямо к открытию, неся в бумажном пакете два стаканчика горячего кофе, один из которых я предложил Эми, добравшись до библиотечной стойки. Эми проворчала что-то насчет полуночников, мол, не пристало им притворяться такими бодрячками днем, но выпить кофе согласилась, а я вернулся к книгам.

Позади Сэм на фото рядом с верандой был виден край оконного «фонаря», обрамленного вычурной отделкой, которая сбегала вниз по обе стороны от замкового камня. Вполне приметная деталь для поисков. Казалось, вот-вот, и я вспомню точно, где это место, но действительно ли я видел этот дом, или его образ казался знакомым от слишком долгого рассматривания фотографии — понять было уже невозможно. К сожалению, эти детали пока что не могли мне помочь.

— Понимаешь, нет гарантии, что ты найдешь в книгах изображение дома, который ты ищешь, — сказала Эми, часов в десять прервавшись, чтобы выпить кофе. — Ведь никто не бродил по городу, снимая все подряд без исключения.

Я находился на последней странице «Прогулок по старому Кроуси». Закрыв книгу, я отложил ее в уже просмотренную стопку рядом со стулом, откинулся на спинку и сплел пальцы за затылком. Плечи ныли от того, что я целое утро сидел согнувшись за столом.

— Это ясно. Поэтому я как раз собираюсь одолжить велик у Джека на этот вечер: я ему позвоню, когда закончу здесь.

— Ты собираешься объехать на велосипеде весь город в поисках этого дома?

— А что мне еще остается?

— Есть еще архивы в основном хранилище.

Я подавленно кивнул. Вчера это казалось такой хорошей идеей. Идея-то неплоха, но я и представить себе не мог, как много времени это может

занять.

— Или ты можешь пойти и показать это фото старикам на Рынке. Может быть, кто-то из них вспомнит, что это за место.

— Может, и вспомнит.

Я взялся за следующую книгу, «Архитектурное наследие старого Йурса».

Там он и был, на тридцать восьмой странице. Тот самый дом. На снимке в ряд стояли три строения, и мой дом был посередке. Подпись гласила: «Грассо-стрит, ок. 1920 г.»

— А я не верила, — сказала Эми, обернувшись на шум. — Ты нашел его, не так ли?

— Думаю, да. У тебя есть увеличительное стекло?

Она принесла лупу, и я проверил номер среднего дома — 142. Тот же, что на моем фото.

Тогда в работу включилась Эми. Она позвонила своему другу, работавшему в управлении земельного учета. Через полчаса он сообщил нам имя того, кто владел домом в 1912 году, когда была сделана фотография, — Эдвард Дикенсон. Дом несколько раз сменил владельцев с тех пор, как Дикенсоны продали его в сороковых годах.

Мы проверили телефонный справочник, но там числилось больше сотни Дикенсонов, дюжина из них имела инициал Э. и один — Эд. Никто из них не жил на Грассо-стрит.

— Это ничего не значит, — заявила Эми, — ведь минуло почти восемьдесят лет.

Я хотел было отправиться в ту часть Грассо, где стоял дом, — сколько раз я проходил мимо, не обращая внимания на этот или соседние дома, — но сперва нужно было побольше узнать о Дикенсонах. Эми показала мне, как читать микрофиши, и скоро я уже просматривал старые выпуски «Ньюфорд Стар» и «Дэйли Джорнэл», сосредоточившись на отделе местных новостей и колонке сплетен.

Первое фото Эдварда Дикенсона, которое я обнаружил, было в «Дэйли Джорнэл» за 21 июня 1913 года. Он стоял рядом с деканом Батлеровского университета на какой-то открытой церемонии. Я сравнил его с людьми на своей фотографии и нашел стоящим слева позади Сэм.

Напав на след, я стал работать как сумасшедший. Я просматривал микрофиши, делая заметки при каждом упоминании Дикенсонов. Эдвард, как оказалось, был биржевым маклером, одним из немногих, кто не разорился в последующих рыночных крахах. Тогда толстосумы селились в основном в Нижнем Кроуси, на Маккеннит, Грассо и Стэнтон-стрит. Эдвард упоминался в газетах примерно раз в месяц — сделки, общественные праздники, колебания на бирже, светские обеды и тому подобное. Так было, пока я не наткнулся на выпуск «Ньюфорд Стар» от 29 октября 1915 года, — и из меня будто вышибли дух.

На снимке Сэм стояла рядом с мужчиной, которого я узнал. Видел его раньше. Это он был призраком из прошлого, похитившим Сэм. Под фотографией была подпись, объявлявшая о помолвке Томаса Эдварда Дикенсона — сына хорошо известного здешнего бизнесмена — и Саманты Рэй.

На моем фото этого Дикенсона не было рядом с остальными — наверно, он как раз фотографировал. Но здесь он был. Реальный. Вместе с Сэм. Этого я не мог отрицать.

Тогда еще не появилась технология, заставлявшая фотографии лгать.

Гул судьбы стоял в ушах, а фотография пылала, словно отпечатавшись на сетчатке моих глаз. Было трудно дышать, одежда внезапно сделалась тесной.

Не знаю, на что я рассчитывал, но только не на такое. Я предполагал найти людей с фотографии и узнать, что женщину, похожую на Сэм, в действительности звали Гертруда Такая-то и что она всю жизнь прожила в этой семье. Я не рассчитывал найти Сэм. Никак не рассчитывал, что призрак окажется реальным.

Потрясенный, я отложил микрофиши и выключил аппарат.

— Джорди? — окликнула меня Эми, когда я подошел к стойке. — С тобой все в порядке?

Помню, я кивнул и пробормотал, что надо передохнуть. Следующая картинка в памяти — как я стою уже на Грассо-стрит, глядя на дом Дикенсонов.

После того, как Эми сказала, что Дикенсоны дом продали, я не очень следил за ее словами и потому представления не имел, кто владел им ныне. Дом был недавно обновлен и совсем не походил на фото, но сквозь добавления поздней моды я все равно различал черты старого дома.

Я просто сел на край тротуара, положив скрипичный футляр на колени, и глядел на дом. В голове снова зашумело. Майка по-прежнему стискивала тело.

Что делать дальше, я не знал, потому и сидел там, пытаюсь осознать произошедшее. Я больше не сомневался ни в реальности Сэм, ни в том, что она была похищена призраком. Снова навалилось чувство потери, будто это случилось только что, а не три года назад. И вот что меня пугало — если Сэм и призрак были на самом деле, то что еще может случиться?

Я закрыл глаза, и, словно мелькающие вывески супермаркетов, перед моим внутренним взором закружились вспышки причудливых образов и слов. Это был мир, в котором жила Джилли, — мир, где все было возможным. Я не знал, как мне быть, как жить в таком мире. Я нуждался в правилах и границах, в каком-то руководстве.

Прошло еще много времени, прежде чем я встал и направился в «Кафе Катрин».

...Стоило мне появиться в дверях, Джилли спросила:

— Ты видел Бумажного Деда?

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы отогнать шум собственных мыслей и понять, о чем это она спрашивает. Наконец я просто покачал головой.

— Его сегодня не было у Святого Павла, — продолжала Джилли, — а он всегда там, зимой и летом, в любую погоду. Мне показалось, что он вчера не очень хорошо выглядел, и теперь...

Я на время отключился от нее и присел за пустой столик, чтобы не упасть. Чувство потерянности, которое разверзлось внутри при виде фотографии Сэм на микрофише, накатывало волнами. Как раз сейчас волна снова поднялась, и было трудно даже просто сидеть на стуле и слушать, что говорит Джилли. Когда меня наконец отпустило, я снова сосредоточился на ее словах.

— ...сердечный приступ, кого он мог бы позвать? Ведь говорить он не может.

— Я видел его вчера, — сказал я, удивившись спокойствию своего голоса, — на закате. Он выглядел нормально.

— Правда?

Я кивнул.

— Он был на Пирсе, сидел у реки, кормил уток. Он мне гадал.

— Правда?

— Джилли, ты начинаешь напоминать испорченную пластинку.

Мне почему-то стало лучше. Утихло и затем совсем исчезло ощущение, что я на грани приступа паники. Джилли опустилась на стул напротив меня, поставила локти на стол и уперлась подбородком в ладони.

— Тогда рассказывай, — сказала она. — Что подвигло тебя на это? И что тебе выпало?

Я рассказал ей все, начиная со встречи с Бумажным Дедом. Ощущение выпадения из времени несколько раз приходило и уходило во время разговора, но в основном я держался.

— Святое дерьмо! — воскликнула Джилли, когда я закончил. Она прикрыла рот ладонью и быстро оглянулась, но, кажется, никто из посетителей ничего не услышал. Потянувшись через стол, Джилли схватила меня за руку.

— Ну а теперь-то ты веришь? — спросила она.

— Теперь осталось не так-то много возможностей выбора, не правда ли?

— И что ты намерен делать?

Я пожал плечами:

— Что тут поделаешь? Я узнал, что хотел, — и теперь мне надо научиться жить со всем этим.

Джилли долго ничего не говорила. Она просто держала мою руку и излучала утешение, как только она одна и умеет.

— Ты мог бы разыскать ее, — наконец произнесла она.

— Кого? Сэм?

— Кого же еще?

— Она, наверно... — Я запнулся на слове «мертва» и произнес: — Ее уже нет в живых.

— Может, и нет, — ответила Джилли, — хотя она определенно состарилась. Не думаешь ли ты, что надо выяснить все до конца?

— Мне...

Я не был уверен, что хотел бы это знать. Стоило ли встречаться с ней, будь она еще жива? Что могли мы сказать друг другу?

— Во всяком случае, подумай об этом, — сказала Джилли.

В этом она вся: никогда не принимает отказов.

— Я освобожусь в восемь, — добавила она, — не хочешь встретиться после этого?

— А что? — нерешительно поинтересовался я.

— Может, ты бы помог мне найти Бумажного Деда?

«И его найти», — подумал я. Прямо становлюсь экспертом по поискам людей. Может, мне заказать себе визитную карточку: «Джорди Риделл. Частные расследования и Игра на скрипке».

— Конечно, — согласился я.

— Прекрасно.

Джилли вскочила навстречу паре новых посетителей, вошедших в кафе. После того как она их усадила, я заказал у нее кофе и стал наблюдать в окно за движением на Баттерсфилд. Я старался не думать о Сэм — пойманной прошлым, прожившей там новую жизнь, — но с тем же

успехом, что и о белой обезьяне из притчи.

К моменту, когда у Джилли кончилась смена, я снова владел собой, но вместо облегчения чувствовал тяжкое бремя вины за Сэм и призрака.

Однажды я отрекся от любимой. Теперь же ощущал, будто изменяю ей снова. В теперешнем положении — фотография к заметке о помолвке в старом выпуске «Ньюфорд Стар» мелькнула перед внутренним взором — моя реакция была неуместной. Как будто все так и надо — тут и гнездилась вина.

— Не понимаю, — говорил я Джилли, пока мы спускались по Баттерсфилд по направлению к Пирсу. — Сегодня днем я просто разваливался на кусочки, а сейчас чувствую себя...

— Умиротворенным?

— Вроде того.

— Это потому, что ты перестал бороться с собой и признал реальным то, что ты видел и что помнишь. Именно отрицание выкручивало тебе душу.

Она не стала добавлять «Я же говорила» — эхо ее слов и без того на разные лады звучало у меня в голове, усугубляя ощущение вины. Если бы прислушаться к ней без предвзятости, тогда... но что? Неужели опять все сначала?

Мы пересекли Лэйксайд-драйв и пошли вдоль закрытых киосков к берегу. Когда мы достигли Пирса, я повел ее на западную сторону, где в последний раз видел Бумажного Деда, но он там больше не сидел. Только одинокая утка с надеждой посмотрела на нас, но мы не догадались захватить хлеба.

— Допустим, я найду Сэм, — сказал я, гораздо более занятый собственными поисками, чем розыском Бумажного Деда. — Если она еще не умерла, она уже старая дама. Что дальше?

— Тогда ты замкнешь круг, — ответила Джилли. Она взглянула на реку и повернулась ко мне, ее личико феи было серьезно. — Знаешь, как говорят кикаха — все возвращается на колесе. Ты хочешь отступить от того, что связывает тебя с Сэм, раньше, чем завершится оборот колеса. Но пока круг не замкнется, не будет мира в твоей душе.

— А как узнать, что круг замкнут?

— Ты узнаешь.

Она отвернулась, не дождавшись ответа, и пошла обратно к Пирсу. Днем это шумное, людное место, заполненное туристами и просто отдыхающими. Ночью же Пирс оккупируют шайки подростков, разъезжающих на роликовых досках или просто тусующихся поблизости, и бездомный люд: пьяницы, старухи-побирушки, бродяги.

Джилли «обрабатывала» толпу, расспрашивая про Бумажного Деда, а я следовал за ней по пятам. Деда знал здесь любой, кое-кто видел его, например, на прошлой неделе, но никто не смог сказать, где его искать сейчас или хотя бы, где он живет. Мы уже хотели было бросить свои расспросы здесь, отправиться в Парк Фицгенри и поспросить там у гуляющей публики.

Тут-то и слышались звуки губной гармоники. Звучал блюз — мягкие, печальные звуки доносились с берега. Мы спустились по лестнице на песок и обнаружили старого негра Босса, который сидел, опустив голову, закрыв глаза и прильнув к спрятанной в ладонях гармонике. Вокруг него не было других слушателей, кроме нас. Те, кто

обычно кидал деньги в его старую кепку, в этот час сидели за обедом в модных ресторанах по ту сторону Аэйксайд-драйв или в театральном квартале. Босс играл для себя.

Работая на публику, он исполнял попеременно модные пьески, что звучат по радио, песенки из старых мюзиклов да наиболее популярные джазовые вещи. Но музыка, что лилась из его гармоники сейчас, была истинным колдовством, преображавшим музыканта в нечто большее. Этот блюз словно вобрал в себя все горести мира, и они отчетливо звучали в протяжных скользящих нотах, бессильных что-либо изменить, но дающих силу выстоять.

У меня даже пальцы зачесались от желания достать скрипку и присоединиться к нему, но у нас не было опыта совместных импровизаций. Поэтому пришлось ждать, пока он доиграет.

Последняя невообразимо долгая нота отзвучала в воздухе, и Босс отнял руки от лица, бережно, словно баюкая, опустил на колени гармонику и, щурясь, посмотрел на нас. Волшебство рассеялось вместе с музыкой. Остался просто бездомный чернокожий старик с тенью улыбки на лице.

— Привет, Джилл и Джорди, — сказал он, — чего это вы тут?

— Мы ищем Бумажного Деда, — ответила ему Джилли.

Босс кивнул:

— А, ясно, деда, что делает бумажные игрушки.

— Я беспокоюсь за него, — продолжала Джилли, — здоров ли он?

— А ты что, Джилли, врачом заделалась?

Она помотала головой.

— Кто-нибудь хочет закурить?

Тут уж отказались мы оба. Босс извлек из кармана наполовину скуренный бычок, скорее всего подобранный на пристани, и прикурил от деревянной спички, чиркнув ее об молнию своих джинсов. Глубоко затянулся, продолжая рассматривать нас сквозь окутавший его серо-голубой дым.

— Ох, отольется вам эта забота, — наконец произнес он. Джилли кивнула в ответ:

— Да уж знаю, но ничего не могу с этим поделать. Ты случайно не можешь сказать, где его искать?

— Отчего же — когда зима, он живет с одним мексиканским семейством где-то на окраине Баррио.

— А летом?

Босс пожал плечами:

— Я как-то слышал, что он устроил себе стоянку подальше за пляжами.

— Спасибо, — сказала было Джилли, но Босс продолжал:

— Но он может и не принять незваных гостей. По мне, если кто забирается жить в такие богом забытые места, то, значит, ищет уединения.

— Но я и не собираюсь к нему вторгаться, — заверила Джилли, — мне просто надо убедиться, что с ним все в порядке.

Босс кивнул:

— Ты, Джилли, женщина что надо, на тебя можно положиться. Я-то верю тебе, что ты поступаешь по совести. Бумажный Дед и мне в последнее время казался немного удрученным. Что-то такое есть у него в глазах — вроде как даже просто жить стало трудновато. Ты там

поосторожней. Бродяги вообще-то не жалуют чужаков на своей дорожке.

— Мы будем осторожны, — пообещала Джилли.

Босс еще раз долго и задумчиво на нас посмотрел, потом поднял гармонику к губам и заиграл опять. Печальные звуки летели вслед за нами всю дорогу с пристани по Лэйксайд-драйв, где мы по мосту перешли на другой берег Кикахи. Не поручусь за мысли Джилли, а мои все кружили вокруг предыдущего разговора — о поворотах колес.

...За муниципальными газонами на том берегу местность повышается. Ближние склоны холмов густо заросли кустарником, скрывающим берег, и каждое лето бездомные бродяги устраиваются там на постой. Полиция время от времени их гоняет, но, в основном, они там остаются сами себе хозяевами.

По пути туда я нервничал сильнее Джилли — ее, по-моему, ничем не испугаешь. Солнце опустилось за холмы, и хотя в центре города еще держались сумерки, здесь уже совсем стемнело. Я лучше других лажу с уличным людом — всякий любит хорошую скрипичную музыку, — но кое-кто из них на вид довольно груб. Я предчувствовал, что мы нарвемся на какого-нибудь буяна и он нас выставит отсюда.

И мы-таки на одного подобного наткнулись, но — как и девять десятых всех бродяг в Ньюфорде — этот тип оказался знакомцем Джилли. Он хоть и удивился, встретив ее в таком месте, обрадовался нам и широко заулыбался. Это был высокий широкоплечий детина в грязных джинсах, фланелевой фуфайке, огромных подкованных башмаках и с копной рыжих волос, спадавших ему на шею и колтуном стоявших на макушке. И звали его весьма подходяще — Рэд. А еще от него шел такой запах, что мне пришлось мало-помалу перемещаться, пока я не оказался против ветра. Зато он не только знал, где стойбище Бумажного Деда, но даже отвел нас туда, только вот хозяина не оказалось дома.

В этом месте на всем чувствовался отпечаток личности Бумажного Деда. Аккуратный рулон с постелью подпирал рюкзак, где, скорее всего, хранилась смена одежды (проверить мы не стали — ведь не затем же пришли, чтобы рыться в чужом барахле). За рюкзаком стоял холодильник, а на нем — колмоновская плитка. И повсюду на деревьях были развешаны бумажные звездочки — наверно, около сотни. Будто мы попали в открытый космос, и звезды окружили нас со всех сторон.

Джилли оставила Бумажному Деду записку, и мы вместе с Рэдом пошли обратно к Лэйксайд-драйв. На границе кустарниковых зарослей и стриженных газонов Рэд смылся, не дожидаясь наших благодарностей.

Да и мы здесь распрощались. Джилли дожидалась работа — какие-то картинки для ньюфордского развлекательного еженедельника «В городе», а мне не хотелось тащиться в ее мастерскую только чтобы смотреть, как она рисует. Поэтому она села в подземку, а я решил пройтись, хоть и здорово вымотался. Спустилась одна из тех ночей, когда кажется, что город улыбается. Все вокруг сверкает огнями, и вам становятся не видны грязь и копоть. После всего сегодняшнего мне было не усидеть в четырех стенах. Хотелось насладиться ночью.

Снова вспомнилась Сэм — она любила вместе со мной бродить по городу в такие ночи — та, прежняя, моя утраченная Сэм, а отнюдь не женщина, которой она стала. Эта другая Сэм была для меня полной незнакомкой. Сомневаюсь, что захотел бы теперь завести с ней знакомство, даже если бы смог ее разыскать.

Дойдя до собора Святого Павла, я замешкался на ступеньках. Хотя

стояла идеальная ночь для прогулки, что-то потянуло меня внутрь. Дверь бесшумно открылась, едва мои пальцы коснулись ее. Я еще медлил у заднего ряда скамей, когда слышался кашель.

Я застыл, готовый удрасть. Ведь времени работы церкви я толком не знал. Вдруг прокрасться сюда ночью было чем-то вроде святотатства?

Впереди, на первом ряду кто-то сидел. Кашель повторился, и я двинулся по проходу. Интуитивно я понимал, что встречу его здесь — иначе зачем мне было сюда заходить?

Бумажный Дед кивнул мне, когда я сел рядом с ним, положив скрипичный футляр на пол, и откинулся на спинку скамьи.

Надо было бы расспросить его о самочувствии, рассказать о тревоге Джилли насчет него, но тут навалилась усталость целого дня. Безотчетно я начал клевать носом. И во сне услышал голос.

Это могло быть только сном — ведь, кроме нас с Бумажным Дедом, на скамье никто не сидел, а Дед был немым. Но звук этого голоса был именно таким, каким я воображал себе голос Бумажного Деда. Слова напоминали движения его пальцев при складывании оригами — быстрые, размеренные и точные. Звучание — словно уже законченная бумажная фигурка — ведь всегда казалось, что ее сущность есть нечто большее, чем сгибы и форма бумаги.

— Никто в этом мире не видит его одинаково, — произнес голос, — я уверен, что это и есть самое в нем удивительное. Каждый человек обладает собственной картиной мира, и то, что лежит за пределами его мировосприятия, становится незримым. Богатые не замечают бедных. Счастливые не способны разглядеть страдальцев.

— Бумажный Дед? — окликнул было я.

Молчание.

— Я... я думал, ты не можешь разговаривать.

— Вот так и человек, которому нечего высказать вслух, считается немым, — продолжал голос, будто я его и не перебивал. — Это меня утомляет.

— Кто... Кто ты?

— Зеркало, в которое никто не заглянет. Предсказание, что навсегда останется непрочитанным. Мое время здесь истекло.

Голос вновь умолк.

— Бумажный Дед?

Молчание. Это просто греза, твердил я себе, пытаюсь проснуться. И скамья сделана из твердого, неподатливого дерева, и спать на ней совсем неудобно, доказывал я себе. Но проснуться так и не сумел.

— Отдавать — само по себе есть дар, — внезапно сказал голос. Теперь он прозвучал как бы из дальнего конца церкви или еще дальше. — Чем дольше я остаюсь здесь, тем больше забываю.

И голос пропал окончательно, растворился в моем сне без сновидений.

Я проснулся рано, и все мышцы у меня затекли, а на часах было десять минут шестого. На мгновение я растерялся — куда это меня занесло? — но тут же вспомнил. Бумажный Дед. И тот сон.

Я уселся попрямее на скамье, и что-то упало у меня с колен на пол. Кусочек сложенной бумаги. Я напрягся, вертя его в руках и разглядывая при тусклом свете, сочившемся из окон. Это оказалась одна из китайских гадалок Бумажного Деда.

Поразмыслив, я сунул пальцы в бумажные кармашки и посмотрел на

цвета. Как и в прошлый раз, выбрал голубой, «проговорил» это слово — мои пальцы двигались взад-вперед, и, казалось, что цветочек беззвучно со мной разговаривает. Потом наугад выбрал числа и развернул клапан, чтобы прочесть, что там сказано.

«Вопрос важнее ответа» — значилось там.

В недоумении я проверил другие номера, но на всех остальных отогнутых клапанах оказалось пусто. Тогда я спрятал вещицу в карман, ощущая, как по коже пробежали мурашки.

Подобрав скрипку, я покинул собор и побрел в китайский квартал. Позавтракал в ночной столовой вместе с компанией работяг, обсуждавших вчерашний бейсбольный матч. Думал было позвонить Джилли, но сообразил, что если она всю ночь провозилась над заказом еженедельника, то сейчас наверняка совершенно разбита и звонка просто не услышит.

Не спеша доев завтрак, я направился в ту часть Фоксвилла, которая зовется Ирландским кварталом. В сороковых и пятидесятых годах здесь действительно жили в основном иммигранты из Ирландии. Район начал меняться в шестидесятые, когда здесь появилось множество хиппи, которым не по карману оказалась квартирная плата в Кроуси, а потом, с приходом новой волны переселенцев из Вьетнама и карибских стран, снова «сменил лицо». Но, несмотря на все перемены, квартал так и называют Ирландским. Мое жилище располагалось в самом его сердце, как раз там, где Келли-стрит сливается с Ли и пересекает Кикаха-ривер. Через два дома от меня «Арфа» — единственная настоящая ирландская пивная во всем городе, куда я наведываюсь воскресными вечерами послушать ирландскую музыку.

Войдя в дом, я услышал телефонный звонок. Почти уверенный, что звонит Джилли, хотя еще и восьми не было, я вместо этого обнаружил, что разговариваю с репортером из «Дэйли Джорнэл». Он звался Иан Бэгли и тоже был приятелем Джилли. Она и попросила его разыскать в архивах некрологов их редакции всю возможную информацию о Дикенсонах.

— Старик Дикенсон был последним настоящим бизнесменом в этом семействе, — сообщил мне Бэгли. — Удача пошла на убыль, когда дела принял его сын Том — тот самый, что женился на женщине, которую, как говорит Джилли, вы разыскиваете. Он умер в семьдесят шестом. У меня нет сообщения о смерти его вдовы, но это совсем не значит, что она еще жива. Если она уехала из города, газета не поместила бы некролога, разве что его специально дали бы родные.

Он наговорил мне еще много всякой ерунды, но я слушал его вполуха. Эпопея с Бумажным Дедом прошлой ночью, да еще гадалка, попавшая ко мне сегодня утром, поглотили меня целиком. Но когда дошло до адреса внучки Сэм, я его все-таки записал. А Бэгли трепался еще минут пять или около того.

— Ну, хватит вам этого? — спросил он.

Я было кивнул, но потом спохватился, что он меня не видит.

— Ага. Большое вам спасибо.

— Тогда передавайте привет Джилли и скажите, что за ней теперь должок.

Повесив трубку, я долго глядел в окно, пытаюсь переключиться с Бумажного Деда на то, о чем говорил Бэгли, на Сэм, на круги и колеса. Круги своя. Наконец я поднялся, принял душ и побрился. Потом надел

самые чистые свои джинсы и майку и натянул спортивную куртку, знававшую лучшие времена еще до того, как я купил ее в магазине ретро-моды. Хотел было оставить дома футляр со скрипкой, но понял, что без него буду чувствовать себя голым — уже и не помню, когда в последний раз куда-нибудь ходил без него. Кожаная ручка удобно легла мне в ладонь, я подхватил футляр и вышел на улицу.

Всю дорогу до дома, адрес которого дал мне Бэгли, я пытался сообразить, что же сказать внучке Сэм. Правда прозвучала бы как речи психа, а сколь-нибудь осмысленная история у меня никак не складывалась. Помню, еще удивлялся — где это носит моего брата, именно когда я в нем нуждаюсь? Независимо от ситуации Кристи никогда не терялся в словах.

Мне так ничего и не пришло в голову, пока я не очутился на тротуаре перед самым домом. А там я решил, насколько возможно, придерживаться ближе к истине — я был старым другом ее бабушки, может ли она помочь с ней связаться? Но все мои смутные планы разом улетучились, когда я позвонил в дверь и оказался лицом к лицу с внучкой Сэм.

Может быть, вы уже поняли, к чему я веду, но я никак не ожидал встретить... У женщины были волосы, как у Сэм, и глаза Сэм, и ее лицо... Это сама Сэм стояла в дверях, глядя на меня, как на абсолютного незнакомца.

У меня так сдавило грудь, что я едва продохнул. И внезапно в памяти всплыл шум дождя — Сэм видала призрака каждый раз в дождь; дождливой была и та ночь, когда он увел ее в прошлое.

Призраки. Теперь я смотрел на призрака.

Неуверенность в лице женщины сменилась беспокойством. И ни тени узнавания в глазах. Еще чуть-чуть, и она захлопнет дверь, а то и позвонит в полицию, но тут я обрел дар речи. То есть, я собирался спросить про ее бабушку, но смог выговорить только имя: «Сэм».

— Да? — откликнулась она и более внимательно оглядела меня. — Мы с вами разве знакомы?

Иисусе, даже имя оказалось тем же самым.

Сотни мыслей пронесли у меня в мозгу, завихрившись вокруг одной безумной надежды — ведь это же Сэм. Мы снова можем быть вместе. Но тут позади женщины возник ребенок, маленькая девочка, не старше пяти лет, белокурая, голубоглазая, в мать — и в прадеда, как я его помнил. Действительность вокруг меня начала рушиться.

Эта Сэм не была той женщиной, какую я знал. Она была замужем, имела детей, жила своей жизнью.

— Я... Я знал вашу бабушку, — сказал я. — Мы... Мы с ней были друзьями.

В моих собственных ушах это прозвучало сущей бессмыслицей, почти безумием. Что могла ее бабушка иметь общего с парнем втрое моложе нее? И тут взгляд женщины упал на мой скрипичный футляр.

— Вас зовут Джорди? Джорди Риделл?

Моргнув от удивления, я медленно кивнул. Женщина улыбнулась — слегка печально, одними глазами.

— Бабуля говорила, что вы придете, — сказала женщина. — Она не знала когда, но говорила, что однажды вы придете.

Она отступила вглубь дома и отправила девочку из прихожей. — Может быть, вы зайдете?

— Я... Да, конечно.

Она провела меня в гостиную, обставленную разнородной старинной мебелью, которая не должна бы сочетаться вместе, однако смотрелась. Девочка забралась в моррисовское кресло и внимательно наблюдала, как я сажусь и кладу на колени скрипку. Ее мать отбросила выбившуюся прядь волос — с такой точностью повторив жест моей Сэм, что у меня снова защемило в груди.

— Не желаете ли чаю или кофе? — спросила она. Я покачал головой.

— Я не хотел бы вторгаться... — Слова снова меня покинули.

— Вы и не вторгаетесь, — ответила женщина. Она присела напротив меня на кушетку, и в глазах ее снова появилась грусть. — Моя бабушка умерла несколько лет назад — в конце семидесятых она переехала в Новую Англию и там умерла, во сне. Она очень любила море, и потому мы схоронили ее на маленьком кладбище над морским берегом.

По мере того, как она говорила, я видел все это внутренним взором. Мне слышался шум волн, накатывающихся вниз на берег, а брызги падали на скалы, словно дождь.

— Мы с бабушкой были очень близки, гораздо ближе, чем я была когда-либо со своей матерью. — Женщина жалобно посмотрела на меня. — Знаете, как это бывает?

Видимо, она и не ждала ответа, но я на всякий случай кивнул.

— Когда закончились дела с ее наследством, почти все ее личные вещи достались мне. Я... — Она словно запнулась и встала. — Подождите минутку, ладно?

Мы с девочкой сидели, молча разглядывая друг друга, пока не вернулась ее мать. Девочка была таким серьезным ребенком, ее большие глаза вбирали все, что видели; сидела она тихо, в отличие от других детей, что бегают вокруг нового человека, пришедшего в дом, и кривляются, стараясь привлечь к себе внимание. Вряд ли она была застенчива, просто серьезна.

Ее мать вернулась, держа обеими руками пакет, завернутый в коричневую бумагу. Она снова присела напротив меня и положила пакет на разделявший нас стол.

— Бабуля однажды рассказала мне историю, — продолжила она, — о своей первой и единственной настоящей любви. Это был странный рассказ, вроде сказки с привидениями, о том, как она однажды жила в будущем до тех пор, пока дедушкина любовь не похитила ее из ее собственного времени и не привела к нему.

Она покровительственно улыбнулась мне.

— Я знала, что это просто сказка, потому что, став взрослой, я познакомилась с людьми, ходившими с бабушкой в школу, с друзьями ее юности еще до встречи с дедушкой. Словом, что-то наподобие научной фантастики. А на самом деле ведь все это правда, не так ли?

Я смог только кивнуть в ответ. Не понимая, каким образом Сэм и все, что ее окружало, кроме моей памяти, могло перенестись в прошлое, как у нее возник целый пласт новых воспоминаний, когда она вернулась в наше время, я все-таки знал, что все так и было. И, глядя на внучку Сэм, я видел, что у нее тоже не осталось никаких сомнений.

— Когда мне переслали ее вещи, — сказала теперешняя Сэм, — среди них я нашла этот пакет. Он адресован вам.

Я видел на пакете свое имя, написанное знакомым почерком. Моя рука, протянутая за свертком, дрожала.

— Не стоит открывать его здесь, — сказала женщина, и я был ей благодарен за это.

— Я... Я лучше пойду... — сказал я, поднимаясь. — Спасибо, что нашли время встретиться со мной.

Она снова грустно улыбнулась мне.

— Я рада, что нам довелось повидаться, — сказала она, провожая меня на крыльцо.

Не уверен, что смог бы ответить ей тем же. Она была в точности похожа на Сэм, звучала абсолютно как Сэм, и от этого делалось больно.

— Вряд ли мы еще увидимся, — добавила она.

Нет, конечно. У нее был муж, семья. А у меня — мои призраки.

— Спасибо, — повторил я и вышел, неся в одной руке скрипичный футляр и коричневый бумажный пакет в другой.

Я не разворачивал сверток, пока не очутился в Силенас Гардене — в Фицгенри-парке, там, где мне всегда становилось легче. А так плохо мне еще никогда не было. Внутри оказались книга и письмо. Знакомое небольшое издание фирмы «Дент и сыновья» шекспировского «Сна в летнюю ночь» — я подарил его Сэм, зная, что это один из ее любимых сюжетов. Издание ничем особенным не отличалось, разве что маленьким форматом, удобным для ношения в сумочке, что Сэм и делала.

Моя дарственная надпись так и осталась внутри, но сама книга выглядела гораздо более потрепанной, чем тогда, когда я ее дарил. Мне даже не требовалось ее открывать, чтобы вспомнить знаменитую цитату из последней реплики Пэка:

Коль вам тема неприятна,
Все легко вернуть обратно.
Вы представьте, будто тени
Вам явились в сновиденьи.
Пьеса, глупостей полна —
Просто порождение сна²⁶.

Вот только это не было сном — ни для меня, ни для Сэм. Я отложил книжку на скамью и развернул письмо.

«Дорогой Джорди, — говорилось в нем, — я знаю, что однажды ты прочтешь это и, надеюсь, простишь меня за то, что нам не довелось свидеться, но мне хочется, чтобы ты запомнил меня, какой я была, а не какой стала. Я прожила полную и, в общем, счастливую жизнь, а ты узнаешь только то, о чем я сожалею. Я могу оглянуться назад туда, где мы были вместе, с мудростью старой женщины, и теперь точно знаю, что всему есть свое время. Наше оказалось коротким — слишком коротким, сердце мое, — но оно у нас было.

Помнишь, кто-то сказал, что лучше любить и потерять, чем вовсе никогда не любить? Мы любили и потеряли друг друга, но лучше уж я буду лелеять воспоминания, чем роптать на судьбу. Надеюсь, и ты поступишь так же».

Я сидел и плакал, не обращая внимания на гуляющих вокруг людей. Я оплакивал и свою потерю, и Сэм с ее мужеством, и собственную тупость, с которой так долго отрицал свою же память. Не знаю, сколько прошло времени, пока слезы не высохли у меня на щеках.

Послышался шорох чьих-то шагов на тропинке, и, подняв голову, я без удивления увидел Джилли.

— Ох, Джорди, мальчик мой, — вздохнула она. Села рядом и прижалась ко мне, и я ощутил от ее присутствия несказанное облегчение. Я протянул ей книгу и письмо и молчал, пока она рассматривала первое и читала второе. Потом она медленно сложила письмо и засунула его внутрь томака.

— Как тебе сейчас? — наконец спросила она. — Лучше или хуже стало?

— Все вместе.

Она подняла брови в невысказанном вопросе.

— Верно, для этого и устраиваются похороны, — попытался я объяснить, — у тебя есть возможность сказать последнее «прости», все уладить, будто... — я глянул на нее и встретил слабую ободряющую улыбку, — последний раз повернуть колесо. Но я просто убит из-за Сэм. Я знаю, все, что между нами было, было на самом деле, и знаю, как переживал, потеряв ее. Но я-то мучился всего несколько лет. Она же несла эту ношу всю жизнь.

— Но она ее вынесла.

Я кивнул.

— Благодарение Богу.

Мы надолго замолчали, но потом я вспомнил про Бумажного Деда и поведал Джилли все, что случилось прошлой ночью, показал устройство гадалки, которую получил в соборе Святого Павла. Она прочла мое предсказание, наморщив губы и лоб, но, кажется, не особенно удивилась.

— И что ты думаешь? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Все совершают одну и ту же ошибку. Гадалка не предсказывает будущего, она, как зеркало, показывает настоящее. Отзвук того, что ты уже подсознательно знаешь, вытаскивает это знание из темноты, чтобы ты смог его хорошенько разглядеть.

— Собственно, я спрашивал про Бумажного Деда.

— Думаю, он ушел — обратно туда, откуда пришел.

Она начала теребить меня в свойственной ей манере.

— Но кем он был? — спросил я, — Вернее, что он был такое?

— Не знаю, — ответила Джилли, — По-моему, здесь будет тот же ответ, что и в твоём предсказании. Вопрос, заданный нами, путь, в который мы отправились, становится важнее конкретной цели. Хорошо иметь тайны. Они напоминают, что в мире есть нечто большее, чем успех и получение удовольствий.

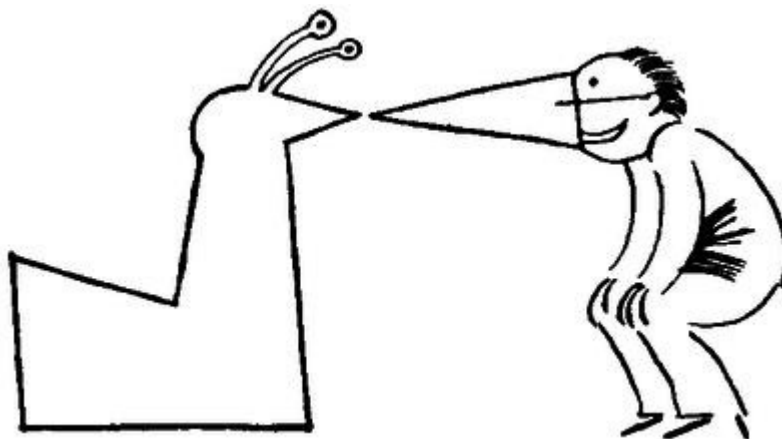
Я вздохнул, зная, что другого ответа от нее все равно не получу.

На следующий день я в одиночестве сходил к стоянке Бумажного Деда. Все его вещи исчезли, но бумажные звездочки по-прежнему висели на деревьях. А я снова задумался, кем же он был. Вещим духом, подобным ангелу-хранителю, что витает вокруг, пытаюсь помочь людям разглядеть самих себя? Или просто старым бездомным негром, у которого был талант складывать бумажки? Я понимал, что мое предсказание имеет

несомненный смысл, хотя и не был вполне согласен.

Что касалось Сэм, то, узнав ответ, я обрел мир в душе. Я достал гадалку Бумажного Деда из кармана и привязал к ней специально принесенный обрывок струны. Потом я повесил ее на ветку — пусть качается среди остальных бумажных звезд — и пошел прочь.

Опус №...

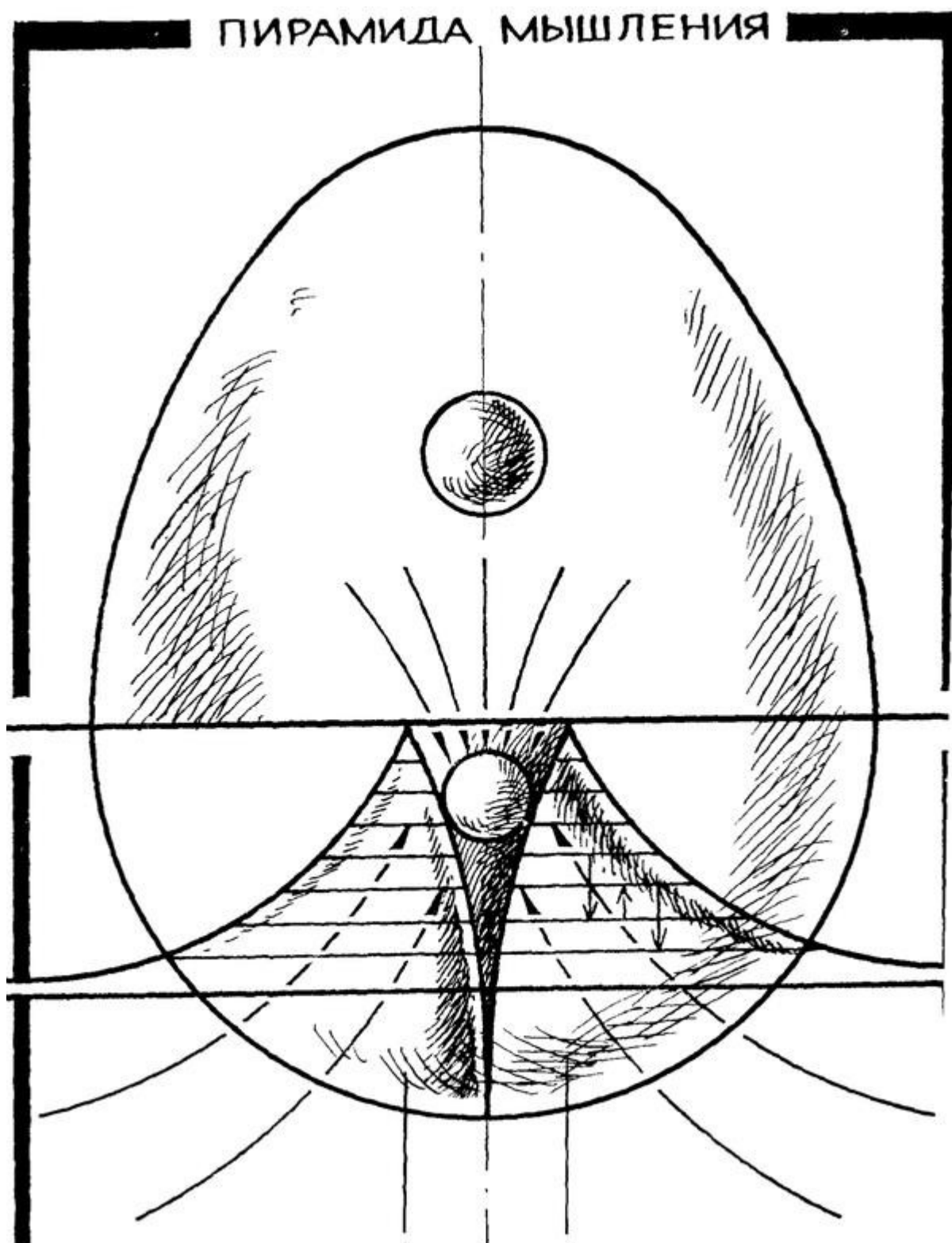

Алексей Скворцов, Ольга Скворцова
Вулкан страстей

Человеческий разум можно представить в виде некоей триединой системы: подсознание — сознание — надсознание, из которой ему самому обычно ведома и доступна только средняя часть. Первая часть уводит нас в глубины человеческой психики (космос сознания), а надсознание объединяет единичные разумы в комплексное сверхсознание — в конечном счете то, что ныне принято называть ноосферой или объединенным информационным полем цивилизации. Как раз признаком подключенности, связи с этим полем и является видимый некоторым головной нимб (или аура головы), издревле изображавшийся у богов и святых в самых различных культурах Земли. Поэтому как отдельный человек, так и целые социумы имеют характерные объединяющие черты — могут быть больны или здоровы, глупы или умны, характерно национальны.

Довольно удобной моделью для изображения Разума и его элементов является Пирамида Мышления. Это усеченная пирамида, основание которой расходится в бесконечность²⁷. А вершина представима как неправильной формы одиннадцатиугольник, каждый угол которого выражает базовые характерные черты той или иной отдельной личности.

²⁷ Здесь, кстати, вспоминается примененная еще Николаем Кузанским в работе «Об ученом незнании» топологическая теорема об инверсии бесконечной плоскости в бесконечную сферу, когда на ней проставлена точка инверсии. В нашем случае этой точкой будет верхняя площадка. Пирамида является усеченной, потому что Сознание имеет в «текущей бытовой реальности» вполне ощутимый размер проявления. При взгляде сверху с воображаемой точки эта верхняя площадка видится неправильным многоугольником.

Не вдаваясь в детали модели сознания, ибо предмет нашего разговора лежит несколько глубже сознательного уровня, заметим, что углы Пирамиды — это, например, агрессивность, сексуальность, властность, контактность... Остальное читатель легко продолжит сам, взглянув на себя в зеркало.

Наша одиннадцатигульная верхняя площадка служит базой того, что принято называть «сферой сознания».

То же, что обычно именуется термином «подсознание», в свою очередь, слоистая и многоуровневая структура, в которой каждый из этажей имеет свою оперативную и долговременную память, средства

межэтажных коммуникаций, своих паразитов, свои залы превращений... При достаточном развитии личности проявляется возможность использования сразу нескольких уровней Пирамиды в текущей бытовой реальности, отсюда и способность гениальных личностей делать несколько дел сразу. Но и это еще не все. Как бы активно ни работала Пирамида, в ней всегда остается еще нечто, как бы видящее все эти процессы со стороны. Эту универсальную для всей Пирамиды структуру назовем Созерцателем. Созерцатель не засыпает, не умирает и не отвлекается никогда, он свидетель предельного Хорошо и предельного Плохо, он и есть вещественное воплощение бессмертной души. Правда, мы не советуем читателям ворошить свои мозги в поисках места локализации Созерцателя, так как он все равно останется в стороне, чтобы продолжать свою деятельность. А если серьезно, то четкая необнаружимость чего-либо, так же как и обратное, — является как раз признаком Существования. Точно так же неопровержимо существование Бога.

Созерцатель сверхсознания-ноосферы, потому-то он всемогущ, вездесущ и всеведущ.

Когда Пирамида работает, то активизируются мышление, чувствование, память, предчувствование (память вперед, она же интуиция). Надо заметить, что для всей Пирамиды и внепирамидальных областей категория «образ» является сверхуниверсальной, ибо образ есть у всего, даже у Господа Бога и даже у самого себя. (Между прочим, крайне интересная творческая задача для художника, вне зависимости от области искусства, — это нарисование Образа Вообще; ближе всего к решению этой задачи мгновениями подходит самое универсальное из искусств, — музыка.) Но мышление, однако, нередко лишь воссоздает в виде своеобразного графического конспекта перипетии более глубокого процесса, текущего сплошным потоком там, на этаж ниже, — потока эмоций.

Еще глубже, чем эмоции, в Пирамиде заложены чувства. Как раз эмоции являются ситуационными проявлениями течений чувств. Поэтому синонимом «эмоции» является «чувствование», а отнюдь не «чувство».

Возвращаясь к Созерцателю, среди его многочисленных функций надо отметить одну из движущих вперед сознание и надсознание сторон — это влекущее неведение-истина, отнюдь не в оруэлловском смысле «незнание — сила», а совсем наоборот, то есть великое любопытство, когда выбор «интересно или нет» является критерием разрешения дилеммы «быть или не быть». Можно сказать, что Созерцатель — это дух зовущего пути. Частным его проявлением в обычных условиях является приятная нашему взору дымка над утренним морем, странная привлекательность некрасивых женщин, повороты дороги, гадание на картах или кофейной гуще, продолжения романов и так далее — опять см. в себя для дополнения этого перечня. Ибо Созерцатель действует на всех уровнях Пирамиды, а кроме того, тихим воздушным шариком висит над ней, потому-то мы и знаем, как сама Пирамида выглядит со стороны. Так возможен «внутренний взор на себя» — и это не каламбур.

Еще раз попытаемся вернуться к обыденности, хотя это не всегда приятно... Как известно, все многообразие жизненных переживаний складывается из немногих, примерно одиннадцати, базовых первоэмоций. Это страх, радость, агрессивность и пр. Однако иногда в особые моменты на пограничьях между сном и явью (туда и обратно), в окнах

прозрачности снов, под действием мощных психотропов, в закритические моменты жизни нас посещают зачем-то избыточные, не менее яркие, чем базовые, но никак к ним не сводимые, эмоции, приходящие из синевато-сиреневой инстанции «Иное». Они не паталогичны, незабываемы, отстраненнопривлекательны, приятно-чужды, редки. Они явственно несут на себе дивную влекущую печать Тайны. Вспомним зовущую функцию Созерцателя. Это нечто вроде двери в стене из уэллсовского рассказа, где мальчик увидел себя на картинке в волшебной книжке, или власти несбывшегося в «Бегущей по волнам» Грина.

Ино-эмоции — это странные зеркала ожидания, в которых мы увидим то, чего еще не знаем. В этом для нас привлекательность настоящей фантастики, и в этом ее дивная уводяще-запредельная возможность. Именно эго разрывает круг порочной истины, вернее говоря, банальности, что все новое суть хорошо забытое старое, и превращает его в спираль памяти вперед, то есть опять же интуиции. А как известно, круги есть только в Аду, а возвращается все не на круги, а на витки своя, вверх или вниз. Когда в этой спирали обнаруживается что-то гармонично возникающее, но предварительно невиткованное, можно говорить о том, что появилось нечто действительно новое. Таков феномен фантастики и рок-музыки — принципиально новых, одновременных явлений в культуре нашего столетия, равно несводимых к своим корням. Именно они пойдут в зачет двадцатого века существования нашей цивилизации. Недаром и рок и фантастика — экстатические виды искусства, массовые и равно притягательные для людей любого уровня развития.

Тем же фантастам уже давно и хорошо известно успешно применяемое ими основное правило творения — разум не способен создать образа, которому бы не могло соответствовать явление реальной действительности. («Врешь-врешь, да и правду совершь» или «пальцем в небо».) Несмотря на внешне отрицательную формулировку, правило на самом деле избыточно положительно, ибо представляет неограниченную свободу для познания и творчества. Недаром Пирамида корнями расходится в бесконечность... Эта свобода столь велика, что начинает довлеть над ищущим сознанием и провоцирует личность к поискам исключения.

Скажем сразу, поиски бесплодны и небезопасны. Если вы все-таки нашли что-то, чего не можете себе представить, то вы либо гений, либо сами виноваты.

Одним из важнейших свойств эмоций является их цвет. Мы говорим — «тоска зеленая», «серое убожество», «черная меланхолия». При желании можно характерно окрасить одиннадцать базовых первоэмоций и их производные, и тогда в круге сферы сознания возникнет своеобразный цветок состояния. Вообще положение сознания, имеющее пусть нечеткие, но ощутимые пределы и окрашенное характерной эмоцией, является *состоянием*.

Сказанное о цвете оказывается необычайно конструктивным и продуктивным практически. Индивидуально подобранная последовательность цветовых воздействий оказывает на психику лечебное или корректирующее воздействие, помогает безболезненно анализировать даже самые критические жизненные ситуации в любой области. Но, что самое интересное, позволяет вполне доступными средствами и достаточно безопасно создавать новые личностные конструкции. (Недаром символика цвета давно и обширно известна во

многих культурах, эзотерических учениях, астрологии и прочих духовных практиках.) Таким образом, мы из обыденности вновь выходим к ино-эмоциям, только как бы «от себя». Ведь цвет является неотъемлемым свойством фактически любого объекта в окружающем нас мире, а потому без цвета невозможно представление никакого образа. Даже прозрачность является цветом, вернее, над-цветом, предназначенным для того, чтобы все остальные цвета могли где-то проявляться. В свою очередь, зеркальность — это доведенная до предела прозрачность, воспринимающая, изменяющая и отражающая все цвета и при этом обладающая цветом собственным. Какого цвета зеркало, в котором ничто не отражено?

Мы опять возвращаемся к тройственности: «подсознание — сознание — надсознание» как структурность разума; «зеркальность — прозрачность — цветность» как свойства образа; теперь скажем так «психоанализ — психореальность — психосинтез» («психо-», разумеется, от «психея» — душа, а психиатрию мы и сами не жалуем). Кроме того, перегиб цветовой плоскости создает линию, а линия очерчивает форму. Не напрасно в смысловом пространстве существует понятие формы эмоций. «Круглый дурак», например, или «тягучее ожидание», «острая радость».

Очевидно, что всякая форма звучит. Звучание — одно из характерных свойств эмоций, недаром опять же в любой культуре столь важное место занимают всякого рода звуковые практики, от примитивных строевых песен до не менее примитивной мантра-йоги. (Еще раз вспомним про рок — отнюдь не примитив, но звучащая эмоция почти в чистом виде, сопровождаемая к тому же попытками на уровне цветового ряда. Вспомним и главу из «Туманности Андромеды», посвященную звуко-цвето-симфонии — синтетическому искусству будущего.) А ведь восприятие цвета, формы, звука изначально присуще любому разуму, и именно эти сущности, пронизывая все уровни разума, делают многослойную Пирамиду единым целым, открытым миру. Иными словами, эмоции хорошо описываются, а точнее, изображаются триединым понятием звукоцветоформы.

Продолжая говорить об эмоциях, упомянем такое важнейшее их свойство, как пирамидальная иерархичность. Вещественным воплощением ее в мозгу является древнейшая часть стволовой коры мозга, унаследованная еще от рептилий (от драконов), R-комплекс, отвечающий за агрессивность, сексуальность, властность (опять троичность). Сам R-комплекс — тоже компонент тройственной системы составляющих мозга наряду с лимбической корой и неокортексом. Самый глубоко лежащий R-комплекс — это волевой кулак побуждений, лимбическая кора — это эмоции, неокортекс — купол планетария, так как именно на нем в буквальном смысле рисуется (пишется на лбу) то, о чем человек думает.

Очевиден кризис в области наук о психике. По нашему мнению, именно надсознание и должно составить будущий предмет социологии, хотя, наверное, эта наука, изменив свой угол зрения, станет называться как-нибудь иначе. Скорее всего этим путем и будет преодолен существующий ныне парадигмальный предел.

Общим для подсознания, сознания и надсознания является состояние «игольчатого шара» или просветленного всеведения. При этом мы,

конечно, не имеем в виду состояние «белого шара» — или нирваны, к которой приводят восточные медитативные практики, ибо это как раз наоборот — состояние предельной неосознанности, отказа от выражаемой Созерцателем личности. Вообще столь любезное адептам восточных философий растворение «Я» и наступающее вслед за этим блаженство нирваны есть абсурд, ибо тогда испытывать это блаженство просто некому. Вообразите себе вообще бесцветье, бесформенность, беззвучность, неадекватную тишину, — это же будет полная безобразность (а теперь переставьте ударение...). А поскольку, по указанному выше правилу, это как раз то, что за отсутствием образа нельзя вообразить разумом (или это еще не настоящая нирвана), то на этом этапе настоящий разум перестает существовать.

Наш опус, как вы, наверное, заметили, — это сплошные виткованные возвращения, восхождения к вершине Пирамиды, погружения в ее глубины, блуждания по наружным склонам и экскурсии по внутренним этажам, а также обзор ее со стороны. Можно было бы выбрать для модели другой образ — Дерево сознания, например, растущее из конуса Пирамиды как из корня. Наша Пирамида напоминает извергающийся вулкан, пламя над конусом — это ваши мысли, чувства, слова, поступки, ваши отношения с реальным миром. Внутренние стенки вулканического жерла — это уходящий в глубину конус самопознания. Магма, поднимающаяся из глубин, — это интуиция, прямое ведение, древнейший путь познания. Кипящая в кратере лава — это ваше нынешнее состояние, горение вашей души. Гул извержения — это шум бытия, сообщающий вам и миру о том, что вы еще живы. И дымом висит над жерлом вулкана Созерцатель, самый тихий и безопасный элемент в этом вечном ежеминутном катаклизме, который есть ваша жизнь.

Двадцать световых лет спустя

Сверхновая вспыхивает далеко-далеко, а свет достигает нас через многие световые годы. Перед вами, в рубрике «Двадцать световых лет спустя», как раз и предстанут те произведения, которые стали событием лет десять-пятнадцать-двадцать... назад, но до читающих по-русски доходят только сейчас.

У Стерджена (Стерджона в сложившейся издательской практике) есть, конечно, очевидный анахронизм: героиня выводит из строя лампы телевизора и радиоприемника. Но если радиосхемы с тех пор миниатюризировались тысячекратно, человеческие проблемы, к сожалению, лишь множатся и растут, растут...

Теодор Стерджен А теперь послушайте новости²⁸

Его звали Маклил. Должен, однако, признаться, что это не настоящее его имя, но ведь и рассказ — произведение фантастическое. У Маклила была хорошо оплачиваемая должность в концерне по производству — ну, скажем, — мыла. Трудился он усердно, заработал кучу денег и женился

на девушке по имени Эстер. Когда кредит за дом в пригороде был полностью выплачен, Маклил сдал дом внаем и купил второй, еще дальше от центра, потом второй автомобиль, холодильник, машинку для стрижки газонов, книгу по садовым ландшафтам и приступил к осуществлению достойной задачи — приобретению детям тех вещей, которых сам никогда не имел.

Как у всех прочих, у него были свои привычки и пристрастия (как говорится, хобби), несколько, впрочем, отличные от хобби других людей. Жене его больше всего досаждала — пока она к ней не притерпелась — привычка (а может, хобби) потреблять новости. В 8.14 он читал утреннюю газету, в 18.10 — вечернюю. Местная газетка, издававшаяся в пригороде, чтобы жителям было где поместить объявление о пропавшей собаке или о распродаже вещей, отнимала у него не меньше сорока минут послеобеденного времени. А когда Маклил читал газету, он именно читал ее, а не просто просматривал за столом. Он прочитывал сначала первую страницу, потом вторую — и так по порядку до самого конца. К книгам, которые его вообще-то не очень занимали, Маклил относился с мистическим уважением, а газеты почитал за особый род книг и поэтому поднимал ужасный шум, если в газете недоставало страниц или был какой-нибудь типографский брак. Еще он постоянно слушал программы новостей. В городе действовали три радиостанции, каждая из которых передавала новости: одна — каждый час, другая — каждые полчаса, третья давала пятиминутку в конце каждого часа, и обычно Маклилу удавалось вовремя прослушать все. Пока длились эти пять минут, он мог глядеть вам прямо в глаза, причем можно было поклясться, что он внимательно слушает, но на самом деле Маклил не слышал ни единого вашего слова. Жена болезненно реагировала на поведение мужа, но только первые пять лет. А потом она перестала прорываться сквозь сообщения о наводнениях, убийствах, скандалах и самоубийствах. Еще через пять лет она не прекращала разговор во время передачи, но это не имело значения, потому что люди, женатые более десяти лет, понимают друг друга с полуслова, а девять десятых от общего числа обычно употребляемых слов можно уже без ущерба для смысла опускать. Новости Маклил смотрел и по телевизору: в 19.30 по второму каналу и в 19.45 по четвертому.

Теперь вам может показаться, что Маклил был чудиком, закосневшим в своих привычках, питающим болезненное пристрастие к аккуратности, но это далеко не так. Этот рассудительный человек любил свою жену, своих детей, любил свою работу и не проходил мимо радостей жизни. Он был смешлив, разговорчив и никогда не задерживал счета. Свое пристрастие к новостям Маклил оправдывал множеством способов: мог привести, например, цитату из Донна — «...смерть любого человека сокращает мою жизнь, потому что я — часть человечества...» — высказывание вполне почтенное и здоровое, с которым трудно спорить. А мог заметить, что ежедневные путешествия на электричках приучили его к пунктуальности, а в вагоне он день за днем встречался с одними и теми же людьми, на работе и по дороге с работы видел те же лица; что его непосредственное окружение становилось слишком ограниченным и только новости о происходящем в мире поддерживали представление, что Вселенная все же не ограничена домом и работой, соединенными между собой железной дорогой.

Трудно точно определить момент, когда Маклил перестал нормально

реагировать на окружающее, не легче и найти тому причину, хотя, без сомнения, такая перемена в его поведении каким-то образом была связана с потоком новостей, от которого Маклил ни на секунду не отключался. Вначале изменения улавливались лишь в его отношениях с домашними — они безошибочно могли сказать, когда Маклил, вдруг преобразившись, начинал внимать новостям. «Тихо!» — говорил он, и если кто-то пытался закончить уже начатую фразу, договорить незаконченную мысль, Маклил кидался к приемнику и чуть не залезал головой в динамик. Жена и дети приучились послушно замолкать на время поступления новостей: на пять минут в конце, в начале и в середине каждого часа (когда Маклил лихорадочно переключался с одной станции на другую, с 19.30 до 20.00 — пока шел телевизионный выпуск новостей, и на сорок минут, необходимых, чтобы проштудировать местную газету. Когда он ее читал, странности были не так заметны — он просто застывал над страницами, как кататоник, до дрожи в руках сжимая уголки страниц, сжав челюсти и со свистом дыша.

Неудивительно, что Эстер приходилось нелегко, и она прилагала все усилия, чтобы вразумить мужа. Первое время он отвечал ей, мягко повторяя, что мужчина обязан быть в курсе событий; но вскоре совершенно перестал реагировать на ее речи, принимая тот вид безразличия, которым в совершенстве овладевают жители пригородов, напускающие его при замечании соседа, что он слишком рано воскресным утром включил свою машинку для стрижки газонов. В ответ не говорится ни да, ни нет, ни звука не вырывается из груди, даже голова не поворачивается к вопрошающему, слова его не вызывают и слабого движения бровей. И через некоторое время незадачливый сосед уходит восвояси. Проходит месяц-другой, и вы уже действительно обращаете на эти назойливые замечания не больше внимания, чем стремитесь выказать.

Тут придется напомнить еще раз, что легкий и отзывчивый характер Максила так разительно менялся только тогда, когда он поглощал новости. Общение с людьми доставляло ему истинную радость, даже нескончаемые рассказы детей о приключившемся с ними за день он мог выслушивать с неподдельным вниманием — редкий дар для взрослого мужчины. Житейские мелочи накрепко оседали в памяти Максила: он не забывал, что запасная шина немного спускает, что надо залить антифриз, помнил дни рождения знакомых и всегда закрывал ставни на ночь, но за меньшую осмотрительность никого не упрекал. Однако по-настоящему серьезно он воспринимал только донесенные до его глаз и ушей средствами массовой информации свежие новости — невинное увлечение, переросшее в страсть.

И тогда Эстер решила бороться с пагубной привычкой — взяв быка за рога, она после обеда лишила голоса все «рупоры новостей». В доме было три приемника и два телевизора, в которых она ничего не понимала, но она знала, чего добивалась, и поэтому спокойно приступила к делу, вооружившись твердой волей и перочинным ножом. Из каждого приемника она вынула по лампе и, чтобы не перепутать, по очереди относила их на кухню, где методически колотила основанием лампы о край раковины, стараясь при этом не расколоть баллон и не погнуть контакты, до тех пор, пока содержимое лампы не начинало свободно перекачиваться внутри. Воткнув лампы на место, Эстер привернула задние крышки как было.

Вернувшись домой, Маклил поставил автомобиль в гараж, поцеловал жену, включил радио в гостиной и вышел в прихожую, чтобы повесить шляпу. Когда он снова вошел в комнату, радиоприемник должен был уже заработать, но даже не прогрелся. Маклил покрутил ручки, постучал по корпусу, недовольно потряс и посмотрел на часы. В беспокойстве он бросился на кухню и включил маленький приемник кремового цвета. Тот быстро прогрелся и выдал чистый фоновый шум с частотой 60 Гц — и все. Маклил позабыл все манеры и закричал, что оба радиоприемника не работают (как будто и без крика не было ясно), и одним махом взлетел на второй этаж, ворвался в детскую, перебудив сыновей. Там он включил их радио и услышал те же 60 Гц, к которым добавился оглушительный треск, когда он стал стучать по корпусу. После четвертого удара приемник замолк намертво.

До этого момента Эстер точно рассчитала события, но на дальнейшее у нее не хватило воображения. Она надеялась справиться с ситуацией, которую сама же создала, но расчет не оправдался. Маклил спустился вниз походкой усталого грузчика и впал в оцепенение от пережитого потрясения до 19.30 — времени передачи новостей по телевизору. Телевизор, что стоял в гостиной, никак не собирался реагировать на включение, и вновь Маклил кинулся вверх в комнату мальчиков, опять их перебудив. На этот раз маленький заплакал. Маклил не обратил на плач ни малейшего внимания, а когда обнаружил, что изображения нет и здесь, то чуть не зарыдал сам. Но вдруг возник звук. Эстер не могла знать, работа каких ламп в телевизоре дает изображение, а каких — звук. Маклил сидел перед темным экраном и слушал новости. «Похоже, в мятежной приграничной области Индии контроль уже восстановлен», — проговорил телевизор. Гомон толпы на фоне «Турецкого марша». «И туг...» — музыка оборвалась. Нарастающий гул толпы, пронизанный воплем. Снова голос репортера: «Через шесть часов все выглядело так...» Мертвая тишина, длившаяся так долго, что Маклил протянул руку к телевизору и трахнул его по крышке. Раздались медленно нарастающие звуки музыки — Кетлби, «В монастырском саду». «А теперь более радостное сообщение: в финал конкурса на „Мисс Континуум“ вышли шесть участниц». Звуки блюза, негромкого и нескончаемого; лишь раз вмешался комментатор, со смешком произнесший: «...да, это она всерьез!» Маклил с силой потер виски. Мальчик продолжал плакать. Эстер стояла у лестницы, нервно прижимая руки к груди. Так прошли полчаса. Спустившись вниз, Маклил тихо попросил газету — имелся в виду местный листок. Эстер смело ринулась в неизвестность и прямо сказала, что ни сегодня, ни завтра, ни потом газеты не будет, потому что она ее не выписала. И тут не выдержала и откровенно призналась во всем.

Только прожив в замужестве четырнадцать лет, женщина может обращаться с мужем так круто. Она понимала, что была неправа, но логика неумолимо влекла ее вперед. А логика состояла в том, что терпеть дольше бессмысленно, поэтому терпение кончилось; отринь все сбивающее с пути истинного, не пожалей ни глаза своего, ни правой руки. Эстер слишком поздно осознала: новости настолько срослись с ее мужем, что, изгоняя их из своего дома, она прогоняла и мужа. И он ушел, а Эстер с побелевшим лицом осталась стоять, вслушиваясь в долетавшие до нее звуки: громохание двери гаража, клацанье автомобильной дверцы — беспощадно ясное, как слово «конец», завывания стартера, стон

мотора. Она сказала себе, что очень рада, вошла в кухню, сбросила ненужное теперь радио на пол и пошла в спальню, рыдая.

Но так как жизнь редко бывает похожа на четко расписанную пьесу, Эстер увидела мужа еще раз. Ночью, в семь минут третьего, она услышала неведомо откуда доносящиеся звуки музыки, которые ее по непонятной причине испугали. В поисках источника звуков Эстер на цыпочках пошла в обход дома. Не найдя ничего в самом доме, она накинула охотничью куртку Маклила и, осторожно ступая, спустилась в гараж. Как раз на выезде, где стальные балки крыши уже не влияли на прием передач, стояла машина. Не двинувшись дальше ни на метр, Маклил сидел за рулем и дремал. Музыка слышалась из встроенной в машину панели приемника. Эстер плотнее запахнула полы куртки, подошла к машине, открыла дверцу и позвала мужа по имени. Но как раз в этот момент радио проговорило: «А теперь послушайте новости...» Маклил резко выпрямился и яростно зашипел: «Чшшш!» Она отпрянула и застыла, остро переживая переход от умиротворения безоговорочной капитуляции к горечи полного поражения. Маклил захлопнул дверцу и согнулся над приемником, не отрывая руки от верньера регулировки громкости, а Эстер пошла обратно в дом.

После того как новости закончились и Маклил очнулся от ножевых ран малолетнего преступника; от корежащей агонии поезда, сошедшего с рельсов; от ужаса перед едва не случившимся крушением атомного бомбардировщика; от возбуждения министерского служащего, записного члена клуба «Не верь никому», который убеждал, что в наихудшем из нас есть частичка добра, а в наилучшем — частичка зла, — от всех этих ощущений, пережитых остро и непосредственно, он завел машину, откатив ее немного назад, потому что аккумулятор почти сел, и на самой медленной скорости поехал в город.

В платном ночном гараже ему помыли и смазали автомобиль, потом открылось кафе-автомат, и Маклил просидел три часа за кофе, сжимая челюсти до боли в зубах, изредка издавая почти неслышные стонущие звуки. В 9.00 Маклил внутренне собрался.

Почти весь день он провел в конторе юриста, пораженного распоряжениями клиента. Юрист тщательно проверил состояние его дел, подытожил баланс и остаток дня занимался оформлением купчих, обращением ценных бумаг в наличные, введением во владение, до тех пор пока дела не устроились следующим образом: у Маклила на руках оказалась приличная сумма денег, а жене оставался постоянный, также приличный, доход до момента поступления детей в колледж, после чего дом следовало продать, из прежнего дома выселить жильцов, чтобы Эстер могла туда переехать, а деньги, вырученные за продажу большого дома, присоединить к основному капиталу. Возможно, у юриста и зародилось бы сомнение в нормальности и дееспособности клиента, если бы не непринужденная веселая болтовня последнего с видом абсолютно счастливого человека — редкая и вполне приемлемая форма безумия. Вся эта сложная процедура была закончена за день. Маклил потряс юристу руку, многословно его поблагодарил и отправился к гостиницу.

На следующее утро он выпрыгнул из кровати, чувствуя себя на десять лет моложе, открыл дверь, схватил с пола утреннюю газету и скользнул взглядом по заголовкам.

Но прочитать их не смог.

В изумлении он замычал и потряс головой, осторожно прикрыл дверь

и присел на кровать с раскрытой газетой на коленях. Маклил расправлял и поглаживал ее до тех пор, пока пальцы не почернели, а текст не смазался. Будоражающие символы маршировали по странице подобно солдатам неведомого войска в незнакомой форме, идущим неизвестно откуда неизвестно куда: о цели их похода можно было только догадываться. Маклил водил мизинцем по буквам, мерил слова указательным и большим пальцами, подносил газету к самым глазам. Вдруг вскочил и подошел к столу, где под стеклом, как коллекция бабочек, лежали всякие бумажки: меню завтрака, информация о гостиничных услугах, правила выезда. Содержание их было знакомо, но прочесть их тем не менее не удавалось. В ящике стола находились канцелярские принадлежности с изображением какого-то здания и надписью под ним на нераспознаваемом алфавите, может, даже на кириллице. Бланки телеграмм, автобусное расписание, промокательная бумага были испещрены значками: может, рунами, может, иероглифами. Телефонный справочник заполняли имена незнакомцев, закодированные странными символами.

Маклил заставил себя вспомнить алфавит. «А», — ясно вымолвил он. Его голос удивленно повторил: «а?» — звук показался неестественным и странным. Глупо ухмыльнувшись, Маклил потряс головой, сначала медленно, потом более энергично. Ухмыляйся не ухмыляйся, испуг не проходил. Потом на Максила нахлынуло необыкновенно сильное чувство радости и возвращения к жизни, но все еще с оттенком страха.

По телефону Маклил попросил принести счет, оделся и спустился вниз. Вручив швейцару парковый талон и дождавшись, пока подгонят машину, Маклил сел в машину, включил радиоприемник и поехал по дороге, ведущей на запад.

Несколько суток Маклил провел в дороге в состоянии непрекращающегося леденящего и в то же время радостного испуга — испуга от катания на американских горках, от выдуманных киноужасов, — пытаясь вспомнить забытое значение надписи «стоп», которую не мог прочесть, переполняясь осторожностью при виде скрещенного знака переезда. Рестораны, однако, выглядели, как и положено ресторанам, заправочные станции — как заправочные станции. На долларовой бумажке — как всегда портрет Вашингтона, а на пяти долларах уже портрет Линкольна: различить их совсем нетрудно. Все складывалось прекрасно. Маклил ехал и ехал, пока не попал в один из гористых прямоугольных штатов. Вскоре он узнал местность, где задолго до женитьбы как-то охотился. Поехав в объезд кемпинга, Маклил через некоторое время оказался возле заброшенной хижины, в которой заночевал как-то раз во время грозы. Обветшавшая хижина еще держалась, хотя и подгнила по углам. Маклил долго бродил вокруг, заходил внутрь, потом снова выходил, тщательно запоминая все, что требовало ремонта, — ведь списка он составить не мог. А затем залез в свой автомобиль и отправился к ближайшему городку, до которого ехать тем не менее было далековато. В магазине Маклил приобрел тонкие доски, муку, гвозди, краску (всех оттенков в маленьких баночках и большие малярные банки для окраски дома), консервы и инструменты. Еще заказал складной ветряк, электрогенератор, восемьдесят фунтов формочной глины, два хлебных противня, квашню и армейский гамак. Расплатившись наличными, Маклил пообещал вернуться через две недели за заказом и продиктовал телеграмму для своего юриста, чтобы

тот перевел на адрес магазина установленные восемьдесят долларов — все назначенное им себе месячное содержание. Прежде чем покинуть магазин, Маклил застыл в удивлении перед чудовищной духовой трубой в углу, величественно покрытой пылью. Труба именовалась офиклеидом. (Читателю было бы, может, проще представить себе валторну или саксофон, в равной мере отвечающие ходу повествования, но мы врать не будем. Истинное имя Маклила изменено, название его родного города скрыто и профессия переименована, но перед ним, черт побери, был настоящий старинный медный пятидесятидюймовый офиклеид выпуска 1824 года с двенадцатью клапанами.) Владелец магазина рассказал, что его прадед привез инструмент из Старого Света и с тех пор никто на нем не играл, разве только однажды проходил мимо странствующий трубач, который решил попробовать свои силы, но позеленел после первых же трех нот и осторожно опустил офиклеид, как будто боялся взрыва. Маклил осведомился о звучании инструмента. Последовал ответ: ужасное. Через две недели Маклил заехал за покупками, заказанными в прошлый раз, кивая и улыбаясь встречным, но не произнося ни единого слова. Читать он не мог по-прежнему, а теперь не мог и говорить. Более того, пропала и способность понимать чужую речь. Он с заискивающим видом подал для оплаты стодолларовую бумажку, а потом еще одну. Владелец магазина подумал, что его покупатель вдруг спятил, оглох и онемел одновременно, сдачи не дал, но, жалеючи, подарил офиклеид. Со счастливым видом Маклил погрузил все в автомобиль и уехал. Здесь кончается первая часть истории о том, как Маклил сбился с пути истинного.

На следующее утро Эстер очутилась в странном положении. Друзья и соседи будто невзначай задавали вопросы, на которые она не знала как и ответить, а единственный человек, обладавший информацией — юрист Маклила, — обязался ничего ей не сообщать. В полном, юридическом в том числе, смысле слова муж ее не бросил, потому что обеспечил и ее и детей. Эстер тосковала, но тосковала она по прежнему, уверенному и предсказуемому Маклилу, который, по существу, оставил ее задолго до той смутной ночи, когда уехал неизвестно куда. Именно прежнего Маклила она хотела вернуть, а не эту неуправляемую странную личность с мрачным и судорожным пристрастием к новостям. Из множества непонятных черт этой личности одна выдавалась ярче других, а именно — он относился к тому сорту людей, в природе которых было уйти так, как он ушел, и оставаться вдали столь же предательским образом. Следовательно, чтобы его вернуть, не надо было его искать, ибо пока Маклил жил непонятно где, он был не тем, кого следовало искать.

Однако мир в душе не наступал. Хотя перед всеми Эстер и оставалась пострадавшей, совесть продолжала ее мучить. Она всю жизнь гордилась своей ролью хорошей жены и часто шла наперекор собственным желаниям, чтобы оставаться в этой роли. Поэтому с течением времени она перешла из области «что я должна делать» в область «что должна делать хорошая жена» и, хорошенько обдумав ситуацию, отправилась на консультацию к психиатру.

Психиатр был мастером своего дела, то есть схватывал очевидное несколько раньше других людей. Не прошло и четырех минут, как он понял, что Эстер пришла искать исцеления не для себя, а затем решил выслушать ее рассказ, прежде чем приступить к лечению. Когда Эстер

выговорила и психиатр раскопал достаточно наводящих на след деталей, он погрузился в глубокое раздумье. Мысль его, вооруженная знаниями и опытом, проникала во все тонкости случая Маклила, оценивала, стоит ли тратить драгоценное время, прикидывала возможную клиническую ценность случая и стоимость фамильного кулона с бриллиантом на шее клиентки. Он сложил пальцы домиком, склонил свою красивую молодую голову набок, пристально глянул из-под бровей на жену Маклила Эстер и принял вызов. За обещание вернуть мужа домой невредимым и психически нормальным Эстер тихо его поблагодарила и покинула приемную со смешанными чувствами.

Наш сообразительный психиатр решительно и глубоко вздохнул, затем позвонил своему знакомому собрату по профессии, попросив на время отлучки заняться двумя его другими пациентами, так как понимал, что новый случай совсем не прост и отлучка, возможно, будет долгой.

Выследить Маклила ему удалось с поразительной легкостью. К юристу он и не подумал обращаться. Незыблемым теоретическим основанием для розыска исчезнувших, пропавших и сгинувших без следа, что называется — рабочим правилом сыска, явилось положение прикладной психологии, гласившее, что человек может сменить имя и адрес, но едва ли будет менять свои занятия, в особенности — свои развлечения. Исчезнувшего лыжника не стоит искать во Флориде. Филателист вряд ли будет охотиться за бабочками. И поэтому, когда психиатр нашел среди бумаг Маклила несколько буклетов и любительских снимков времен его обучения в колледже с видами Скалистых гор и медведей, что кормились у обочины, а в особенности когда удалось обнаружить накопившиеся за много лет сувениры некоего курорта, который Маклил после женитьбы ни с женой, ни в одиночку ни разу не посещал, у психиатра возникли ценные соображения. Они послужили поводом для запроса в полицию штата, где находился этот курорт, о человеке с приметам Маклила, путешествующем на машине с номерным знаком другого штата. К запросу была присовокуплена просьба не задерживать этого человека и не сообщать ему о розыске, а только уведомить самого психиатра. Из множества заброшенных крючков рыбка попала именно на этот. Всего через несколько недель патрульная машина натолкнулась на облюбованный Маклилом магазин, и всего несколько минут потребовалось, чтобы оповестить психиатра. Он ничего не сказал Эстер, только на прощание попросил не задерживать оплату счета, и отправился в путь, захватив с собой саквояж с полагающимися его профессии аксессуарами.

В ближайшем к месту убежища Маклила аэропорту психиатр взял напрокат машину и проделал длинный изнурительный путь, все время в гору, добравшись наконец до того самого магазинчика. Интервью с владельцем магазина познакомило психиатра примерно с тысячей и восемьюстами насущных и животрепещущих тем. Он рассказал об ужасно плохом теперешнем бизнесе и о процветании в прошлом, о долгой засухе и о ее пагубных последствиях, о трагедии незаслуженных обвинений в высоких расценках, притом, что всякий, кого Бог наделил хотя бы куриными мозгами, должен был бы понять, чего стоит доставлять товары в это чертово высокогорье, где всем всего надо понемногу и нельзя завезти большую партию... Из этой словесного потока психиатр выловил и обрывки сведений, касающихся Маклила: точное указание места, где расположена хижина; факт его превращения в глухонемого, не умеющего

читать, и заявление, что он определенно сумасшедший, ведь кому в здравом уме может прийти в голову заказать 84 банки с красками разных цветов объемом в полпинты каждая, да и вообще поселиться в этих краях по своей воле?

Через некоторое время психиатр вырвался из объятий словоохотливого владельца магазина и поехал дальше, и с каждой милей местность становилась все более гористой и дикой, и психиатр молил Бога, чтобы с автомобилем чего не случилось. Но как это часто бывает, уверенности не обрел. Не прошло и десяти минут после молитвы, как в равномерном шуме мотора послышались резкие хлопки, похожие на револьверные выстрелы. Психиатр в беспокойстве съехал на обочину и выключил мотор. Звуки не исчезли, и он начал осознавать, что источник звуков был явно не в автомобиле и даже не поблизости от него, а высоко в горах. Вверх вело еще около полутора миль дороги, психиатр ехал и все больше удивлялся, потому что звуки становились все более громкими и вообще ни на что не похожими. Они несколько напоминали музыку, но привычной она вряд ли могла бы показаться даже на другой планете, не только что на нашей. Энергичное соло духового инструмента. Ноты разбежались по двум октавам: высокие дико и немзыкально скакали, средние звучали резко, зато нижние казались голосом окрестных гор, возносились до самого неба, жгли душу, выражали существо природы — просто и естественно. И самое удивительное, что гармоника были совершенны — в этом чудовищном шуме слышалась согласованность электрооргана. У психиатра был неплохой слух, и ему удалось оценить звучание и одновременно уловить, что исполнялся простенький этюд Черни для начинающих, тот самый нудный гудящий этюд: «до-ми-фа-соль-ля-соль-фа-ми-ре-соль-ля-си-ля-соль-фа-ми-соль-ля...» и далее черепашьями шажками вверх и вниз по гамме.

Психиатр увидел голубое небо почти под передними колесами автомобиля, резко вывернул руль и оказался на заросшем травой дворике перед перестроенной хижинкой лесника, которую, впрочем, заметил не сразу, так как сидящий перед ней субъект выглядел, как мгновенно определил психиатр, в высшей степени сумасшедшим.

Субъект сидел под высохшей, искривленной ветром елью, босой... до подмышек. Плечи его покрывали остатки порванной рубахи. Шляпа на голове напоминала перекосившуюся остроконечную палатку бойскаутов. Он играл или, быть может, пытался играть на офиклеиде, а на плечи ему падали иголки, сыпавшиеся с дерева каждый раз, когда он выдувал ребемоль нижнего регистра. Только мышь, на репетиции оркестра попавшая внутрь трубы, могла бы во всей полноте ощутить, что значит находиться рядом с действующим офиклеидом...

Да, это был Маклил, собственной персоной. Раздобривший, раздавшийся в боках. Увидев автомобиль, он не прекратил игру, но подмигнул психиатру, улыбнулся уголком губ, выползшим из-под мундштука офиклеида, и приветственно помахал тремя пальцами — все, что он мог себе позволить, не прерывая гаммы. Он и не прерывался, пока не закончил ее отрабатывать, после чего бережно приставил офиклеид к ели, а сам поднялся с земли. Под медленно стихающие величественные звуки, скатывающиеся с гор в долину, к психиатру пришло осознание безнадежности положения: оказаться наедине с явно ненормальным пациентом (редкого причем физического здоровья и явно нерастраченных сил) на вершине горы, с которой он едва не свалился несколько минут

назад. Тут он поспешно поднял боковое стекло, защелкнул дверцы и только тогда почувствовал себя в относительной безопасности. Но доброе, улыбчивое лицо Маклила, радушие, которое сквозило в каждой морщинке этого загорелого лица, оттеснили страх, прогнали осторожность, и, не успев сообразить, что же он делает, психиатр открыл дверцу и шагнул на траву, переполненный до краев души ясной радостью. Он обратился к Маклилу по имени, но тот либо не расслышал, либо не заметил в словах никакого смысла и просто протянул навстречу большую теплую ладонь, которую психиатр и пожал. В мозолистой руке Маклила ощущалась сдержанная сила слона, осторожно поднимающего себе на спину осыпанный блестками циркачонка. Психиатр внутренне улыбнулся своему сравнению, потому что Маклил вовсе не был особенно крупным, просто вокруг него витало ощущение уверенной и бережной силы. И, раз появившись, улыбка расплылась на лице психиатра и больше с него не сходила.

Он принялся объяснять Маклилу, что он — писатель, впитывавший всем своим существом виды по сторонам бегущей вперед дороги, которая незаметно привела его сюда... Но, не закончив своих жизнерадостных объяснений, психиатр вдруг каким-то образом осознал, что, хотя взгляд Маклила и четко сфокусирован на его лице, смысла слов он не различает: так слушают новую интересную мелодию. Казалось, Маклилу доставляло даже особое удовольствие внимать произносимым звукам — но не более того. И все же психиатр договорил свою речь. Маклил подождал немного как бы в предвкушении новых звуков, но не дождался, улыбнулся еще ослепительнее, чем прежде, и задорным кивком пригласил к себе в хижину. Психиатр последовал за хозяином, бормоча по дороге причитающиеся случаю банальности о прекрасных горных вершинах, чудном виде и т. п. Войдя в дом, он неожиданно рывкнул в безответную спину: «Вы что, не слышите, что я вам говорю?!» Но Маклил, не обернувшись, только махнул зазывно рукой.

На пороге комнаты психиатр застыл, хлопая глазами, пораженный сумятицей красочных мазков, покрывавших все кругом. Одну стену занимало огромное окно, за которым виднелись горы, колышущийся туман создавал ощущение движения. Остальные стены были завешаны белыми шенилевыми покрывалами, пол выкрашен белой краской, поэтому в комнате было даже светлее, чем снаружи. Напротив стены-окна стоял огромный мольберт, сработанный из ошкуренных шестов, в местах соединения скрученных проволокой. На мольберте красовалось громадное полотно, выполненное отчасти в манере беспредметной живописи в чистых и абсолютно несочетающихся тонах. Полотно передавало ощущение Цветового вихря, застывшего в комнате, и бесконечности, открывавшейся из окна. Детально были воспроизведены только офиклеид, похожий на загрузочную воронку какой-то адской машины, и несколько фиалок на переднем плане. Но форма (или фигура), изображенная в центре картины, вызывала отвращение, отталкивала не только зрителя, но и все окружающие ее на картине вещи и формы. Поняв, что фигура ему ничего конкретно не напоминает, психиатр почувствовал странное облегчение.

По обе стороны мольберта стояли другие картины, покрытые полосами, пятнами и пересекающимися плоскостями до боли ярких и чистых цветов. Психиатра осенило, что выполнены они были красками из тех нескольких дюжин маленьких баночек, которые так заинтриговали

владельца магазина у подножия горы.

Там и сям в видимом беспорядке были расставлены глиняные статуэтки, многие из которых стояли на невысоких деревянных подставках. Одни подставки были ошкурены, другие покрашены, выпуклости и вогнутости третьих повторялись в скульптурах, стоящих на них, а все неровности четвертых замазаны глиной. Некоторые скульптуры окрашены, другие — нет, остальные ждут очереди — так, по крайней мере, казалось. Среди статуэток можно было обнаружить абстрактные объемы, уродцев с выпученными глазами, одну сумчатую женскую фигурку, одну гитару с ногами, несколько (правда, не очень много) привычных для всякого мало-мальски сообразительного и уважающего себя психиатра символов. Мебель, как таковая, отсутствовала. Полки разной длины и высоты, уставленные ящиками с гвоздями, штуками материи, консервами и кухонной посудой, тянулись по стенам. Стол скорее походил на верстак с тисками с одной стороны и еще незаконченным, но весьма изобретательно задуманным ножным гончарным кругом — с другой.

Кровати не было видно, поэтому психиатр спросил, где Маклил спит, и снова тот отреагировал на его речь не как на полные смысла слова, а как на вереницу приятных для слуха звуков, наклонив голову набок в ожидании продолжения новой мелодии. Тогда психиатр перешел на язык знаков, положив лодочку из ладоней себе под ухо и прикрыв глаза. Когда он открыл их, Маклил энергично закивал, подошел к стене, задрапированной белой материей, и вытащил из-за складок шенили гамак, один конец которого был привязан к стене, а другой Маклил повесил на крюк, вбитый в массивный переплет стеклянных панелей окна. Лежащий в гамаке должен раскачиваться между небом и землей, подобно гробнице Магомета: небо и горные пейзажи окружали спящего со всех сторон. Но восхищение идеей угасло, как только психиатр понял, что жесты Маклила предлагают ему незамедлительно лечь в гамак; он стал осторожно отступать с восклицаниями, которые должны были довести до сознания Маклила, что его вопрос был вызван чистым любопытством, что он абсолютно не устал и не хочет спать, черт побери! Но Маклил продолжал настаивать и в конце концов сгреб психиатра в охапку и отнес его в гамак, поступив с ним как с ребенком, разводящим капризы перед отходом ко сну. Всякое желание брыкаться и спорить зыбкая сетка гамака тут же пресекала, тем более что только теперь стала ясно видна за наклоненным наружу стеклом отвесная скальная стенка высотой по меньшей мере четыреста восемьдесят футов. «Ну, ладно, если вы настаиваете...» — подумал психиатр.

Лежа в гамаке, он два часа наблюдал за тем, как Маклил слонялся без видимой цели по комнате, и мысленно пытался поставить диагноз.

Он не хочет или не может говорить: моторная афазия. Не может или не хочет понимать чужую речь: сенсорная афазия. Не желает или не может ни читать, ни писать: алексия. Что еще можно предположить?

Психиатр вновь окинул взглядом комнату, уставленную художествами хозяина. Если все эти предметы и можно было отнести к искусству, то весьма условно, да и то некоторые изделия, выглядевшие лучше других, вышли такими явно случайно. Пристальнее взгляделся во всякие штуки из серии «Сделай сам»: вертящиеся лопасти ветряка во дворе? шнур для открывания двери на расстоянии. Проследил взглядом, куда тянется бельевая веревка, свешивающаяся рядом со стойкой, к

которой был привязан гамак, и обнаружил, что она накинута на блок, по потолку доходит до противоположной стороны, где, потянув за веревку, можно открыть две длинные узкие вентиляционные щели. За шенилью просматривалась дверца, ведущая, как верно предположил психиатр, в туалетную комнату, которая нависала над пропастью, — безупречное инженерное решение для местности, где трудновато вызвать сантехника.

Маклил продолжал слоняться. Только так можно было определить его действия, более того — его действия являли собой совершенный пример того, что означало слово «слоняться», более чистого случая психиатру еще не приходилось встречать. Маклил поднимал, передвигал, опускал различные предметы, отходил назад, чтобы оценить произведенный эффект, возвращался на прежнее место, чтобы ласково погладить передвинутую вещь. Полезный, ощутимый эффект отсутствовал ~ и все же какой-то эффект был, потому что вся фигура Маклила излучала чувство глубокого удовлетворения. Долгие минуты он простоял со склоненной набок головой и с легкой улыбкой на лице, рассматривая незавершенный гончарный круг, потом развил бурную деятельность: пилил, строгал, сверлил. Законченную деталь он насадил на шпеньки, торчавшие из сооружения, погладил, как послушного ребенка, и отошел прочь, оставив работу до следующего раза, до следующей вспышки. Рашпилем он тщательно удалил нос у одной из высушенных на солнце глиняных фигурок и аккуратно заменил его на новый. И все время — полная поглощенность конкретной вещью, над которой он трудился, сосредоточенная концентрация внимания на процессе работы и всепоглощающее чувство радости. Времени хватало на все. Казалось, так будет вечно.

«Вот человек, — подумал наш сообразительный психиатр, — который укрылся от мира, замкнулся от него, но моей науке еще неизвестен подобный случай, описаний я не видел. Что мы здесь находим: человек обратился к примитиву в том смысле, что удовлетворяет свои нужды предметами, изготовленными при посредстве собственной сообразительности своими руками, но в самих потребностях нет ничего примитивного. Он постоянно трудится, чтобы достичь комфорта, к которому его приучила современная цивилизация, — ему нужны электрическое освещение, вентиляция, эффективный и нетрудоемкий способ удаления отходов. За все свои труды он не желает и не ждет никакого вознаграждения. Сооружает гончарный круг, очевидно, для того, чтобы самому лепить посуду, но собственный горшок обойдется ему дешевле, чем отштампованный на фабрике алюминиевый, только потому, что он ни во что не ставит свой собственный труд, а вовсе не потому, что дерево дешево, а глина совсем бесплатна».

«Умения у него гораздо меньше, чем энергии и желания работать, — размышлял дальше психиатр. — Его достижения в столярном деле так же, как в живописи и скульптуре, указывают на сообразительность, но на весьма умеренную подготовку и зачаточные навыки. Он может конструировать, но обрабатывать, доводить до совершенства ту или иную деталь не умеет; может рисовать, но не создавать чертежи; достигать художественного эффекта, только оставив — по ошибке или намеренно — вольное смещение, лишнюю бороздку. Поэтому, как в любой области, где властвует случай, настоящие шедевры в его работе редки и непредсказуемы. Следовательно, единственное вознаграждение и компенсация, которые обретает Маклил, заключены во внутреннем

удовлетворении — на более широкое обобщение и более конкретный вывод вряд ли кто способен».

Но что это за удовлетворение? Оно не может быть удовлетворением от обладания вещами, так как можно было бы приобрести гораздо больше, потратив гораздо меньше сил и средств. И не в достижении совершенства, так как не составляло труда понять, что Маклил мирился с вещами, весьма далекими от совершенства. Возможно, в свободе от рутинной домашней работы и вообще требований, налагаемых работой? Вряд ли, потому что, несмотря на заставленность домика, кругом ощущался своеобразный порядок, наблюдалась система. Наличие будильника также говорило о многом. Размеренность не довлела над ним — он сам управлял ею. А как же удовлетворение? Конечно же, оно должно содержаться в факте существования замкнутого цикла «сам себе» и в факте отсутствия связи с внешним миром!

Укрылся, замкнулся, ушел. Если уход в дикость и примитив, то тогда ни к чему придумывать схему вентиляции или приспособливать ускорение падения с пятисот футов в качестве спуска в туалете. Если уход в младенчество, то зачем конструировать гончарный круг? А когда замыкаются, уходят от людей, то не приветствуют первого встречного как...

Стоп.

Возможно незнакомец, который бы пришел с сообщением и нашел бы способ его передать, не был бы так радушно принят. Неприятная мысль. Рисковать случайно совершить поступок, который бы не понравился Маклилу, было бы несколько более самоотверженно, чем требовал профессиональный долг.

Маклил принялся готовить еду.

Продолжая наблюдение, психиатр вдруг понял, что этот замкнутый бессловесный субъект был счастлив, хотя и по-своему; кроме того, он выполнил все обязательства перед семьей и никого не беспокоил.

Это было невыносимо.

Невыносимо потому, что нарушало главное положение психиатрии — по крайней мере, той школы психиатрии, к которой принадлежал наш психиатр, а он не собирался смешивать свои принципы с какими бы то ни было другими ~ положение, которое гласило: «Задачей психиатрии является примирять потерявшего душевное равновесие пациента с обществом и восстанавливать либо увеличивать степень его полезности обществу». Поддаться и описать состояние этого человека как уравновешенное, значило бы оскорбить саму науку, потому что школа нашего психиатра опиралась на самое последнее слово науки, а оспаривать научность самой психиатрии было бы совершенно бессмысленно. Для того, кто ею живет и применяет ее положения, она — наука, следовательно, так оно и есть, так и должно быть. Проще говоря, то, что провозглашено правдой, должно быть Истинно, а все остальное, даже Возможное, должно отметаться и изыматься из упорядоченного набора инструментов уважающего себя психиатра. Ни одна из известных Истин не позволяла общественному существу так отречься от общества, и со своей стороны наш рассудительный психиатр не собирался благословлять это... это самоубийство!

Поэтому он должен найти способ общаться с Маклилом и довести до сознания пациента ошибочность его поведения. Избегая, однако, опасности быть сброшенным со скалы.

Тут он почувствовал, что Маклил смотрит на него и подмигивает.

Неосознанно он улыбнулся в ответ и повиновался приглашающему жесту Маклила. Осторожно спустившись с гамака, подошел к столу-верстаку, на котором в глиняных горшках дымилось какое-то варево. Горшки стояли на больших тарелках, заключенные в ободок из ровно нарезанных помидоров. Попробовав их, психиатр обнаружил, что помидоры сахарной спелости были посыпаны темно-зеленым веществом, вкус которого после тщательного анализа остаточных ощущений позволил определить его как подсоленную смесь свежего базилика и свежего чеснока. Непередаваемая симфония вкусовых ощущений.

Он последовал примеру Маклила, когда тот взял свой горшок и вышел из домика на свежий воздух, где расположился обедать под сенью старой ели. За этим неторопливым и приятным занятием у психиатра было немало возможностей оценить силы своего пациента и составить план кампании. В способе действий он теперь не сомневался, знал, как приступить к делу, теперь оставалось только не пропустить удобный случай, который не замедлил представиться. Маклил встал, потянулся и направился к дому. Психиатр дошел вслед за ним до самой двери и удостоверился, что пациент уснул, едва забравшись в гамак.

Тогда психиатр вынул из машины свой саквояж с чудодейственными средствами.

Проснувшись вечером, Маклил вышел на крыльцо, потягиваясь и позевывая, и обнаружил своего гостя у офиклеида, клапаны которого он перебирал с удивленным и заинтересованным видом. Маклил подошел, взял из его рук офиклеид с приятной улыбкой, означающей «сейчас покажу, как это делается», поставил чудовищный инструмент в исходную позицию и смочил языком внутреннюю поверхность мундштука величиной с кофейную чашку. Успев только выпятить губы от непривычного вкусового ощущения, Маклил закатил глаза и упал на землю, как сложившийся парашют. Психиатр едва успел выхватить у него офиклеид, чтобы мундштук не выбил Маклилу передние зубы.

Он аккуратно приставил офиклеид к дереву и удобно уложил Маклила. Посчитал пульс, положил голову набок, чтобы пациент не захлебнулся слюной, и снова полез в свой саквояж. Встав на колени у распростертого тела, он ввел под кожу иглу шприца и впрыснул ему смесь транквилизаторов (Френкеля, хлорпромазина и резерпина) со скополамином, повышающим внушаемость, в тщательно подобранной концентрации.

Затем принес воды и осторожно обтер губкой губы Маклила, чтобы не пришлось терять время еще на один обморок, когда пациент очнется и вздумает снова облизнуться. Делать было больше нечего, поэтому психиатр сел рядом и стал продумывать дальнейшие шаги.

Точно по расписанию, в соответствии с показаниями наручных часов психиатра Маклил застонал и слабо кашлянул. Не теряя ни секунды, психиатр твердым уверенным голосом приказал ему не двигаться. И не думать. Оставаясь вне поля зрения расфокусировавшихся глаз Маклила, он втолковал ему, что тот должен доверять стремящемуся оказать помощь и не беспокоиться из-за путаницы в голове. «Вы не знаете, кто вы и как сюда попали», — информировал он Маклила. И еще сообщил ему возраст — 37 лет, хотя на самом деле Маклилу было за сорок, — но психиатр знал, что делает.

Маклил послушно лежал, обдумывая сообщенные ему факты, и ждал

дальнейшей информации. Он знал, что должен верить этому благожелательному голосу, знал свой возраст и имя. Он лежал и мариновался в густоте этих фактов. Наркотики, не замутив сознания, сделали его послушным, податливым, доверчивым. Психиатр наслаждался этим зрелищем: «О, азациклонол, — распевал он про себя, — о, прелестный пиперидил, сильненький гидрохлорид, симпатичнейший серпазил...» Уверенным шагом он вошел в хижину, где отыскивал приличную одежду, носки и ботинки, вытряс их и натянул на своего лежащего пациента. Затем провел Маклила к машине через лужайку, все время напевая, потому что нельзя встретить никого счастливее специалиста высокого класса после с блеском выполненной задачи. Маклил откинулся на спинку кресла и с удивлением оглядел хижину, офиклеид с прощальным отблеском угасающего солнца на раструбе, но психиатр твердо сказал, что все эти вещи никакого отношения к нему не имеют, вообще никакого. Маклил с облегчением улыбнулся и перевел взгляд на пейзаж за окном. Когда они проезжали мимо магазинчика, Маклил встрепенулся, но ничего не сказал и вместо этого спросил, действует ли уже платформа Ардсмер. Психиатр мог с трудом собраться для ответа, потому что испытывал страстное желание замурлыкать, как кошка, от удовольствия: платформа Ардсмер, две остановки не доезжая родного пригорода Маклила, была восстановлена после пожара шесть лет назад, — теперь он наверняка знал, что Маклил живет мыслями тех лет, что предшествовали всем неприятностям, тех лет, когда он, конечно, мог говорить. Но обо всем этом психиатр умолчал и серьезно ответил, что станция Ардсмер снова открыта. И спросил, что еще интересует пациента?

Маклил внимательно обдумал вопрос, но так как его неожиданно возникшее любопытство было удовлетворено, а все существо пронизывала неколебимая уверенность, что в руках человека, который ведет машину, он в полной безопасности, что некоторая путаница в голове не должна его беспокоить, и так как команда не думать все еще оставалась в силе, он безмятежно покачал головой и снова принялся разглядывать дорогу, катящуюся под колеса автомобиля. «Камнепад», — вполголоса проговорил Маклил, когда они проехали соответствующий знак. Психиатр весело вел машину вниз по горной дороге и дальше через равнину, обратно к тому городку, где брал напрокат машину. Оставив там ее у железнодорожной станции («Переезд», — пробормотал Маклил), он забронировал купе на ближайший поезд. Самолет не подходил, так как не создавал интимности, необходимой для успешного завершения принятого плана, а быстрота передвижения не согласовывалась бы с почасовым графиком лечения, который психиатр решил применить.

До отправления было достаточно времени, чтобы спокойно и душевно пообедать. Затем подошел поезд, и они заняли свое купе.

Психиатр выключил верхний свет, оставив только одну лампочку для чтения, и наклонился к пациенту. Зрачки Маклила, как и положено, расширились, приспособляясь к более тусклому освещению, психиатр свободно откинулся и спросил о самочувствии. Маклил прекрасно себя чувствовал, в чем и признался. На вопрос: «Сколько вам лет?» — он ответил: «Тридцать семь», — но голос звучал несколько неуверенно.

Воздействие скополамина подходило к концу, но транквилизаторы еще некоторое время будут сдерживать желание сопротивляться чужой воле, чем и решил воспользоваться психиатр. Он глубоко вздохнул и

смело снял первоначальную установку, открыл Маклилу его истинный возраст и рассказал, где его нашел и в каком состоянии. Удивленное выражение на лице Маклила сменилось более неопределенным, которое, однако, нельзя было назвать несчастным, когда он вымолвил: «Проводник» (так гласила надпись под кнопкой на стене) — и сообщил психиатру, что теперь он может читать.

Психиатр величественно кивнул, но никак не прокомментировал это событие, предоставляя пациенту вариться в собственном соку, пока его поведение развивалось в требуемом направлении.

Маклил отрывисто потребовал ответить, почему он потерял дар речи и разучился читать. На что психиатр приподнял брови и одарил его улыбкой, означавшей «рад бы и сам узнать», потом предложил лечь спать, а все вопросы обсудить утром. Вызвал проводника застелить постели и как бы невзначай попросил принести вечерние газеты. Что тот и сделал. Никакой реакции со стороны Маклила. Задумчиво он натянул на себя запасную пижаму психиатра и лег.

То ли от того, что Маклил намеренно разбудил его, то ли от того, что поезд замедлил ход, но около трех часов ночи психиатр проснулся и почувствовал на себе застывший взгляд Маклила, который неподвижно стоял около его полки. В глаза еще бросилось, что лампа над полкой Маклила была зажжена, а пол устлан газетными листами. Ровным голосом без тени эмоций Маклил проговорил:

— Вы вроде как врач.

Психиатр признал справедливость его вывода.

— Тогда мой рассказ должен быть вам понятен, — продолжал Маклил. — Давно, когда я еще учился в колледже, мы с другом приехали в эти места покататься на горных лыжах. Произошел несчастный случай, друг сломал ногу. Осложненный перелом. Я его устроил как мог и пошел за помощью. А когда вернулся, на прежнем месте его уже не нашел. Вероятно, в беспамятстве и лихорадке он скатился со склона и упал в трещину. Два дня ушли на поиски, три — на попытки его оттуда выудить. Обморозился. Гангрена.

Психиатр старался не показывать вида, что не понимает, что к чему.

— Не забуду, как он все время заглядывал под повязки и рассматривал свою ногу, — рассказывал дальше Маклил. — Знал, что ее не спасти, но не мог удержаться, чтобы не смотреть, как гангрена ползет все выше и выше по ноге. Он не хотел смотреть, но тянуло его, потребность видеть все своими глазами была неодолима. Я пытался помешать ему, но потом пришлось даже самому сдвигать повязку, чтобы он не нанес себе увечий. Каждые десять — пятнадцать минут всего нашего долгого спуска к приюту — он длился пятнадцать часов, — мой друг заглядывал под бинты.

Психиатр пытался сообразить, что можно на такое ответить, но не смог.

— Этот Донн, Джон Донн, фразы которого я частенько повторял. Ведь я всегда так ему верил.

Психиатр принялся с ошибками цитировать известный афоризм о том, что не стоит никого посылать, чтобы справиться, о ком там звонит колокол...

— И это тоже, но в особенности: «Смерть каждого человека сокращает мою жизнь, потому что я — часть человечества». Я верил в это, — повторил Маклил. — Даже больше. Я верил, что не только смерть...

Проклятая глупость сокращает мою жизнь, потому что мне есть до нее дело. Люди, раздающие тычки таким же, как они, людям, тоже сокращают мою жизнь. Гонка всех и вся за горяченькими деньжатами принижает меня. — Он поднял один из газетных листов, потом выпустил его из пальцев, и тот отлетел в угол купе подобно зловеще огромной бабочке. — Меня сокращали с безразличной жестокостью до полного исчезновения, и я просто был обязан следить за этим процессом, как тот малый с гангреной, вот в чем дело.

Поезд совсем замедлил ход и с лязгом остановился. Маклил бросил взгляд в окно, окантовавшее картину с неоновой рекламой пива и огоньками автомобилей, придвинулся к психиатру еще ближе.

— И чтобы не исчезнуть совершенно, необходимо было оторваться от этого общества, потому что я был виноват во всем, что творилось вокруг. Так я и сделал, а теперь вот снова в него включился. — Маклил резко повернулся и пошел к двери купе. — И все благодаря вам.

Психиатр осведомился, что он теперь собирается предпринять.

— Что делать-то буду? — радостно спросил Маклил. — Теперь я, в свою очередь, собираюсь несколько сократить человечество. — И выскочил в коридор, захлопнув за собой дверь, прежде чем психиатр успел сесть на своей полке. А через секунду распахнул ее снова, всунулся в купе и проговорил самым что ни на есть спокойным и нормальным голосом:

— Но позвольте теперь обратить ваше внимание, доктор, на тот факт, что это только мое, мое собственное, личное мнение, — и исчез.

Он успел убить четверых, прежде чем его схватили.

Иан Уотсон В аквариуме плавает моя душа²⁹

Треклятый кашель. Он терзает меня каждое утро, начинаясь вместе с предраассветным ветром, который высасывает все оставшееся с ночи тепло. Именно такое сравнение приходит мне в голову — будто я сплю вовсе не в городской квартире, а в горной долине под навесом из яковых шкур. Кашляю уже больше недели — ежедневно около десяти нескончаемых минут выматывающего напряжения и конвульсий. Мэри это раздражает. Она считает, что я притворяюсь, пародируя свой средний возраст, в качестве протеста. Кашель безнадежно сухой.

Вчера вечером врач долго рассматривал горло, выстукивал и выслушивал грудь. Ничего. Гиперемия? Или инородное тело в дыхательном горле? Нет. Что-то там с пищеварением, раздражающее центр кашля? Я не замечал. Тонзиллит? Нет. Врач отправил меня на рентген, но все же остается вероятность, что права Мэри и у меня это на нервной почве. Мое существо протестует против чего-то в нашей, в моей собственной жизни.

И вот снова. Я в ванной, держусь обеими руками за твердые белые края раковины, а внутри бушует ураган — легкие выворачиваются, глаза вылезают из орбит. Чем это кончится — кровоизлиянием или сердечным приступом?

Сегодня утром — наконец-то! — что-то буквально вырвалось из груди

и упало в раковину. Довольно большое, округлое, величиной со сливовую косточку. Оно лежит на белой блестящей поверхности и шевелится.

Что это, спрашиваю себя с отвращением, смахивая слезы. Кусочек легкого, который еще продолжает дышать здесь более свежим, чем у меня внутри, воздухом? Слабо пульсирует и вздрагивает. Что же это? Утерявшая хозяина, но не прекратившая рост раковая опухоль? Или какой-нибудь неизвестный паразит? Явно что-то неведомое. И продолжает жить независимо от меня.

Как будто я породил нечто из своей груди. Некий сатанинский болезнетворный дух, которого я в перенапряжении всех сил вдруг узрел — подобно шаману, удаляющему душу болезни. Филиппинские врачеватели тоже вроде вытягивают какие-то невообразимые узелки из тела, чтобы вылечить его. Не стал ли я и сам целителем в последний момент, *in extremis*? Может, я теперь тоже могу погружать руки во внутренности страждущих и извлекать оттуда живые и извивающиеся болезни? Я дотронулся пальцем до комочка. Он сжался и отодвинулся. Да, это живое существо — или антисущество. Хватит ли у меня смелости его смыть? Или сделать ему тюрьму из спичечного коробка?

Затыкаю отверстие в раковине и напускаю теплой воды — комочек всплыл и принялся плавать кругами наподобие медлительного бесхвостого головастика.

— Мэри! Смотри скорее! Я что-то выкашлянул. Оно живое.

Мэри вошла и заглянула в раковину.

— Видишь, Мэри? Вон оно! — Я дотронулся до комочка, он закувыркался в теплой воде, потом выправился. — Ты ведь видишь его? Скажи, что видишь? Оно только что было во мне. И живет.

— Ну, вижу.

— Может, это душа болезни и мне удалось наконец от нее избавиться?

— Не думаю, Том, — сказала она, чуть отступив и изменившись в лице, — Ты разве не понимаешь? Это же твоя душа. Ты потерял душу.

— Моя душа? Шутишь, что ли? Как *это* может быть моей душой?

Жена отступила еще дальше, отдаляясь, как бы отделяясь от меня. Ванная комната стерильно белая и клинически чистая — как операционная. Комочек в раковине делает еще один круг и на секунду выпрыгивает из воды.

— Чем еще это может быть, Том? Что другое живет в тебе? Что еще ты можешь потерять? — Она внимательно вглядывалась мне в лицо. — Теперь у тебя нет души... Ведь она невелика по размерам и прячется внутри каждого человека. Ее никому не удастся обнаружить, потому что она умело маскируется и мастерски прячется. Ей ни к чему иметь определенные размеры и протяженность, пока атомы души правильно распределены по телу — один в пустой клеточке, другой в следующей. Но твоя душа собралась в сгусток, сконденсировалась, сжалась — и ты отторг ее. Потерял.

— Но, — я снова, теперь с робостью, трогаю пальцем перемещающийся комочек, — почему ты так уверенно говоришь! Что тебя так убеждает?!

— А ты уже не испытываешь уверенности? Это потому, что ты потерял то, что придает силы, веру, убежденность. Я *знаю*. Мое существо душа наполняет по-прежнему. А твоя вот уже несколько месяцев стягивалась и сжималась. Она ушла из твоих губ, сердца, кончиков

пальцев. Из глубины глаз — из глубины души. Все это время она уплотнялась и отступала вовнутрь. Да, дорогой, я знаю.

— Ну ладно, — обхватываю я края раковины, — допустим на минуту, что это моя душа. Что будет, если я ее выловлю и проглочу? Обрету ли я ее вновь таким образом?

Живой комочек делает сальто, погружается, потом медленно всплывает. Непохоже, чтобы у него были какие-либо органы чувств. Ровный и гладкий. Может ли он поглощать пищу? Или чистую энергию?

— Удастся ли мне воссоединиться с ней?

— Вряд ли. Теперь она слишком плотна. Ты просто съешь ее и растворишь желудочным соком. Дети уже не часть родителей, мать не может воссоединиться со своим ребенком, ты не можешь вновь обрести свою... Словом, — жена пожала плечами, — у твоей души теперь своя дорога. Она ушла от тебя, Том.

— И ты так можешь шутить? Ты меня действительно так ненавидишь? Неужели все эти годы ты скрывала ненависть ко мне?

— Ненависть, дорогой мой, неприложима к тому, кто потерял душу, так же как и любовь. И вообще, как можно любить или ненавидеть это? Но жизнь продолжается. Тебе придется присматривать за ней, Том.

На нашем баре стоит пустой круглый аквариум. Когда-то в нем жили золотые рыбки, а теперь плавает кустик анемон, да и тот искусственный. Прожив недолго, рыбки умерли, наверное от одиночества, если рыбы могут быть одиноки. А может, от пустоты, от ужаса перед пустым искривленным миром, как бы завернувшись на себя. Беру аквариум, выкладываю анемоны на стол — и кидаюсь в ванную, внутренне содрогнувшись от мысли, что Мэри выдернула пробку и утопила *меня*. А Мэри уже в спальне, напевая, красится. Зачерпываю горсть воды с душой, бережно переносу в аквариум, доливаю его доверху и ставлю рядом с забытой коробочкой с дафниями, оставшимися от золотых рыбок. Может, мне ее дафниями покормить? Рта у нее, похоже, нет.

— Мэри, я пустил ее плавать в аквариум. Будь добра, не задень случайно. О боже, я же опаздываю. А надо ли мне идти на работу в тот день, когда я потерял душу?

— Не волнуйся, Том, все будет как обычно. Сегодняшний день ничем от других не отличается. А ведь правда, душа в интерьере смотрится лучше коллекции минералов?

Да разве можно украсить комнату амебой? Вот она плавает там посередине огромной амебой, не обращая на меня ни малейшего внимания. Прощай на время, моя душенька, я вернусь к тебе к шести. Не скучай. Не делай ничего такого, чего не делал бы я.

Слегка вращаясь и пульсируя, душа совершает еще круг.

Мэри сделает прическу, прихорошится, купит вино и все остальное к сегодняшнему ужину, на который приглашены Тони и Ванда Фитцджеральд. Наверное, будут артишоки, жаркое и клубника.

Я иду на работу. А душа моя остается дома.

Интересно, если Мэри поставит аквариум на огонь, почувствую ли я, что меня варят живьем? Донесется ли до меня ее боль?

Но боль не приходит. Напротив, как ни пытаюсь я уловить в себе что-то необычное, ощущать я стал даже вдвое меньше. Погрузился в близкую небытию нейтральность. Дела идут своим чередом. Ленч с клиентом — замечает ли он, что у меня нет души? Похоже, нет. Хотел бы я знать, есть ли у кого-нибудь, кроме меня, душа, — может, только у меня и была?

Повинуясь внезапному импульсу, после ленча захожу в церковь. Звоню в колокольчик, задергиваю занавеску исповедальни. Думаю, что делаю все как следует — раньше никогда не пробовал.

— Слушаю, мой сын.

— Отче, не знаю уж как вас правильно называть и что надо делать в подобных случаях. Никогда раньше не был в исповедальне...

— Если вы внезапно почувствовали зов, то существует веская причина. В чем она?

— Отче, я потерял свою душу.

— Ни одна душа не утеряна для Господа, сын мой.

— А моя утеряна. Ну, не совсем. В каком-то смысле она еще у меня, но больше не во мне...

Все зря. Неверной походкой я двинулся дальше.

Работа.

Дом.

Прическа Мэри подчеркнута изысканна. Аромат полынного соуса проникает в ноздри, и я спешу к бару, пытаюсь унять сердце, заколотившееся от абсурдной мысли — не нашинковала ли она мою душу в соус вместе с листьями эстрагона. Я стал так уязвим, расставшись с душой, и в то же время до странности равнодушен к ней... Но — ничего страшного. Душа по-прежнему вяло кружит. Я зачем-то снова дотрагиваюсь до нее. Она погружается и выныривает, как желе.

Приезжают Тони и Ванда. Разливаю джин и виски.

— А это что? — спрашивает Ванда, указывая пальцем на аквариум.

— А... Это душа Тома, — радостно улыбается Мэри.

Все хихикают. Я тоже.

Мы садимся. Едим, пьем. Беседа течет наилучшим образом, даже с блеском. Воздух наполняется сигаретным дымом. Когда очередь доходит до кофе со старым румынским свекольным ликером, Мэри ставит аквариум с моей душой на стол. Душа плавает. Тони дает ей маслину на вилке. Душа сталкивается с маслиной одинакового с ней размера и отклоняет подношение — а как бы она его съела? Когда Тони вытаскивает маслину из аквариума, я с напряженным вниманием слежу за его рукой — как бы он не вытянул вместо маслины душу. Но все в порядке.

— А ведь это действительно его душа, — говорит Мэри. — Но не думайте, что она чувствует, мыслит или вообще что-то может делать: она просто существует.

— Сущность. Как экзистенциально! — кивает Тони.

Через некоторое время душу снова переставляют наверх. Там она беззвучно продолжает свое кружение.

Немного погодя ее присутствие явно начинает угнетать всех. Тони и Ванда уходят раньше обычного, бормоча извинения. Удручающее зрелище — душа без прикрас. Вот если бы она была с переливающимися всеми цветами радуги крыльями — тогда другое дело. Или бы сладкозвучно пела. Или порхала бабочкой... Но — увы. Это чудо из чудес, это потрясающее явление так мало и примитивно, слишком похоже на головастика. Нет места удивлению и откровению. Где ужасное чувство потери самого сокровенного? И вот почему я теперь абсолютно уверен, что в аквариуме действительно плавает именно моя душа. Совершенно для меня потерянная, настолько окончательно, что меня с ней не связывает ни ниточка благоговения, ни паутинка предсмертного страха.

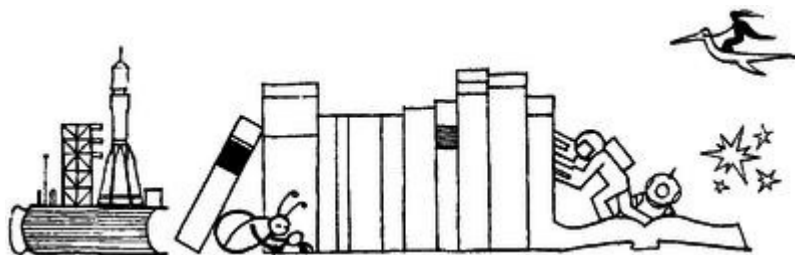
Такова природа истинной потери. Невосполнимой потери. Без всякой

надежды на воссоединение. Значит, верно, что я потерял душу. Вот она передо мной — беспомощно маленькая.

Мэри моет тарелки, а я сижу и с безнадежной терпеливостью наблюдаю, как бесформенная, безглазая, безротая душа совершает бесконечные круги, временами ныряя и поднимаясь к поверхности тепловатой водицы в аквариуме.

О, душа моя, душа моя.

Обзор

Ольга Спицына Фантастика в книжных сериях

В сравнительно недавнее время, когда еще не было СНГ, а была единая страна СССР с единым планированием и политикой в идеологической сфере, к коей относилось книгоиздательское дело, — в те времена зарубежной фантастики на русском языке издавалось крайне мало. Причины тому вполне очевидны — будущая жизнь человечества по большей части изображалась не в соответствии с целями и задачами коммунистического строительства, и еще встречались в ней и секс, и прочие излишние свободы, и зачастую весьма критическое отношение к «совку». Словом, идеологически опасная литература. Немногие ее образцы — «произведения прогрессивных западных писателей» — непременно снабжались должным комментарием, зачастую сокращались в сомнительных на тогдашний взгляд местах (так бесследно исчез весьма важный «социологический» фрагмент в «Космическом госпитале» Дж. Уайта в издании «Мира»), или происходили еще более смешные вещи — неоднократно издававшийся роман К. Саймака «Всякая плоть — трава» («All Flesh Is Grass») долго и упорно до 1992 года именовался «Все живое...». Можно подумать, что средний советский читатель настолько был искушен в богословии, что смог бы опознать цитату из не самой известной книги Нового Завета (1-е Послание Петра, гл. 1, ст. 24). А опознав, вдруг взял бы да и пошатнулся в своем убежденном атеизме...

Однако даже в те скудные на фантастику времена кое-что выходило. Читателям и почитателям этого жанра, несомненно, памятна молодогвардейская библиотека фантастики, выпускавшаяся с 1965 года. Довольно-таки регулярно переводные произведения появлялись в Альманахах (позднее — Сборниках) научной фантастики издательства «Знание», известных как НФ с номером и выходящих по сю пору. Отдельные авторские книги (А. Азимова в 1990 году и ранее К. Саймака в 1988-м) и коллективные сборники («Безжалостное небо», 1988 и «Ключи к декабрю», 1991) выходили в серии «Мир приключений» издательства «Правда». Наконец, отдельные публикации зарубежных авторов

включались в молодогвардейский ежегодник «Фантастика», а в более поздние времена — в альманахи «Гей», «Океан», «На суше и на море». Изданием отдельных книг изредка грешили самые разные издательства, вплоть до Политиздата, но предметом нашего обзора на сей раз является регулярный выпуск фантастики в виде книжных серий.

Безусловным лидером дорыночного периода в этой области было издательство «Мир». С 1965 года и до сих пор выходит известная серия «Зарубежная фантастика» — хорошо знакомые каждому любителю маленькие квадратные книжечки, что покупались с рук, по знакомству и с переплатой, выменивались на «макулатурные» издания и даже подчас похищались из библиотек. От одного до семи-восьми названий ежегодно, составленные трудами лучших отечественных переводчиков, эти сборники донесли за тридцать лет до нашего читателя произведения Азимова и Саймака, Кларка и Шекли, Андерсона и Ле Гуин и многих других дотоле неизвестных у нас зарубежных мастеров, зачастую впервые открывая нам их имена: Р. Желязны, Ф. Саберхагена, Э. Нортон. Некоторые книги этой серии — «Андромеда» Ф. Хойла и Дж. Эллиота (1966) и «Пиршество демонов» (1968) в 1990–1991 годах были переизданы Забегая вперед, скажем, что на основе своих же старых изданий в 1989 году «Мир» начал выпуск параллельной фантастической серии «Избранное» — капитальные, большеформатные, в твердой обложке авторские тома А. Азимова, А. Кларка, Дж. Финнея, Р. Шекли, Б. Бовы, У. Ле Гуин. Качество перевода, справочный аппарат, полиграфическое исполнение позволяют считать фантастические издания «Мира» в своем роде каноническими.

В 1992 году на основе сборников «Мира», отдельных томов молодогвардейской «Библиотеки» и публикаций зарубежного раздела НФ «Знания» была выпущена в бумажной обложке недорогая по нынешнему времени и вполне качественная «Библиотека американской фантастики» в 14 томах, в которую вошли авторские тома А. Азимова, Г. Гаррисона, У. Ле Гуин, К. Воннегута, А. Бестера, Ф. Брауна и У. Тенна, К. Саймака и других мастеров. Издание осуществило МП «Все для Вас» большим тиражом (порядка 100 тыс.), и в начале 1994 года эти книги еще были в продаже.

С изменением экономической и идеологической обстановки на территории бывшего Союза в издании зарубежной, и прежде всего англоязычной фантастики наступил истинный бум. С 1990 года и, старые издательства, и новообразованные МП, СП, ТОО, АО и прочие издательские предприятия принялись наперебой выпускать старые и новые книги уже признанных у нас и отдельных неизвестных авторов — к счастью для читателя и, видимо, не без коммерческой выгоды для себя. И теперь широчайший выбор фантастики представлен у любой станции московского метро снаружи и внутри в любой день и в любую погоду. Правда, наиболее распространены разнообразные издания все тех же патриархов и классиков, ныне покойных Азимова, Саймака, Уиндэма, Хайнлайна, Толкиена и еще здравствующих Гаррисона, Желязны, Нортон. Это, пожалуй, наиболее издаваемые на русском языке фантасты. Эпопея о Крысе из нержавеющей стали Г. Гаррисона в разных переводах и под разными названиями выдержала в 1991–1993 годах, по нашим подсчетам, 14 изданий — в Москве, Риге (по 3), Твери (4), Баку, Тбилиси, Нальчике. Одновременное параллельное издание одной и той же книги или цикла книг — довольно частое современное явление при отсутствии единых

издательских планов в условиях свободного рынка. За те же годы около десяти раз каждый были выпущены циклы Э. Нортон «Колдовской Мир» и Р. Желязны «Хроники Амбера». Кстати, осенью 1991 года тбилисское издание «Амбера» — двухтомник с белым единорогом на обложке — был на московских развалах самой дорогой книгой, обогнав в цене даже «Унесенных ветром». Вообще же фантастические книги постоянно дорожают, но спрос на них пока сохраняется.

Что же касается серийной фантастики, то здесь наиболее серьезными по качеству и количеству выпускаемой продукции мы считаем три издательства.

Во-первых, петербургский «Северо-Запад». В 1991 году стала выходить серия книг «fantasy» (серийный знак — перевернутая геральдическая лилия). Первоначально книги выходили под номерами, позднее нумерация исчезла, зато появилась суперобложка с единым оформлением. Эта серия отличается всегда высококачественным переводом, хорошим полиграфическим и художественным исполнением. Уже увидели свет классические произведения данного жанра — «Властелин колец» (в двух вариантах — тысячестраничный том с брошюрой-приложением и трехтомник в коробке), «Хоббит» и «Сильмариллион» Дж. Р. Р. Толкиена, «Волшебник Земноморья» У. Ле Гуин (первое полное русское издание), «Хроники Амбера» Р. Желязны, «Колдовской Мир» Э. Нортон, «Повелители мечей» и «Рунный посох» М. Муркока, трилогия о Драконе Э. Маккефри и многое другое. Дополнением к переводным произведениям послужил недавний двухтомник «Кольцо тьмы» русского фантаста Н. Перумова, в котором продолжена история толкиеновского Средиземья.

Кроме того, с 1992 года «Северо-Запад» выпускает серию авторских однотомников научной фантастики под знаком дракона, закусившего собственный хвост. Среди них две книги Э. Рассела, сборники Р. Шекли, П. Андерсона, У. Ле Гуин, Ф. Пола, Е. Жулавского.

Во-вторых, в Нижнем Новгороде развивается проект «Фата-Моргана». Книги с этим знаком появились в 1991 году и составили три серии. В первую входят коллективные сборники под номерами (вышли по восьмой включительно). Вторая — цикл авторских книг, таких, как «Мир-кольцо» Л. Найвена, «Миллион завтра» Б. Шоу, «Non Stop» Б. Олдисса, «Язва» Н. Хеннеберг. Третья серия — коллективные сборники с названиями («Живой металл», «Огненный Столб», «Другие тени Земли»), также помеченные знаком «Фата-Морганы». Издателями числятся нижегородские фирмы СП ИКПА, «Флокс», «Флокс-2» и «Нижкнига». Книги «Фата-Морганы» особенно интересны тем, что содержат «свежие» произведения, ранее не публиковавшиеся на русском языке, и почти никогда не дублируют продукцию других издательств.

Третьим лидером свободного книжного рынка является зарубежный издательский центр — рижский «Полярис» («Polaris»), который, несмотря на все нынешние сложности российско-латвийских отношений, выпускает солидные русскоязычные серии переводной фантастики — видимо, в странах Балтии привыкли читать американскую фантастику по-русски, да и на экспорт эти книги идут, регулярно появляясь на московских развалах. В подготовке же этих книг активно участвуют российские переводчики.

С 1992 года «Полярис» выпускает нумерованные выпуски серии «Мастера фантастики», количество которых уже превысило два десятка.

Среди них циклы о Стальной Крысе и Мире Смерти Г. Гаррисона, эпопеи А. Азимова о Роботах и о Счастливчике Старре, ранее неизданные произведения Дж. Уиндэма, К. Саймака. Кроме того, с 1993 года «Полярис» предпринял выпуск сразу четырех серий с общим серийным оформлением под общим названием «Миры Айзека Азимова», «Миры Роберта Хайнлайна», «Миры Гарри Гаррисона», «Миры Клиффорда Саймака», по сути являющиеся собраниями сочинений этих авторов. В среднем «Миры» каждого из писателей доведены уже до десятого-двенадцатого тома.

С некоторых пор именно Роберту Хайнлайну более других везет на русские переводы. Не говоря об отдельных публикациях, кроме рижских «Миров Роберта Хайнлайна» в Москве с 1992 года трудами МП «Форум» и фирмы № 2 «Техномарк» независимо издается собрание его произведений, и вышел уже двенадцатый том. Сама же серия называется «Stella».

Отмечается издательская активность и в других странах СНГ. В Минске в 1989 году в Университетском издательстве основана серия «Галактика», выпустившая, в частности, уже два издания сборника фантастического детектива «Обнаженное солнце», снабженного соответствующей библиографией (составитель А. Каширин). Довольно много русскоязычных серий выходит на Украине. Только из Киева поступают книги серий «Vega» (Зовшторгвидав Укрази, авторские сборники Р. Силверберга, Ф. Ж. Фармера и других), ДФП — «Детектив, фантастика, приключения» («Свенас», также авторские сборники), наконец, уже поступил в продажу в Москве одиннадцатый том из киевской же серии «Зал славы зарубежной фантастики» издательства МСП «Альтерпресс». А в Одессе ТПО «Хайтех» в 1990-1991 годах осуществило выпуск серии «Мастера фантастики» (не путать с одноименной серией рижского «Поляриса»), включавшая небольшие авторские сборники писателей такого класса, как Шекли, Хайнлайн, Саберхаген, каждый сборник при этом состоял из романа и двух-трех ранее не публиковавшихся рассказов.

Кишиневское издательство «ЭЯ» с 1992 года опубликовало уже более двадцати толстых нумерованных выпусков серии «Зарубежная фантастика», среди которых, в частности, «Хейнский цикл» У. Ле Гуин, сборники Дж. Уиндэма, К. Лаумера, двухтомный «Колдовской Мир» Э. Нортон. К сожалению, ни переводы, ни полиграфическое качество, ни оформление этих книг явно не соответствуют уровню самих произведений и весьма невысоки.

Центром же издательно-фантастической активности кроме Петербурга и Нижнего Новгорода остается, конечно, Москва. Вот только некоторые из серий, выходивших в последние годы в столичных издательствах:

Фантастика и приключения. Спасатель, 1990.

Детская фантастика. Грифон, 1991.

Антология мировой фантастики и приключений. Профиздат, 1991.

Альманах «ФанДет-Экспресс» (12 выпусков в год). Транс Ф, 1991.

Карманная библиотека и библиотека Атлас (лауреаты премии «Хьюго»), ДО Глаголь, производственно-издательская группа «Белый отряд», 1991.

Альманах «Три Ф». Улей, 1991-1992.

Координаты чудес. ТКО АСТ, 1992.

Избранные фантастические произведения (в Т. ч. собрание сочинений Э. Нортон). Зеленоградская книга, 1992.

Библиотека Асмодея. Крим-пресс, 1992.

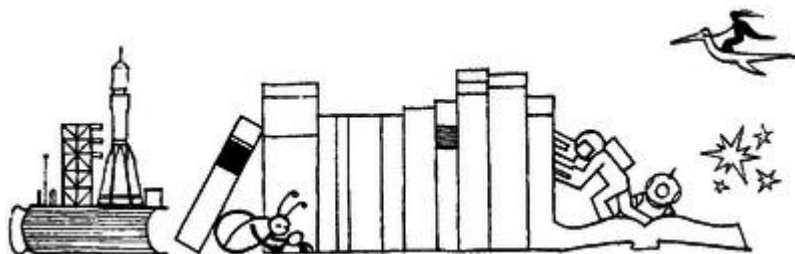
Мастера американской фантастики. ПОО Фабула, 1993.

Новинки SF & Fantasy. Amex Ltd. АО Лорис, 1993.

Весьма плодотворно работает и российская периферия. Заслуживают внимания номерные тома в «Библиотеке фантастики» («Гермес», Ростов-на-Дону), авторские сборники серии «Гелиос» — «Мир фантастики» («Пересвет», Тула совместно с Нижкнигой, Н. Новгород) и «Библиотека приключений» карманного формата, выпускаемая под номерами пермским «Янусом», где особое внимание уделено А. Мерриту.

А еще выпускаются тематические серии «Монстры Вселенной», «Звездные войны», литсценарии известных фантастических фильмов под рубрикой «Шедевры Голливуда», наконец, пришел к русскому любителю ужасов мастер и классик Стивен Кинг почти во всей своей полноте. К сожалению, прервались выпуски издательства «Прометей» «Англо-американская фантастика XX века» и «Либриса» «Сирена» (избранная фантастика OMNI). Кому-то везет в эпоху свободного рынка, кому-то нет. Но тем не менее общее количество фантастических серий приближается к сотне. Перечень серий будет дан в библиографическом разделе ближайших выпусков нашего журнала. Работают переводчики, работают издатели, развивается конкуренция, продолжается торговля в переходах, на вокзалах и в метро. А потому к этой области российского книгоиздательства мы еще вернемся.

Библиография

Татьяна Добрусина

Англоязычные фантасты в русских переводах (библиография) 1993. часть 1

Представляя библиографию англоязычной фантастики в русских переводах, выпущенной издательствами России и стран ближнего зарубежья в 1993 году, хотелось бы сделать несколько предварительных пояснений и замечаний.

Библиография составлена по материалам «Книжного обозрения», «Книжной летописи» и по фондам Российской Государственной библиотеки.

В первую ее часть (А-Г) включены сведения, вошедшие в указанные источники до 30 апреля 1994 года.

Некоторые издательства перечисленные источники игнорируют. Сведений о таких книгах в библиографии, к сожалению, нет.

В библиографию включены авторские книги и сборники англоязычной фантастики. Впоследствии редакция предполагает выпустить «Дополнение» к данной библиографии, куда войдут книги, сведения о которых поступят после 30 апреля 1994 года, список произведений англоязычной фантастики, напечатанных в различных сборниках, и список серий, включающих в себя англоязычную фантастику, выпускаемых различными издательствами.

В связи с тем, что существует известная разноречивость в русском написании фамилий англоязычных авторов разными переводчиками, составитель счел полезным дать в своем списке сначала наиболее распространенную русскую форму, в скобках английское написание и в разрядку — форму переводчика (там, где она отличается от распространенной).

И наконец, последнее.

Возможно, часть наших читателей сочтет неоправданным включение в библиографию некоторых названий и, наоборот, отсутствие в ней произведений, относящихся, по их мнению, к разряду Fantasy.

Вопрос этот спорный.

Провести четкую границу между Fantasy, с одной стороны, и мистикой, «ужасами» и триллером — с другой, порой очень трудна. Все замечания и возражения на эту тему будут с интересом изучены редакцией.

Мы также будем благодарны и за все дополнения к нашей библиографии. Пишите нам.

Составитель

1. Азимов (Asimov) А. В 2 т. Т. 1. — Иркутск: Вост. — Сиб. кн. изд-во, 1993. - 382 с. 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Стальные пещеры; Обнаженное солнце.

2. Азимов А. В 2 т. Т. 2. — Иркутск: Вост. — Сиб. кн. изд-во, 1993. - 351 с. 50 000 экз.

Содерж.: Роман: Камешек в небе; Рассказы: Тупик; Хозяйка; Каждый — исследователь; Хомо Сол; Мнимые величины; Черные монахи пламени.

3. Азимов А. Звезды как пыль: Романы /Сост. А. Бобит, С. Гизель. — Ростов н/Д.: Гермес, 1993. - 480 с. — (Б-ка фантастики; Т. 3/1). 50 000 экз.

Содерж.: Звезды как пыль; Космические течения; Галька в небе.

4. Азимов А. Конец Вечности; Сами боги: Романы /Пер. Н. Гурова, Г. Гуревич, Ю. Эстрин; Авт. послесл. Г. Гуревич. — М.: ВИТА, 1993. — 480 с. Без тиража.

5. Азимов А. Край Основания; Основание и Земля: Романы. — СПб.: ОРИС, 1993. - 525 с. — (Сфинкс). — Продолжение романа «Второе Основание». 50 000 экз.

6. Азимов А. Лаки Старр — Космический Рейнджер: Т. 1: Романы /Пер. Д. Арсеньев; Авт. предисл. Ю. Баталин. — Пермь: Кн. мир, 1993. - 335 с. — (Boys club). 100 000 экз.

Содерж.: Космический Рейнджер; Лаки Старр и пираты астероидов; Лаки Старр и океаны Венеры.

7. Азимов А. Лаки Старр — Космический Рейнджер: Т. 2: Романы /Пер. Д. Арсеньев. — Пермь: Книжный мир, 1993. - (Boys club). 320 с. 100 000 экз.

Содерж.: Лаки Старр и большое Солнце Меркурия; Лаки Старр и

спутники Юпитера; Лаки Старр и кольца Сатурна.

8. Азимов А. Немезида: Роман /Пер. А. Андреев. — М.: Мир, 1993. - 464 с. — (Зарубежная фантастика). 50 000 экз.

9. Азимов А. Песчинка в небе: Роман /Пер. А. Андреев. — М.: Мир, 1993. - 320 с. — (Зарубежная фантастика). 30 000 экз.

10. Азимов А. Транторианская империя: Романы /Пер. К. Петров. — М.: Вече; АМЕХ, 1993. - 478 с. — (Б-ка «Вече»). 100 000 экз.

Содерж.: Камешек в небе; Звезды как пыль.

11. Андерсон (Anderson) П. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1 /Пер. Ю. Руфин. — М.: Фабула, 1993. — 448 с. — (Мастера амер. фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Нелимитированная орбита; Звездный лис; Гетто; Еутопия; Свет; «Светозарный»; Последнее чудовище; Конец пути.

12. Андерсон П. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3 /Пер. Ю. Руфин и др. — М.: Фабула, 1993. - 416 с. — (Мастера амер. фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Крестоносцы неба; Экран; Царица ветров и тьмы; Патруль времени; Государственная измена; Задержка в развитии.

13. Андерсон П. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. — Ангарск: Амбер, Лтд; М.: Сигма-Пресс, 1993. - 480 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 50 000 экз.

Содерж.: Мир Сатаны; Люди ветра; Ночное лицо.

14. Андерсон П. Восставшие миры: Сборник. — Тула: Пересвет; Н. Новгород: Фрегат, 1993. - 575 с. — (Гелиос. Мир фантастики). 100 000 экз.

Содерж.: Восставшие миры; Зима мира; Сломанный меч.

15. Андерсон П. Коридоры времени: Романы, повесть /Пер. Соловьев, М. Гишинский, М. Коркин, Н. Емельяникова. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 638 с. — (Научная фантастика). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Коридоры времени; Патруль времени; Настанет время; Повесть: Человек, который пришел слишком рано.

16. Андерсон П. Круги ада; Восставшие миры: Романы. — М.: Топикал, 1993. - 448 с. — (Любителям фантастики. Клуб «Золотое перо»). 30 000 экз.

17. Андерсон П. Три сердца и три льва; Операция «Хаос»: Романы /Пер. И. Труфанов и др.; Сост. А. Бобит, С. Прус. — Ростов н/Д.: Гермес, 1993. - 400 с. — (Б-ка фантастики; Т. 1). 100 000 экз.

18. Андерсон П. Царица ветров и тьмы: Рассказы. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 575 с. 200 000 экз.

Содерж.: Цель высшая моя — чтоб наказание преступленью стало равным; Еутопия; Бесконечная игра; Нет мира с королями; Сестра Земли; Сокровища марсианской короны; Убить марсианина; Зовите меня Джо; Поворотный пункт; Зеленая рука;

Царица ветров и тьмы; День причастия; Задержка в развитии; Далекие воспоминания; Мародер; Быть трусом; Лакомый кусок; Самое долгое плавание.

19. Асприн (Asprin) Р. Еще один великолепный миф; Мифо-толкования; Мифо-указания. — М.: ГРИФ-Ф; Зевс, 1993. - 543 с. — (Коллекционная фантастика; Т. 2). 100 000 экз.

20. Асприн Р. Удача или Миф; Мифические личности; Маленький Мифо-заклад /Пер. В. Федоров. — М.: ГРИФ-Ф, 1993. - 447 с. — (Коллекционная фантастика; Т. 3). 50 000 экз.

21. Балмер (Bulmer) К. Мир демонов: Романы /Авт. послесл. В. Гаков. — Ангарск: Амбер, ЛТД; М.: Сигма-Пресс, 1993. - 315 с. — (Англо-

амер. фантастика XX века). 100 000 экз.

Содерж.: Мир демонов; Длинная тень Земли; Странное шоссе.

22. Берега смерти: Сб. романов /Пер. Л. Ворошилова, В. Курганов, Г. Палагута; Сост. К. Андреев. — М.: РИПОЛ, 1993. - 383 с. — (Joker book). 100 000 экз.

Содерж.: М. Муркок. Берега смерти; Р. Желязны. Джек из Тени; П. Энтони. Сое по прозвищу Веревка.

23. Беркли (Berkeley) Дж. Парк юрского периода: Миллионы лет спустя; Уоллес Э., Купер М. Кинг Конг. — М.: Эрика, 1993. -460 с. — (Бестселлеры Голливуда). 150 000 экз.

24. Берроуз (Burroughs) Э. Р. Великий воин: Романы. — СПб.: ФМБ «Пирал»; ИКА «Тайм-аут», 1993. — 302 с. — (Мастера приключенческого жанра. Фантастика). - 9-я и 10-я кн. из сер. романов «Марсиане». 110 000 экз.

Содерж.: Искусственные люди Марса; Лана из Гатола.

25. Берроуз Э. Р. Венериана: Сер. романов: В 2 т. Т. 1. Кн. 1-2 /Пер. Б. Гедройц и др.; Авт. предисл. Ю. Романов. — СПб.: Изд-во «Акация»; ТОО «Орис», 1993. — 304 с. — (Из наследия Эдгара Райса Берроуза). 50 000 экз.

Содерж.: Пираты Венеры; Затерянные на Венере.

26. Берроуз Э. Р. Венериана: Сер. романов: В 2 т. Т. 2. Кн. 3-5 /Пер. Б. Гедройц и др.; Авт. предисл. Ю. Романов. СПб.: Изд-во «Акация»; ТОО «Орис», 1993. - 384 с. — (Из наследия Эдгара Райса Берроуза). 50 000 экз.

Содерж.: Карсон с Венеры; Побег на Венере; Колдун с Венеры.

27. Берроуз Э. Р. Вечный дикарь /Пер. С. Глебкин, А. Губергриц. — Таллинн: Принтэст, 1993. - 461 с. 100 000 экз.

Содерж.: Вечный дикарь; За самой далекой звездой; Земля потерянных людей.

28. Берроуз Э. Р. Марсиане. 1: Романы. — Воронеж: МП «Вход», 1993. - 415 с. — (Б-ка приключений и фантастики). 200 000 экз.

Содерж.: Дочь тысячи джедаков; Боги Марса.

29. Берроуз Э. Р. Марсиане. 2: Романы. — Воронеж: МП «Вход»; ИПФ «Воронеж», 1993. - 288 с. — (Б-ка приключений и фантастики). 200 000 экз.

Содерж.: Владыка Марса; Тувия — дева Марса.

30. Берроуз Э. Р. Марсианские империи: Романы. — М.: АРМАДА, 1993. - 620 с. — (Фантастический боевик). 80 000 экз.

Содерж.: Мечи Марса; Искусственные люди Марса; Ллана из Гатола; Джон Картер — марсианин.

31. Берроуз Э. Р. Марсианские рыцари /Сост. В. Маршавин. — М.: Агра: Инрезерв, 1993. - 583 с. — (Фантастический боевик). — Романы из сер. «Марсиане». - 100 000 экз.

Содерж.: Тувия — дева Марса; Марсианские шахматы; Великий ум Марса; Боевой человек Марса.

32. Берроуз Э. Р. Т. 5: Романы. — СПб.: ИКА «Тайм-аут», 1993. -280 с. — (Мастера приключ. жанра. Фантастика). 110 000 экз.

Содерж.: Пираты Венеры; Люди из забытого времени.

33. Берроуз Э. Р. Приключения Тарзана в джунглях. — Уфа: МП «Каданс», 1993. — 141 с. 30 000 экз.

34. Берроуз Э. Р. Тарзан: Романы. — Новосибирск: Тимур, 1993. -591 с. 50 000 экз.

Содерж.: Тарзан — приемыш обезьяны; Возвращение в джунгли;

Тарзан и его звери.

35. Берроуз Э. Р. Тарзан: 2: Романы. — Ростов н/Д.: Гермес, 1993. -479 с. 150 000 экз.

Содерж.: Тарзан и его звери; Сын Тарзана; Приключения Тарзана в джунглях.

36. Берроуз Э. Р. Тарзан: Кн. 2. — СПб.: Энергоатомиздат. СПб. отделение, 1993. - 560 с. 25. 000 экз.

Содерж.: Сын Тарзана: (Окончание); Приключения Тарзана в джунглях; Тарзан и сокровища Опара; Тарзан великолепный; Тарзан и запретный город.

37. Берроуз Э. Р. Тарзан Великолепный. — Уфа: МП «Коданс», 1993. - 95 с. 30 000 экз.

38. Берроуз Э. Р. Тарзан и запретный город. — Уфа: МП «Коданс», 1993. - 128 с. Без тиража.

39. Берроуз Э. Р. Тарзан и затерянная империя. — Уфа: МП «Коданс», 1993. - 144 с. 30 000 экз.

40. Берроуз Э. Р. Тарзан и золотистый лев. — Уфа: МП «Коданс», 1993. - 160 с. 30 000 экз.

41. Берроуз Э. Р. Тарзан и его звери: Романы /Сост. К. Филиппов. — Ростов н/Д.: Гермес, 1993. - 479 с. 150 000 экз.

Содерж.: Тарзан и его звери; Сын Тарзана; Приключения Тарзана в джунглях.

42. Берроуз Э. Р. Тарзан и люди-муравьи. — Уфа: МП «Коданс», 1993. - 96 с. 26 000 экз.

43. Берроуз Э. Р. Тарзан Неукротимый; Тарзан Ужасный /Пер. С. Фридрих. — М Пресса, 1993. - 541 с. 100 000 экз.

44. Берроуз Э. Р. Тарзан — приемыш обезьяны; Возвращение в джунгли; Тарзан и его звери. — М.: Т-во «Издательский дом», 1993. - 463 с. — (Дет. б-ка «Мегаполис-Экспресс»: В 6 т. Т. 3). 400 000 экз.

45. Берроуз Э. Р. Тарзан — приемыш обезьяны; Возвращение в джунгли; Тарзан и его звери. — Новосибирск: Тимур, 1993. -591 с. 50 000 экз.

46. Берроуз Э. Р. Тарзан — приемыш обезьяны; Возвращение в джунгли: Романы. — Ростов н/Д.: Гермес, 1993. - 415 с. 50 000 экз.

47. Берроуз Э. Р. Тарзан ужасный; Тарзан и человек-лев; Тарзан и золотистый лев. — М.: Внешиберика, 1993. - 463 с. 150 000 экз.

48. Боллард (Ballard) Дж. Затонувший мир: Роман /Пер. Д. Арсеньев. — Волгоград: Фанк; КЛФ «Ветер времени», 1993. -134 с. 999 экз.

49. Браннер (Brunner) Дж. Планета в подарок: Романы /Сост. А. Лютиков. — СПб.: АО «ЭГОС», 1993. - 638 с. — (Elite series). 50 000 экз.

Содерж.: Планета в подарок; Рожденный под властью Марса; Работоторговцы космоса; Агент будущего; Отчет № 2 Всегалактического объединения потребителей: двухламповый автоматический исполнитель желаний.

50. Брэдбери (Bradbury) Р. Улыбка: Для детей. — Новосибирск: Дет. лит-ра, Сиб. отд-ние, 1993. - 575 с. — (Б-ка приключений и фантастики). 100000 экз.

Содерж.: Рассказ: Улыбка; Сб. рассказов: И грянул гром: Может быть, мы уже уходим; И грянул гром; Ветер Геттисберга; Чепушинка; Tírrannosaurus rex; Убийца; Наказание без преступления; Кошки-мышки; Лучезарный феникс; Идеальное убийство; Жила-была старушка; Превращение; Ракета; Космонавт; Сб. рассказов: Золотые яблоки Солнца;

Золотые яблоки Солнца; Нескончаемый дождь; Все лето в один день; Бетономешалка; Синяя бутылка; Разговор оплачен заранее; Земляничное окошко; Калейдоскоп; Сб. рассказов: Мальчик-невидимка: Морская раковина; В дни вечной весны; Апрельское колдовство; И все-таки наш...; Детская площадка; Час привидений; Мальчик-невидимка; Чертово колесо; Песочный человечек; Вельд; Здравствуй и прощай; Берег на закате; Каникулы; Марсианские хроники; Рассказ: Зеленое утро.

51. Брэдбери Р. Чикагская бездна: Роман, новеллы /Пер. Н. Григорьева, В. Грушецкий, Н. Гальи др.; Авт. предисл., сост. Н. Пальцева. — М.: Прогресс — Бестселлер, 1993. - 377 с. 150 000 экз.

Содерж.: Роман: Надвигается беда; Новеллы: О скитаниях вечных и о Земле; Изгнанники; Ракета; Кошки-мышки; Наказание без преступления; Лихорадка; Апрельское колдовство; Дядюшка Эйнар; Странница; Возвращение; Коса; Дракон; Икар Монгольфье Райт; Лекарство от меланхолии; Берег на закате; Тот, кто ждет; Машина до Килиманджаро; Высшее из блаженств; Дело жизни Хуана Диаса; Генрих Девятый; Чикагская бездна.

52. Брэккетт (Brackett) Бреккет Л. Исчезнувшая Луна: Повести /Пер. Б. Александров, Г. Грай. — СПб.: Северо-Запад, 1993. -480 с. — (Научная фантастика). 50 000 экз.

Содерж.: Исчезнувшая Луна; Венерианская колдунья; Женщина с Альтаира; Шенноч Последний; Твиннер; Странные.

53. Брэккетт Л. Женщина с Альтаира; Венерианская колдунья; Нортон Э. Опасные грезы; Ле Гуин У. Город иллюзий /Пер. А. Бурцев. — Иркутск: Вост. — Сиб. кн. изд-во, 1993. - 463 с. 30 000 экз.

54. Ван Вогт (Van Vogt) А. Э. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. — Ангарск: ТОО Амбер, Лтд, 1993. - 442 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Слэн; Шелки; Библия Пта.

55. Ван Вогт А. Э. Библия ПТА. — М.: Фирма «Топикал», 1993. -543 с. — (Любителям фантастики. Клуб «Золотое перо»; Вып. 14). 100 000 экз.

Содерж.: Библия ПТА; Слэн; Империя атома; Война против рулл.

56. Ван Вогт А. Э. Война против Рулл: Сборник /Сост. А. Лютиков. — СПб.: АО «ЭГОС», 1993. - 701 с. — (Elite series; Т. 3). 50 000 экз.

Содерж.: Война против Рулл; Оружейные магазины Ишеров; Оружейники; Путешествие «Космической Гончей».

57. Ван Вогт А. Э. Империя Атома: Романы. — М.: Центрполиграфиздат, 1993. - 526 с. — (Осирис; Вып. 9). 50 000 экз.

Содерж.: Оружейники; Оружейные магазины Ишера; Путешествие «Космической Гончей»; Империя Атома.

58. Ван Вогт А. Э. Слан: Сборник. — М.: ТОО «Фея», 1993. - 512 с. — (Мастера мировой фантастики). — Библиогр.: с. 511. (7 назв.) 40 000 экз.

Содерж.: Слан; Экспедиция «Космической Гончей»; Правители; Дорогой друг!; К-о-о-о-т; Совсем ручные часы; Чудовище; Розыск: пятьдесят солнц.

59. Ван Вогт А. Э. Шелки; Слэн: Романы. — М. — ТОО «Латерна», 1993. - 367 с. 30 000 экз.

60. Ветер чужого мира: Сборник /Сост. В. Гопман. — М. Сопричастность, 1993. - 352 с. — (Мир фантастики). 100 000 экз.

Содерж.: Р. Шекли. Травмированный; Дж. Ганн. Девушки, сработанные по науке; Р. Гуларт. Хамелеон; А. Азимов. Окончательный ответ; Р. Хайнлайн. Нить жизни; Л. Биггл. Хронос; С. Вейнбаум.

Марсианская одиссея; Т. Старджон. Покер; Золотое яйцо; Б. Шоу. Самый счастливый день; Г. Каттнер. Уязвимое место; Ф. Браун. Волновики; У. Тенн. Посыльный; Р. Э. Альтер. Мираж; Э. Д. Хох. Зверинец; Ч. Бомонт. Красивые люди; З. Хендерсон. Разноцветные корабли; Дж. Т. Макинтош. Бегство от бессмертия; К. Саймак. Ветер чужого мира; Необъятный двор.

61. Возвращение на звезды. — М.: Крим-пресс: МП «Асмодей», 1993. - 350 с. 80 000 экз.

Содерж.: Э. Гамильтон Э. Возвращение на звезды; Г. Гаррисон. Врач космического корабля.

62. Войны грядущего /Сост. С. Павлов-мл. — Омск: ЛОЭР; Краснодар: Сов. Кубань, 1993. - 543 с. — (Sciense Fiction. Fantasy. Horror; 2). 50 000 экз.

Содерж.: Дж. Холдеман. Бесконечная война; Времена года; Д. Пурнель. Наемник; П. Энтони. Власть пришельцев.

63. Вулф (Wolf) Дж. Марионетки: Сборник. — Ангарск: Амбер, Лтд; М.: Сигма-Пресс, 1993. - 380 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Дамона Кинг — победительница тьмы; Песнь преследования; Марионетки.

64. Врата времени: Сборник англо-амер. фантастики /Пер., сост. Ж. Сигошина. — Краснодар: Сов. Кубань, 1993. - 304 с. 50 000 экз.

Содерж.: Л. Спрэг де Камп. Поймать Единорога; Р. Блох. Енох; Л. Айзенберг. Куда подевался Огюст Кляро?; У. Бейкер-Эванс. Детишки; Р. Бретнор. Секретное оружие; С. Корнблат. Червь в голове; Л. Брэкетт. Близнец; Эрик Старк и древняя тайна рамасов; Р. Брэдбери. Маленький убийца; Д. Мартин. Песочники; Б. Олдисс. Охота; С. Джекс. Скучный день Осло; П. Андерсон, Г. Диксон. Шериф Золотоносного Ущелья; Р. Нельсон. Живущие среди нас; Р. Блох. Игрушка для Джульетты; Томас М. Диш. Твое число; Л. Бигли. Вершина триумфа; К. Д. Саймак...И правда сделает тебя свободным.

65. Вэнс (Vance) Вене Дж. Избранные произведения /Пер. Д. Громов, О. Ладыженский; Сост. А. Бобит. — Ростов н/Д.: Гермес, 1993. - 463 с. — (Б-ка фантастики. Т. 6). 50 000 экз.

Содерж.: Последний замок; Дома Исзма; Сын дерева; Умирающая земля.

66. Вэнс Дж. Звездный король: Романы. — М.: Торг. — изд. об-ние Центрополиграф, 1993. - 624 с. — (Осирис; Вып. 24). 60 000 экз.

Содерж.: Вечная жизнь; Дома Исзма; Сын дерева; Глаза чужого мира.

67. Галактика. 1: Сб. произведений зарубежных авт. /Пер., сост. «AMEX, Ltd». — М.: Вече, 1993. - 543 с. 100 000 экз.

Содерж.: Р. Силверберг. Что мы узнали из утренней газеты; Дж. Браннер. Усовершенствованная мышеловка; День совпадений; Предпочитаю молчать; Р. Брэдбери. День поминовения усопших; Пропавший марсианский город; Дж. Шархи. Пусть икс будет равен крокодилу; Л. Бреккет. Марсианский гладиатор; К. Саймак. Что может быть проще времени.

68. Гамильтон (Hamilton) Э. Город на краю света; Звездный волк; Долина Создателя: Романы. — М.: Топикал, 1993. - 480 с. — (Любителям фантастики. Клуб «Золотое перо»), 50 000 экз.

69. Гамильтон Э. Капитан Футур: Романы. — Н. Новгород: ГИПП «Нижполиграф», 1993. - 335 с. — (Б-ка зарубежной фантастики). 100 000 экз.

Содерж.: Капитан Футур приходит на помощь; Поиск капитана Футура; По ту сторону звезд.

70. Гамильтон Э. Звездные короли; Р. Силверберг. Пришельцы с Земли; Г. Гаррисон. Ди Гриз спасает мир /Сост. В. Котляров. — Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1993. - 432 с. — («Фатум», Фантастика-1; Вып. 10). 30 000 экз.

71. Ганн (Gunn) Дж. Мир-крепость /Пер. М. Гузников, В. Волков. — Н. Новгород: ТОО «Нишкнига», 1993. - 512 с. — (Мир фантастики). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Мир-крепость; Бессмертные; Слушающие; Рассказ: Рождество ежедневно.

72. Гарднер (Gardner) К. Бэтмэн; Бэтмэн возвращается; Хоук С. Бэтмэн: по следу спектра /Пер. К. Панас, В. Чиколити. М.: Эрика, 1993. - 447 с. — (Бестселлеры Голливуда). 150 000 экз.

73. Гаррисон (Harrison) Г. Миры Гарри Гаррисона: Кн. 4.: Романы /Пер. С. Коноплев, И. Коноплева, А. Соловьев. — Рига, Изд. фирма «Полярис», 1993. - 399 с. 100 000 экз.

Содерж.: Ты нужен Стальной Крысе; Стальную Крысу — в президенты!

74. Гаррисон Г. Миры Гарри Гаррисона: Кн. 5. /Пер. В. Быстров, А. Козловский, И. Почиталин; Сост. В. Быстров. — Рига: Изд. фирма «Полярис», 1993. - 543 с. 100 000 экз.

Содерж.: Чувство долга; Чума из космоса; Фантастическая сага.

75. Гаррисон Г. Миры Гарри Гаррисона: Кн. 6. /Пер. П. Жуков, С. Хренов, А. Жаворонков; Сост. В. Быстров. — Рига: Изд. фирма «Полярис», 1993. - 431 с. 100 000 экз.

Содерж.: Подвиньтесь!; Звездные похождения галактических рейнджеров.

76. Гаррисон Г. Миры Гарри Гаррисона: Возвращение в Эдем: Роман /Пер. Ю. Соколов. — Рига: Изд. фирма «Полярис», 1993. - 384 с. 100 000 экз.

77. Гаррисон Г. Да здравствует Трансатлантический туннель! Ура! Роман /Пер. В. Рыбаков. — СПб.: Terra Fantastica, 1993. - 283 с. — (Б-ка фантастики «Оверсан»), 50 000 экз.

78. Гаррисон Г. Крыса из нержавеющей стали; Месть Крысы из нержавеющей стали; Крыса из нержавеющей стали спасает мир: Романы. — СПб.: Формиздат, 1993. - 416 с. 30 000 экз.

79. Гаррисон Г. Похождения Стальной Крысы Романы /Пер. П. Жуков, Н. Сосновская, С. Коноплев; Сост. В. Быстров. — Рига: Изд. фирма «Полярис», 1993. - 621 с. 50 000 экз.

Содерж.: Рождение Стальной Крысы; Стальная Крыса идет в армию; Стальная Крыса.

80. Гаррисон Г. Рождение Крысы из нержавеющей стали: Сборник. — М.: Полиграфресурсы; Транспорт, 1993. - 619 с. — (Монстры Вселенной; 7). 100 000 экз.

Содерж.: Крыса из нержавеющей стали появляется на свет; Крыса из нержавеющей стали призвана в армию; Крыса из нержавеющей стали; Месть Крысы из нержавеющей стали; Крыса из нержавеющей стали спасает мир.

81. Гаррисон Г. Стальная Крыса: Романы /Пер. А. Снежко; Сост. А. Саяпин. — Таллинн: Мелор; М. Норд, 1993. - 320 с. — (Б-ка зарубеж. криминал, и приключ. романа. Зарубеж. остросюжет. фантастика). 75

000 экз.

Содерж. Крыса из нержавеющей стали; Месть Крысы из нержавеющей стали; Крыса из нержавеющей стали спасает мир.

82. Гаррисон Г., Капп К. Третьи звездные войны /Сост. А. Саяпин. — Таллинн: Б-ка «Лооминг», 1993. - 352 с. — (Б-ка зарубеж. криминал, и приключ. романа; Вып. 9). 100 000 экз.

83. Гир М. Воины Бога Паука: Кн. 1 трилогии «Спайдер» /Пер. С. Парижский. — СПб.: Библиополис, 1993. - (ORION). - 410 с. 50 000 экз.

84. Говард (Howard) Р. (и последователи). Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. Конан-корсар. Повести, новеллы /Пер. В. Карчевский и др.; Авт. послесл. Г. Лавкрафт; Сост. Н. Орехов. — Минск Эридан; СПб.: ЭКАМ, 1993. ~ 399 с. — (Фантаkrim-extra. Фантастика. Приключения. Детектив). 100 000 экз.

Содерж.: Л. Картер, Л. Спрэг де Камп. Страшилище в склепе; К. Э. Вагнер. Дорога королей; Р. Говард, Л. Спрэг де Камп, Л. Картер. Проклятие монолита; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер.

Черные слезы; Конан-корсар; Р. Говард, Л. Спрэг де Камп. Огненный нож.

85. Говард Р. (и последователи). Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Возвращение Конана: Повести, новеллы /Пер. А. Иванов, В. Карчевский. — СПб.: ЭКАМ, 1993. - 416 с. — (Фантаkrim-extra. Фантастика. Приключения. Детектив). 100 000 экз.

Содерж.: Р. Говард, Л. Спрэг де Камп. Драгоценности Траникоса; Волки по ту сторону границы; Б. Ниберг, Л. Спрэг де Камп. Возвращение Конана; Новеллы: Р. Говард. Тигры морей; Мечи Северного моря; Ночь волка; Мерзкое святилище; Боги Бэл-Са-гота; Красные тени.

86. Говард Р. Конан-варвар: Романы. — Воронеж: Роема; М.: Полиграфресурсы, 1993. - 559 с. — (Монстры Вселенной. 8). 100 000 экз.

Содерж.: Гиборийская эра; Башня Слона; Сплошь негодяи в доме; Дочь Ледяного Гиганта; Королева Черного побережья; Стальной демон; Родится ведьма; Призраки Замбулы; Люди Черного Круга; Ползучая тень; Гвозди с красными шляпками; По ту сторону Черной реки; Феникс на мече; Алая цитадель; Гиборийская эра: Эпилог; Час дракона; Пламень Ашшурбани-пала.

87. Говард Р. Конан, варвар из Киммерии: Романы, повести. — М.: Центрополиграф; СПб.: Комета, 1993. - 507 с. — (Осирис; Вып. 28). 10 000 экз.

Содерж.: Романы: Час дракона; Конан-корсар; Повести: Дьявол в железе; Люди из Черного круга; Ведьма, которая родится; Драгоценности Траникоса; Драгоценности Гуахаура; Феникс на мече; Алая цитадель.

88. Говард Р. Конан-варвар: Сборник /Пер. А. Прутцкол; Сост. В. Климов, В. Пищалев. — СПб.: ТсОО «Гамма», 1993. - 384 с. 100 000 экз.

Содерж.: Феникс на мече; Алая цитадель; Черный колосс; Ползущая тень; Тени в блеске луны; Королева Черного побережья; Дочь Ледяного Гиганта; Изумрудная бездна; И родится же ведьма; Дворец умерших; За Черной рекой.

89. Говард Р., Перри С. Конан и четыре стихии /Пер. Е. Федотова; Авт. предисл. С. Троицкий. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 638 с. 300 000 экз.

Содерж.: Четыре стихии; Черный камень Аманара; Тайна врат Аль-Кири. В кн. также: Эссе: Хайборийская эра; Письмо Р. Говарда.

90. Говард Р. Конан-варвар; Саймак К. Принцип оборотня: Рассказы, роман /Сост.: В. Котляров. — Нальчик: Эль-Фа, 1993. -352 с. — (Фатум

Фантастика-2; Вып. 13). 30 000 экз.

Содерж.: Конан-варвар: Тварь в склепе; Алая цитадель; Железный дьявол; Люди из Черного круга; Тени Замбулы; Ведьма, которая родится; Черные слезы; К. Саймак. Принцип оборотня.

91. Грант (Grant) Д. Альбион: Роман /Пер. О. Гончарук. М.: РИПОЛ, 1993. - 543 с. — (Joker book). 100 000 экз.

92. Грех чародейства. Романы /Пер. М. Нахмансон, Е. Новиков. — Тверь. Книжный клуб; Посредник, 1993. - 255 с. — (Золотая б-ка приключений). 100 000 экз.

Содерж.: Э. Гамильтон. Молот Валькаров; Э. Нортон. Звездная стража.

93. Гринлэнд (Greenland) К. Вернуть изобилие: Роман. — М.: ГРИФФ, 1993. - 512 с. — (Коллекционная фантастика). 10 000 экз.

Теперь вы знаете

А.А. Семёнов

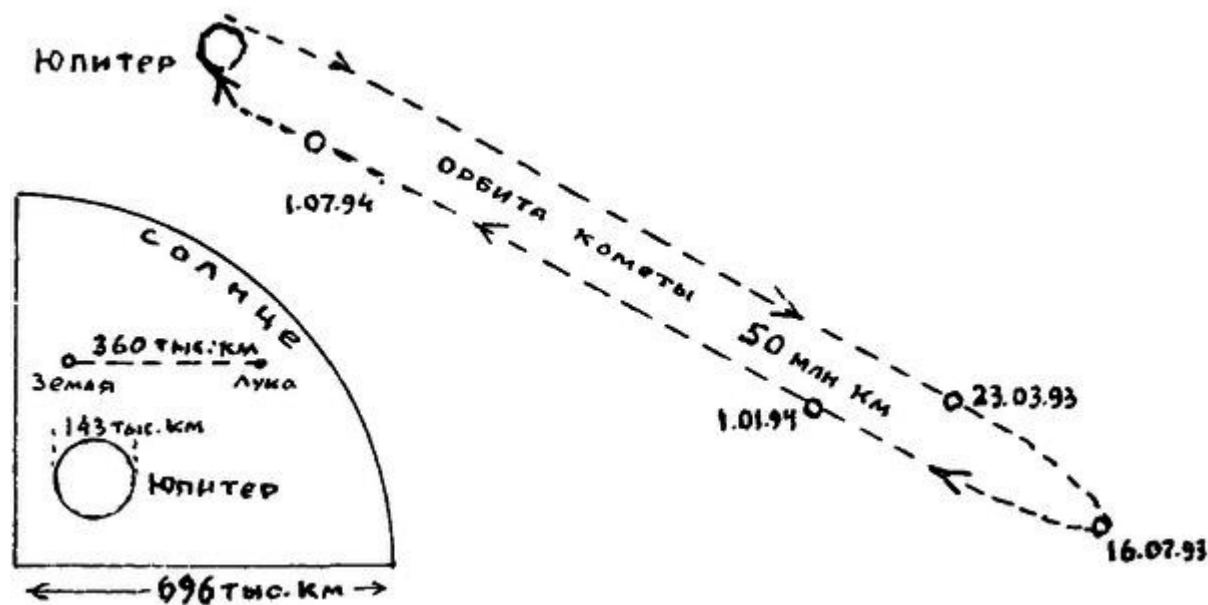
В июле 1994 года в Юпитер врежется комета (очерк)

Солнечную Систему время от времени посещают загадочные космические странницы, называемые кометами или хвостатыми звездами. Их неожиданное появление на небе минувших эпох всегда вызывало смятение в умах изумленных людей — от повального ужаса до мистических предсказаний и предзнаменований.

В нашем веке окрестности Земли дважды посещала комета Галлея. Она периодически, через 76–79 лет, возникает на земном небе. В 1910 году она уже была объектом широких астрономических наблюдений, сохраняя налет мистичности лишь в умах религиозных фанатиков, а в 1986 — 88 годах методы ее изучения уже опирались на возможности современной электроники и космонавтики. Астрономы и астрофизики всего мира неустанно следят за небом. Они открывают кометы и малые небесные тела — астероиды.

Троих американских астрономов-наблюдателей из Паломарской обсерватории — Е. и К. Шумейкеров и их сотрудника Д. Леви заслуженно именуют «энтузиастами космической вахты». С января по март 1993 г. погода по ночам стояла облачная. Если изредка и появлялась возможность фотографировать, снимка были мутными. Одна из таких фотографий, сделанная 23 марта, привлекла внимание Каролина Шумейкер потому, что на ней запечатлелся участок неба около Юпитера, который исследовательница давно хотела изучить более тщательно. Пленка свидетельствовала, что открыто странное доселе неизвестное явление в мире космических событий. К Юпитеру приближалась не комета, не астероид, а целая цепочка небесных тел, следующий друг за другом. Астрономы заволновались, ведь для признания открытия необходимо повторное наблюдение, по крайней мере, еще в течении одной ночи, но небо не очищалось от облачности. К счастью, в ответ на просьбу открытие было немедленно проверено астрономом Дж. Скотти из Аризоны и затем подтверждено Марсденом — председателем отдела Международного Астрономического союза, имеющим право давать официальное заключение о звездных открытиях.

Стало ясно, что к Юпитеру движется «космический поезд», состоящий из двадцати одного небесного тела — возможно, осколков ядра ранее неизвестной кометы. Наблюдения и расчеты позволили сделать вывод, что в дни от 16 до 20 июля 1994 года самая большая планета Системы подвергнется невиданной доселе космической бомбардировке. Чудовищные удары космических глыб размером до 3–4 километров в поперечнике и несущихся со скоростью 60 километров в секунду обрушат на Юпитер заряд, мощность которого эквивалентна трем с половиной миллионам водородных бомб, аналогичных взорванной в 1961 году на Новой Земле.

Что за этим последует? Гипотетические предположения рисуют несколько вариантов — от мощного метеорного дождя до аналога ядерной бомбардировки из космоса. Земным же наблюдателям и исследователям юпитерианская катастрофа даст ценнейшие сведения о Вселенной: приблизится разгадка таинственных циклических образований на Юпитере, в том числе Большого Красного Пятна — вихревого движения на газово-жидкой поверхности планеты; приоткроется тайна происхождения кратерных цепочек на нашей Луне и спутниках Юпитера; станет яснее механизм физических процессов мощного взрыва и многое другое. Кроме того, небезынтересна экстраполяция юпитерианской катастрофы на другие планеты.

Несмотря на малую вероятность такого события, можно предположить, что столкновение аналога «космического поезда» Шумейкеров-Леви с нашей Землей вызвало бы огромную приливную волну в океане, могущую затопить обширные прибрежные территории, а если бы удар пришелся бы по суше, то были бы испепелены целые страны, а поднявшиеся пылевые облака скрыли бы поверхность Земли от Солнца, вызвав подобие «ядерной зимы»...

Литературный конкурс «Сверхновой»

Наши читатели наверняка знают и любят литературу «фэнтэзи» — эти современные сказки, саги, сказания, которым посвящена немалая часть творчества современных мастеров-фантастов, таких, как Эндрю

Нортон, Урсула Ле Гуин, Майкл Муркок, Роджер Желязны, Роберт Силверберг, Энн Маккэфри, Пол Андерсон и многие другие. С произведениями этого жанра вы неоднократно встретитесь на наших страницах. Однако нельзя не заметить, что подавляющее большинство этих книг, с легкой руки Дж. Р. Р. Толкиена — одного из отцов-основателей жанра «фэнтези» — питаются образами европейского, в основном кельтского и скандинавского фольклора. Гоблины, гномы, феи, рыцари, валькирии, заколдованные мечи, блаженные острова — все эти неперенные атрибуты «фэнтези» вышли из западноевропейской мифологической, культурной и мистической традиции. Исключение составляет, пожалуй, только «Русалка» К. Дж. Черри, опубликованная в 1990 году в США и завоевавшая большую популярность — видимо, из-за «экзотичности» славянских атрибутов для англоязычного читателя.

Мы считаем, что славянское язычество и русское православие являются не менее богатой сокровищницей, откуда могли бы быть почерпнуты идеи и сюжеты для «фэнтези». Былины и жития православных святых, сказки о леших, домовых, кикиморах, русалках, добрых молодцах и царевнах — великолепный материал для творчества русских авторов, желающих испытать свои силы в этом жанре на русском языке.

Редакция «Сверхновой фантастики» объявляет конкурс произведений в жанре «фэнтези» для русских авторов. Произведения должны быть основаны на славяно-языческом или русском материале, отличаться оригинальностью сюжета и высоким художественным уровнем. Объем произведений — не более двух авторских листов. Рукописи должны быть присланы в редакцию не позднее 31 декабря 1994 года в одном экземпляре, напечатанные через 2 интервала, по адресу: 107076, Москва, а/я № 3, редакция журнала «Сверхновая американская фантастика». Просим авторов сообщить фамилию, имя, отчество, возраст, образование, адрес, телефон, факс, e-mail... Рукописи будут рассмотрены компетентным жюри и три лучших произведения в 1995 году увидят свет на наших страницах. Обещаем ответить всем авторам, приславшим рукописи на конкурс.

Желаем удачи!

* * *

УВАЖАЕМЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ!

Ежемесячный журнал «Сверхновая американская фантастика» — русское издание американского ежемесячника «Magazine of Fantasy and Science Fiction» — принимает заказы на размещение рекламы.

«Сверхновая американская фантастика» имеет тираж 10 тысяч экз. ежемесячно, распространяется по подписке и в розницу по всей территории России и ближнего зарубежья. Экземпляры журнала направляются и в США, поступают в крупнейшие библиотеки мира.

Мы особенно рады видеть на своих страницах рекламу новых технологий, медицинской и вычислительной техники, средств связи, наукоемких товаров и услуг, а также тех, кто финансирует развитие науки, вкладывает средства и оказывает спонсорскую помощь науке и образованию. Для этих рекламодателей предусмотрены льготы.

Льготы и для КЛФ и для книгоиздателей (возможен бартер).

Наши расценки на рекламу в одном номере журнала:

4-я страница обложки — 1 000 000 руб (цветная).; 2-я и 3-я страница обложки — 800 000 руб.; 1 страница в журнале — 400 000 руб.; 1/2 страницы — 200 000 руб.

Обращайтесь: 103617, Москва, Зеленоград, корп. 1.435, НИЦ «Ладомир», «Сверхновая американская фантастика». Тел: 963-76-94; факс (095) 200-22-00.

Для Вас — фантастическая реклама в журнале фантастики!

Подписной индекс «Сверхновой» — 73447 в каталоге «Роспечати».

* * *

«СВЕРХНОВАЯ» В НОВОМ ГОДУ

Дорогие читатели, любители фантастики! Мы надеемся, что сумели заинтересовать вас вспышками «Сверхновой», и вы захотите продолжить знакомство с нами в 1995 году.

Начинается подписная кампания на первое полугодие 1995 года. Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России и СНГ. Подписной индекс «Сверхновой» — 73447 в каталоге «Газеты и журналы. 1995» агентства «Роспечать».

Как и в этом году, редакция «Сверхновой» организует альтернативную подписку для жителей Москвы и тех, кому удобнее (да и дешевле) получать свежие номера журнала в наших пунктах распространения. Об условиях альтернативной подписки можно узнать в редакции по телефону 963-76-94 по вторникам и четвергам с 12 до 21 часа.

НИЦ «Ладомир» при содействии ТОО «ВРС»

103617, Москва, К-617, корп. 1435.

ЛР № 063160 от 14 декабря 1993 г. Подписано в печать 19 августа 1994 г. Формат 60x80/16. Бумага типогр. № 2. Печать офсетная. Уел. печ. л. 12.5. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4960. С-7.

Отпечатано с оригинал-макета на полиграфической фирме «Красный Пролетарий»

103473, Москва, Краснопролетарская, 16